

ISSN 0869-3129



КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

2. 2020

Открытие мемориального комплекса, посвященного
основоположнику балкарской литературы Кязиму Мечиеву.
Нальчик, 02.03.2020



12+



**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

2. 2020 МАРТ–АПРЕЛЬ

От редакции

За 75 лет, прошедших со дня Победы, мир изменился. Человечество нашло новые духовные ориентиры, новые цели, новые моральные идеалы. Многие из того, что казалось немыслимым для наших дедов, стало обыденностью – иногда обнадеживающей, иногда печальной. Люди, отдавшие свои жизни за будущее, даже не подозревали, каким неоднозначным оно будет.

Сегодня мы видим, как единый некогда советский народ разбивается на отдельные нации, не всегда помнящие о том, кем они приходятся друг другу. Многие даже не хотят знать, какая цена была заплачена за процветание их общей Родины. И слово «патриотизм» в устах многочисленных провозвестников новых «истин» постепенно приобретает оттенок снисходительной иронии и архаичности. Глубочайший цивилизационный кризис расколол мировое сообщество на враждующие группы, каждая из которых отстаивает свою правду, своё право на существование в границах собственного понимания Добра и Зла.

Но в этой разобщённой и конфликтной системе жизненных стандартов всё же остались незыблемые основы, восходящие к самым началам Бытия. Никто не сможет оспорить уникальную способность человека преодолеть всё, даже базовые инстинкты, и умереть во имя чего-то, что он ставит выше собственного «Я». Все мы понимаем, ощущаем пронзительную трагичность выбора наших дедов и прадедов, погибших за нас, ныне живущих. И сегодня мы чествуем их, фронтовиков и тружеников тыла, прошедших ад, боль и безнадёжное осознание мимолётности существования. Это их мужество позволило нам БЫТЬ – со всеми нашими мыслями и мечтами, простыми желаниями и высокими устремлениями. В годовщину Победы в Великой Отечественной войне редакция «ЛКБ» поздравляет наших ветеранов и надеется, что потери той войны не были напрасными. Верим – большая часть того, за что бились сердца советских солдат, остаётся в этом мире сейчас и останется в нём навсегда.





Война, начавшаяся 22 июня 1941 года и навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, была самым крупным военным столкновением двадцатого века. Опираясь на военно-экономический потенциал почти всей Европы, гитлеровская Германия двинула на нашу страну огромную силу: 5 500 000 солдат и офицеров, 3712 танков, 47 260 орудий и минометов, 4950 самолетов.

Сыны всех народов Советского Союза встали грудью на защиту своей Родины. Братский союз наций показал свою силу и жизнеспособность, явился одним из главных источников победы над фашистскими захватчиками.

Сыны и дочери Кабардино-Балкарии сражались с врагом во многих частях и соединениях Советской Армии, Военно-Морского Флота и авиации. Вместе с представителями всех братских народов СССР войны-кабардинцы, балкарцы и представители других национальностей, проживающие на территории республики, мужественно и отважно защищали честь, независимость и свободу своего Отечества.

В Кабардино-Балкарской АССР, как и в других республиках, краях и областях страны, сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз вызвало гневную бурю негодования трудящихся. Первым чувством тех, кто мог держать в руках винтовку, было желание как можно скорее быть там, где бушевало пламя войны, чтобы отразить натиск зарвавшегося врага. На заводах и фабриках, в колхозах и МТС, в организациях и учебных заведениях состоялись многолюдные митинги, на которых трудящиеся клеймили позором гитлеровских захватчиков, заявляли о своей готовности отдать все силы на защиту Родины, на разгром врага, демонстрировали свою непреклонную волю к победе.

Сотни и тысячи добровольцев Кабардино-Балкарии ушли на фронт, в республике началась мобилизация в Красную Армию. Предприятия Кабардино-Балкарии, перестроив свою работу на военный лад, стали давать продукцию для фронта.

Когда тысячи мужчин ушли на фронт, на смену им в цеха заводов и фабрик пришли их матери, жены, сестры. 28 июня 1941 года жены рабочих Нальчикского гидротурбинного завода обратились ко всем



Проводы на фронт. п. Майский

Это обращение нашло широкий отклик среди женщин республики. В письме Совету Народных Комиссаров СССР участницы собрания женщин города Нальчика писали: «...Мы, советские женщины, будем на передовых позициях фронта и тыла. Мы встанем на рабочие места тех, кто ушел в ряды доблестной Красной Армии, возьмем в руки штурвал комбайна и руль трактора. Ни один станок, ни одна машина у нас не будет простаивать...»

Большое патриотическое движение – замена женщинами мужчин на производстве – сыграло громадную роль в выполнении производственных заданий, в своевременном выпуске продукции, нужной фронту.

Тяжелое положение, сложившееся на фронте, который все ближе подходил к югу страны, потребовало принятия мер по осуществлению оборонительных мероприятий на Северном Кавказе.



*12.05.1982 г. Разъезд Шорданова. Однополчане.
Отсюда 6-7 июля 1941 г. отправляли полки
175 с.д. под Киев*

женщинам республики с призывом овладеть профессиями мужчин, ушедших на фронт, заменить их на производстве. В обращении говорилось: «Мы обращаемся ко всем женщинам Кабардино-Балкарии. Дорогие подруги! Идите на рабочие места, к станкам, машинам, откуда ушли на фронт мужчины. Овладевайте их профессиями!».

5 июля 1941 года Кабардино-Балкарский обком партии принял постановление о массовом обучении населения республики военному делу. Вся военно-оборонная работа проводилась под руководством партийных органов. В городах и районных центрах были открыты курсы инструкторов ПВХО, курсы медицинских сестер, организованы кружки



противовоздушной и противохимической обороны, велась подготовка связистов.

В целях усиления оборонной работы областной комитет партии 15 июля 1941 года утвердил положение о порядке организации народного ополчения. В народные ополчения вступали добровольцы, которые формировались в отдельные подразделения.

17 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Всеобуч явился важным мероприятием в целях подготовки резервов для Красной Армии.

Под девизом «Все для фронта, все для Победы!» за короткий срок в стране был создан фонд обороны, где принимали участие все народы Советского Союза, все трудящиеся, коммунисты и беспартийные, юноши и девушки. В фонд обороны поступали личные сбережения граждан, различные ценности, продукты питания, теплая одежда для фронтовиков. Рабочие промышленных предприятий добровольно отчисляли в фонд ежемесячно свой однодневный заработок, труженики села засеивали сверхплановые гектары, давали сверхплановую сельхозпродукцию. Немало средств перечислялось от проведенных комсомольско-молодежных воскресников. Активно участвовали в сборе металлолома для промышленности пионеры и школьники. Получили широкое распространение донорство, отправка посылок воинам на фронт. К лету 1942 года в фонд обороны было собрано 2740 млн рублей и на 2163 млн рублей облигаций внутренних займов, 11,5 кг платины, 94 кг золота, 9 тыс. кг серебра, почти на 9 млн рублей драгоценностей и иностранной валюты.

К концу года в целом по стране поступления в фонд обороны составили 10,5 млрд рублей, что позволило на эти средства дополнительно дать фронту значительное количество боевой техники и вооружения.

Война потребовала от советских людей огромного напряжения, мобилизации всех сил, большой организованности, идейной сплоченности и железной дисциплины, готовности пойти на любые жертвы во имя достижения победы над врагом.



Первые женщины-трактористки, окончившие курсы шоферов

В нашей республике широко было организовано социалистическое соревнование между промышленными предприятиями, колхозами и совхозами, звеньями и бригадами. Большое распространение получило движение комсомольско-молодежных бригад. Они много раз становились на стахановскую вахту в честь побед Советской Армии. Комсомольцы и молодежь Кабардино-Балкарской АССР проработали в общей сложности на положении вахты более шести месяцев. Часто проводились декадни, двухдекадни, месячники по сбору теплых вещей и продовольствия для фронтовиков, оказанию помощи семьям военнослужащих, детям-сиротам и эвакуированным, завершению сельскохозяйственных работ и досрочной

сдаче государству хлеба и животноводческих продуктов.

Трудящиеся Кабардино-Балкарии успешно реализовали все военные займы и облигации денежно-вещевой лотереи. Гордость республики – Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, как было сказано в поздравлении обкома КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров КБАССР в связи с 25-летием комбината, «достойно выполнил ответственные задачи по выпуску военной продукции и обороне Кавказа». За годы войны комбинат добыл сотни тысяч тонн руды, переработал ее и извлек сотни тонн молибденового и шеелитового концентрата, отправленного на металлургические заводы страны, производившие военную технику. Коллективы гидротурбинного и других заводов выпускали оружие, боеприпасы, ремонтировали боевую технику. Только рабочими Прохладненского мотороремонтного завода было отремонтировано и возвращено фронту 400 танков, восстановлено 204 танковых мотора, 226 автомобилей и бронетранспортеров, изготовлено запасных частей к ним на 2300 млн рублей.

Швейная фабрика изготовила только за период 1943–1945 годов для воинов Советской Армии около 175 тысяч пар белья и другой продукции на общую сумму 1 550 000 рублей. За время войны кондитерская фабрика поставила фронтовикам 25 миллионов двухсотграммовых пищевых концентратов и 5599 тонн кондитерских изделий, мясокомбинат – более 18 тысяч тонн мяса и колбасных изделий, большое количество жиров.

За годы Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии возникла и получила развитие районная пищевая промышленность. В 1943 году она дала фронту и стране продукции на 53,1 тысячи рублей, в 1944 году – 764,7, в 1945 – на 1 177 000 рублей.

Колхозное крестьянство сумело в кратчайший срок перестроить работу сельского хозяйства на военный лад, создать необходимые условия для бесперебойного снабжения армии и страны продовольствием, а промышленности – сырьем.

Даже в прифронтовых условиях, когда боевые действия шли на территории КБАССР, колхозники республики ни на минуту не прекращали своей помощи фронту. Под бомбежкой и артиллерийским обстрелом они убирали и поставляли хлеб фронтовикам.

За годы войны работники сельского хозяйства Кабардино-Балкарии сдали государству 286 771 тонну хлеба. Кроме государственных поставок, сдано 1465 тонн сверх плана и 6176 тонн добровольно в фонд Советской Армии, 47 399 тонн подсолнечника, 55 338 тонн сена, 3542 тонны конопли, 32 275 тонн картофеля, 19 512 тонн огородных культур, 96 967 центнеров мяса, 1 641 650 центнеров молока, 9025 центнеров шерсти, 252 896 штук различных кож, 13 450 тысяч штук яиц. Советские кавалеристы получили 27 тысяч лошадей кабардинской породы, которая, по определению Маршалов Советского Союза С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова, а также генерала Н. Я. Кириченко, оказалась одной из лучших отечественных пород лошадей.

Большая забота была проявлена о лечении и питании раненых воинов. Как своих родных братьев и сестер, трудящиеся республики приняли эвакуированных из Москвы и Ленинграда, республик Прибалтики, Украины и Молдавии, различных областей Российской Федерации. Многие из тех, кто был эвакуирован сюда в суровом 1941 году, так и остались здесь, деля труд и радости с местным населением и по сегодняшний день. Особая забота была проявлена о сохранении золотого фонда советского искусства – артистов московских Малого академического и Художественного театров.

Когда республике стала угрожать опасность фашистской оккупации, ценное оборудование промышленных предприятий, сырье, общественный скот многих колхозов, а также значительная часть квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников были эвакуированы в братские республики Закавказья и другие глубинные районы страны. Перед самой оккупацией территории Кабардино-Балкарии гитлеровцами многие патриоты вступили в ряды Советской Армии и партизанских отрядов, чтобы в жестоких боях с гитлеровцами приблизить день разгрома врага.

Оказавшись под игом фашистов, трудящиеся Кабардино-Балкарии ни на минуту не прекращали своей борьбы с захватчиками. Они посто-

янно срывали мероприятия оккупационных властей по использованию богатств республики для нужд фашистской армии, уничтожали гитлеровских солдат и офицеров.

Громадный ущерб нанесли республике фашистские варвары. Как это было и повсюду, в КБАССР после них остались разрушенные заводы и фабрики, разграбленные колхозы, совхозы, тысячи расстрелянных и замученных.

Фронт и тыл сжались в один могучий кулак. Страна стала единым военным лагерем. Было трудно всем. Люди недоедали и недосыпали. Но ни на минуту не переставало биться индустриальное сердце Родины. Наши заводы дали Советской Армии оружие, с помощью которого была раздавлена военная машина гитлеровского фашизма, опиравшаяся на промышленную мощь почти всей Европы.

Более 53 тысяч сынов и дочерей Кабардино-Балкарии сражались на фронте с гитлеровскими захватчиками. На протяжении всей войны в республике готовились и направлялись на фронт различные воинские части и подразделения – пополнение для Советской Армии.

Не было такого участка фронта, где бы вместе с представителями других братских народов страны не сражались с немецкими захватчиками наши земляки. Они были в рядах защитников крепости-героя Бреста, столицы нашей Родины – Москвы, участвовали в обороне Ленинграда и битве за Сталинград, в боях за Северный Кавказ, в сражениях под Курском и Белгородом, Орлом и Кишиневом, не жалели сил и жизни, освобождая народы Румынии, Болгарии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Югославии. Многие из них отличились и во время разгрома фашистов на территории Германии и японских империалистов на Дальнем Востоке.

Сыны Кабардино-Балкарии активно участвовали в партизанском движении Белоруссии, Украины, в рядах европейского движения сопротивления.

Тысячи уроженцев Кабардино-Балкарии за подвиги, совершенные на фронтах Великой Отечественной войны, награждены орденами и медалями, а двадцать пять самых отважных удостоены высокого звания Героя Советского Союза, шесть человек стали полными кавалерами ордена Славы.

Нелегко досталась советскому народу и его Вооруженным Силам победа над гитлеровской Германией и ее сателлитами. За годы войны народы нашей страны потеряли более 20 миллионов человек. Фашистские варвары разрушили и сожгли 1710 городов и свыше 70 тысяч сел и деревень Советского государства.

Велики и жертвы народов Кабардино-Балкарии. Более 32 тысяч воинов – уроженцев республики, пали в жестоких боях с гитлеровцами на фронтах войны. Тысячи мирных граждан были замучены в период временной оккупации территории республики.

Как и по всей стране, трудно найти семью в Кабардино-Балкарской АССР, которая в годы войны не потеряла бы близкого. На разных фронтах войны погибли восемь сыновей уроженца с. Каменноостского Исмела Куважокова – Ибрагим, Исуф, Таиб, Мухад, Башир, Касым, Барасби и Хабас. У Ахмеда Шериева из того же села против гитлеровцев воевали девять сыновей, из которых семеро погибли в боях. Пять сыновей Миты Лякопишева пали в боях против гитлеровцев. На фронтах войны погибли шесть родных братьев Кавдиновых из сел. Нижний Курп, четверо братьев Шебзуховых из сел. Псыгансу, четыре сына Маты Балкарова из сел. Кишпек. Из шестерых сыновей активного борца за Советскую власть и участника гражданской войны на Северном Кавказе, уроженца сел. Кенделен Алия Жанатаева пятеро воевали против гитлеровцев и четверо из них – Магомет, Юсуф, Нух и Якуб, пали в боях. Из пятерых сыновей уроженца сел. Старый Урух Хажбекира Белимготова домой вернулся только Забит, остальные – Хасан, Хажисмел, Жамбулат и Султан – погибли. На фронтах великой войны погибли четыре родных брата Маховых – Назир, Гусм, Гумар и Хусейн, из сел. Сармаково.

Не вернулись с фронта и четыре сына уроженца сел. Кахун Хамида Жамборова – Мухамед, Джах, Каральби и Тоби, четыре сына Иляса Кабалоева – Касбулат, Мимболат, Дзанболат и Жабраил, Умара Царикаева – Исуп, Муртазбий, Карате и Хушин из сел. Озрек. Федор Иванович Силкин из ст. Солдатской со своими двумя сыновьями – Георгием и Михаилом, также пали на полях битвы с гитлеровцами. Из 76 человек Кабалоевых, ушедших на фронт из сел. Озрек, 36 не вернулись домой. По 10–20 и более человек потеряли семьи Калмыковых, Сабанчиевых, Хацуковых и Шаовых из сел. Заюково; Зенковых из ст. Солдатской; Балаховых, Гяургиевых и Хакуашевых из сел. Арик; Альборовых и Дзугановых из сел. Старый Черек; Безириковых из сел. Псыгансу и многие другие.

Трудящиеся Кабардино-Балкарии свято чтят имена верных сынов и дочерей, павших и живых, которые в жестоких боях отстаивали честь и независимость нашего Отечества, своей жизнью и кровью завоевали бессмертие. Десятки тысяч трудящихся республики трудились самоотверженно не только за себя, но и за погибших, перевыполняя нормы в два-три раза, борясь за право сфотографироваться у Знамени Победы. Этой чести удостоились многие передовики труда, в том числе Герой Советского Союза Михаил Яхогоев, Герой Социалистического Труда Шарафутдин Муллаев, Мухамед Токов, Саймат Машкуашева, Хаджат Мизова и другие.

Подвиги советских воинов, среди которых были уроженцы нашей республики, золотыми буквами вписаны в летопись войны: 26 дней героически сражались защитники Брестской крепости, находясь в окружении; 43 дня отражали атаки фашистов защитники Одессы; 250 дней стояли

непоколебимо, как Россия, моряки и пехотинцы, защищая Севастополь; 900 блокадных дней выдержали ленинградцы. Победа в сражении на полях Подмосковья осенью-зимой 1941–1942 годов отбросила фашистов на 100–250 километров на запад и развеяла миф о непобедимости гитлеровской армии, а разгром немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом означал коренной поворот во всем ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. В 1943 году победа на Курской дуге поставила гитлеровских извергов на край катастрофы, а в 1944 году десять мощных ударов нашей армии, авиации и флота выбросили фашистских палачей с территории СССР. И, наконец, в мае 1945 года мы добились фашистского зверя в его собственной берлоге – Берлине, а наши воины М. Егоров и М. Кантария водрузили Знамя Победы над рейхстагом.

Таковы героические вехи боевого пути Советских Вооруженных Сил, вехи самой жестокой и кровопролитной войны из всех войн, которые знало человечество. И вот эти факты истории сегодня пытаются исказить, опровергнуть, фальсифицировать недруги России, но их усилия тщетны.

Обратимся к конкретным примерам мужества, отваги и героизма советских воинов на полях сражений, которые продолжались 1418 дней и ночей. В годы Великой Отечественной войны более 11 600 воинов удостоились звания Героя Советского Союза, 126 из них стали дважды Героями, а Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, маршалы авиации А. И. Покрышкин и И. А. Кожедуб получили три Звезды Героя. Впоследствии Г. К. Жукову вручили четвертую Звезду Героя. 16 миллионов граждан СССР награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Более 200 тружеников тыла стали Героями Социалистического Труда. За всю Великую Отечественную войну ни один корабль Военно-Морского Флота СССР не спустил боевой флаг.

Немалый вклад в разгром ненавистного врага внесли наши земляки.

День Победы, увенчавший самые трудные и героические страницы истории нашего государства, – неотъемлемая часть биографии наших отцов и матерей, старших братьев и сестер, часть нашей собственной жизни.

80 дней – с 9 августа по 29 октября 1942 года – продолжалась героическая оборона Нальчика. И только после того как фашистам удалось сосредоточить на подступах к городу свои основные силы, превосходящие советские войска в пехоте в 3 раза, в артиллерии в 10 раз и в танках в 20 раз, защитники Нальчика вынуждены были его оставить, но ненадолго.

В ожесточенных сражениях на территории республики и города Нальчика, в трудных оборонительных и наступательных боях советские войска героически и отважно дрались с врагом.

В памяти жителей Кабардино-Балкарии всегда будет жить подвиг защитников и освободителей республики, солдат и офицеров из частей и соединений Красной Армии, истребительных и партизанских отрядов, которые возглавляли П. М. Козлов, З. Д. Кумехов, К. А. Коротеев, А. И. Рубанюк, В. Ф. Сергацков, Ф. В. Захаров, А. П. Дорофеев, Н. Г. Сафарян, В. И. Филиппов, Г. И. Купарадзе и многие другие.

Всего от двух до пяти месяцев продолжалась оккупация Кабардино-Балкарии. Но горе и страдания ворвались в те дни в каждую семью.

За время оккупации фашисты расстреляли и замучили 4241 человека, разрушили города и села, заводы и фабрики, школы и больницы. Однако с началом нового года их злодеяниям пришел конец.

3 января 1943 г. в авангарде наступающей Красной Армии в город Нальчик, ломая сопротивление врага, вступили подразделения второй Гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии и партизаны Кабардино-Балкарского объединенного отряда под командованием Г. М. Царяпина и Ч. К. Кудаева. К утру 4 января Нальчик, а 11 января вся территория республики были полностью очищены от противника. Это памятное историческое событие отмечено специальным приказом Верховного Главнокомандующего, который объявил благодарность войскам, освободившим столицу Кабардино-Балкарии.



Г. М. Царяпин



Ч. К. Кудаев

60 тысяч своих земляков направила наша республика на фронт. Плечом к плечу с сыновьями других народов воины из Кабардино-Балкарии стойко защищали каждую пядь священной для всех патриотов земли. Более половины из них не вернулись домой. Они отдали свои жизни, освобождая города и села нашей Родины, храбро сражались на всех фронтах, во всех родах войск.

Из числа жителей Кабардино-Балкарии была сформирована и полностью оснащена 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, вступившая в бой в самый тяжелый период Великой Отечественной войны. Память об их подвигах увековечена в десятках монументов,obelisks, названиях школ, улиц городов и сел республики.

Для нас одинаково ценны и боевые и трудовые подвиги народа. Мы помним всех: и воинов, поднимавшихся в атаку, и женщин с детьми, стоявших ночами у станков или собиравших урожай. У нашего народа была великая цель, ради которой он не жалел своих сил, чтобы выстоять, сохранить государство, победить.

Историческая Победа советских людей над гитлеровской Германией, подвиг наших земляков навсегда останутся в памяти народной.

Битва за Кавказ, которая велась одновременно со Сталинградской и Курской операциями, ускорила перелом в ходе Великой Отечественной войны. Победа Советской Армии осенью и зимой 1942 года явилась результатом огромных усилий всего советского народа, народов Кавказа и, в частности, Кабардино-Балкарии, где, как и по всему фронту, героически сражались с немецкими захватчиками советские солдаты и партизаны. Маршал Советского Союза А. А. Гречко в своей книге «Битва за Кавказ» писал: «Большую помощь войскам в тот период оказали партизаны Кубани, Ставрополя, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. Взаимодействуя с частями и подразделениями регулярных войск, партизаны Северного Кавказа нарушали вражеские коммуникации, срывали подвоз боеприпасов и продовольствия, уничтожали живую силу и технику врага, добывали для войск ценные разведывательные сведения...

Партизаны Кабардино-Балкарии производили смелые налеты на вражеские гарнизоны...»

25 октября 1941 года обком партии в целях мобилизации всех сил республики на выполнение задач военного времени образовал Нальчикский городской комитет обороны. Председателем комитета был назначен первый секретарь обкома партии З. Д. Кумехов.

Учитывая сложившуюся на фронте обстановку, трудящиеся Кабардино-Балкарии приступили к созданию на территории республики оборонительных рубежей, которые должны были помочь частям Красной Армии сдержать наступление гитлеровских войск. В их строительстве принимали участие все, кто мог держать в руках лопату. В 1941–1942 годах на строительстве оборонительных сооружений работало более 42 тысяч человек.

Важным военно-политическим мероприятием в республике явилось формирование 115-й отдельной Кабардино-Балкарской национальной кавалерийской дивизии. В нее были направлены лучшие представители трудящихся республики.

115-я кавдивизия была сформирована и экипирована в то время, когда подавляющая часть боеспособного населения Кабардино-Балкарской АССР была уже мобилизована на фронт. 2 мая 1942 года командование Северо-Кавказского военного округа при личном участии командующего СКВО генерал-лейтенанта В. Н. Курдюмова и члена Военного совета СКВО генерал-майора П. К. Смирнова устроило последнюю проверку боевой готовности 115-й кавалерийской дивизии, которая в составе трех кавалерийских полков, артдивизиона, мотоэскадрона, отдельного эскадрона химзащиты, полуэскадрона



Кавалеристы 115-й кавдивизии. 1941 г.

связи, ветлазарета и других подразделений была принята в состав действующей Советской Армии.

Армейский комиссар I ранга Е. А. Щаденко и генерал-полковник О. И. Городовиков 8 мая 1942 года от имени Народного Комиссариата обороны СССР писали обкому партии и Совету Народных Комиссаров Кабардино-Балкарской АССР: «Усилиями партийно-советских и общественных организаций отобраны лучшие сыны кабардино-балкарского народа на укомплектование дивизии. Мы глубоко убеждены, что бойцы, командиры и политработники Отдельной национальной дивизии кабардино-балкарского народа с честью оправдают доверие партии и правительства на фронтах борьбы по разгрому фашистских интервентов».

В связи с приближением фронта партийные и советские организации Кабардино-Балкарии проводили большую работу по эвакуации в восточные районы страны промышленного оборудования, хлеба, скота и других материальных ценностей. Была эвакуирована и часть населения республики.





115-я кавдивизия. 1941 г.

По мере продвижения гитлеровских войск в глубь нашей страны в их тылу все более разгоралось пламя партизанской борьбы, ставшей огромной силой, крушившей врага. Ширилось партизанское движение и в оккупированных районах Северного Кавказа. Это вынуждены были признать не только представители немецкого командования, но и гитлеровские пропагандисты. «Партизаны Кавказа, – писал фашистский кинооператор Карл фон Дитрих, прибывший сюда в 1942 году, – не дают нам покоя. Всюду, где мы проходим, они выползают, как из-под земли. За каждого пойманного партизана мы обещаем надел земли, но жители не идут на это. Они всячески помогают партизанам...».

Для оказания практической помощи партийным организациям в расширении партизанской борьбы, для руководства партизанским движением на Северном Кавказе и в Крыму ГКО СССР постановлением от 3 августа 1942 года создал Южный штаб партизанского движения (ЮШПД) во главе с полковником Х. Д. Мамсуровым, а с начала сентября его возглавил первый секретарь Краснодарского крайкома партии П. И. Селезнев. Этот штаб координировал и боевые действия партизан Кабардино-Балкарии, где к этому времени на базе истребительных батальонов было организовано одиннадцать партизанских отрядов: Прохладненский, Нагорно-Зольский, Терско-Курпский, Баксанский, Эльбрусский, Чегемский, Хуламо-Безенгиевский, Нальчикский, Майский, Лескенский и Урванский.



Группа членов Военного совета 37-й армии. В первом ряду (слева направо): третий П. М. Козлов, командующий 37-й армией; во втором ряду первый слева З. Д. Кумехов, секретарь обкома ВСКП (б), председатель Нальчикского комитета обороны 1942 г.

В жемталинском, лескенском и курпском лесах, в Хуламо-Безенгиевском, Черекском, Чегемском и Баксанском ущельях, в сел. Ташлы-Тала и других местах были организованы базы продовольствия и вооружения партизан Кабардино-Балкарии. Партизаны Кабардино-Балкарии, в отличие от народных мстителей Белоруссии и Украины, осуществляли свои боевые действия не в глубоком вражеском тылу, а непосредственно на линии фронта или в армейских и дивизионных тылах противника. На это была, как указывал бывший комиссар

объединенного партизанского отряда Ч. К. Кудаев на XVIII пленуме обкома партии в декабре 1946 года, установка Народного комиссариата обороны СССР, предложившего им «находиться при воинских частях и выполнять приказы их командования».

Одним из боевых заданий областного комитета партии и военного командования, выполненным партизанами Кабардино-Балкарии, была эвакуация общественного скота в Закавказье. Под руководством уполномоченных обкома партии А. Л. Сасикова и К. Т. Глостанова партизаны Баксанского, Прохладненского и Эльбрусского районов перегнали с летних Нагорных и Зольских пастбищ через горные перевалы в Грузию более семидесяти тысяч голов колхозного скота.

В августе 1942 года партизанские отряды приняли участие в боях с гитлеровскими войсками, захватившими часть районов республики, проникали в тыл противника и доставляли командованию наших войск ценные сведения. Одновременно они вели активную борьбу с диверсантами и шпионами врага, засылаемыми в тыл наших войск.

Партизанское движение в целом по республике способствовало расширению всенародной борьбы с фашистскими оккупантами. По собственной инициативе трудящиеся организовывались в небольшие группы, вооружались и беспощадно уничтожали живую силу и технику врага.

27 девушек-комсомолок, строивших оборонительные сооружения под сел. Нартан, добровольно вступили 25 октября 1942 года в одно из подразделений 11-й стрелковой дивизии войск НКВД. Даже тогда, когда республика была оккупирована вражескими войсками, многие патриоты переходили линию фронта с ценными разведывательными данными и вливались в ряды Советской Армии. Только областная комсомольская организация направила на фронт до оккупации территории республики более половины своего состава – 12 300 человек. Причем добровольно ушли на фронт 4364 комсомольца, в том числе 300 девушек, многие из которых были в рядах героических защитников Сталинграда и отлично справлялись с боевыми заданиями командования.

В планах фашистских захватчиков Кавказу, как и другим районам СССР, отводилась роль обычной колонии, которая должна была снабжать Германию продовольствием и сырьем, а народы этого многонационального края превращались в рабов немецких помещиков и капи-



Группа партизан, награжденных орденами и медалями. Нальчик, 1943 г.



Группа бывших партизан Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда

талистов. Но трудящиеся Кавказа, как и все советские люди, поднялись на священную войну против поработителей, твердо веря в окончательную победу над фашистскими захватчиками.

В августе 1942 года немецко-фашистские войска вторглись на территорию Кабардино-Балкарии.

Трудящиеся республики, временно оказавшись на оккупированной врагом территории, не пали духом. Они твердо верили в неизбежность победы советского народа над гитлеровской Германией и ее сателлитами.

К началу боевых действий на территории республики еще не было завершено создание партизанских отрядов, подпольных партийных и комсомольских организаций. Эту работу пришлось делать в трудных фронтовых условиях, когда часть республики была оккупирована гитлеровскими войсками и на ее территории шли ожесточенные бои.

В этих сложных условиях обком партии и руководство республики приняли ряд мер по налаживанию борьбы трудящихся в оккупированных районах. Было решено совместно с командованием 37-й армии «готовить и засылать людей с заданиями во вражеский тыл». Наиболее проверенных коммунистов и комсомольцев переводили на конспиративное положение. Для оседания во вражеском тылу были подобраны соответствующие люди, а специально обученные патриоты переброшены через линию фронта для ведения разведывательной, диверсионно-подрывной и политико-разъяснительной работы среди населения. 17 октября 1942 года областной комитет партии образовал подпольный обком партии.

Выполняя свой интернациональный долг, кабардинцы, балкарцы, русские и другие уроженцы республики укрывали и спасали от уничтожения евреев, в том числе и эвакуированных сюда из Москвы, Ленинграда, Украины, республик Прибалтики.

Многие патриоты прятали и хранили документы, знамена, награды, медикаменты, инструменты, технику, за утайку которых оккупанты подвергали население жестоким репрессиям.

25 и 26 октября 1942 г., перед наступлением немецко-фашистских войск на город Нальчик, населенные пункты Нальчикского района,

расположенные вокруг города, подвергались ожесточенной воздушной бомбардировке вражеской авиацией. В этих налетах участвовало более 60 вражеских бомбардировщиков «Юнкерс-87».

На территории района никаких военных объектов не было. Однако на мирные незащищенные населенные пункты в указанный день было сброшено свыше 400 авиабомб весом от 50 кг и выше. Особенно ожесточенной воздушной бомбардировке были подвергнуты селения Чегем I, Аушигер, Шалушка и др. Авиабомбы бросались исключительно на жилые дома мирных жителей, колхозников, и с бреющего полета немецкие летчики расстреливали население из пулеметов. Кроме этого, некоторые населенные пункты района – Урвань, Вольный Аул, Аушигер подвергались также артиллерийскому обстрелу.

В результате вражеской воздушной бомбардировки и артиллерийского обстрела населенных пунктов района погибло ни в чем неповинных мирных советских граждан 72 человека, тяжело ранено 19 человек.

Потерпев поражение под Моздоком и в районе Малгобека, немецко-фашистские войска решили прорваться к грозненской нефти и Баку через Владикавказ (Орджоникидзе). На Нальчикском направлении начались ожесточенные бои. Министр обороны СССР маршал Советского Союза А. А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» отмечал: «Основные силы наших войск располагались на грозненском и орджоникидзевском направлениях, в то время как на нальчикском направлении оборонялась слабая 37-я армия. А именно против этой армии противник и намеревался нанести главный удар. На участке прорыва он создал кратное превосходство по пехоте, одиннадцатикратное в артиллерии, десятикратное в минометах. Танков в 37-й армии не было совершенно, а гитлеровцы сосредоточили на участке прорыва много танков».

В боях за Нальчик советские воины уничтожили более 2000 солдат и офицеров и много различной техники врага. Кабардино-Балкарию вместе с кабардинцами и балкарцами защищали русские и украинцы, грузины и армяне, азербайджанцы и татары, осетины и дагестанцы, чеченцы и ингуши, евреи и калмыки – представители всех братских народов. В кровопролитных сражениях, отстаивая землю горской республики, они продемонстрировали мужество и отвагу, братскую дружбу и солидарность народов Советского Союза, их сплоченность в борьбе против фашистских захватчиков.

Пять месяцев, с 12 августа 1942 года по 11 января 1943 года, хозяйничали в Кабардино-Балкарии фашистские захватчики. В республике нет ни одного селения, где бы они не совершали чудовищных злодеяний. В селении Зольском фашистские палачи загнали в силосную яму 48 советских граждан и закидали их гранатами. Среди убитых было 17 детей от 3 до 8 лет.

После изгнания немецко-фашистских оккупантов в противотанковом рву недалеко от Нальчика было обнаружено более 600 трупов советских граждан, замученных и расстрелянных гитлеровскими захватчиками. Среди них много детей, женщин и стариков.

В селении Прималка гитлеровскими оккупантами был создан концентрационный лагерь для советских военнопленных, в котором находилось свыше 2 тысяч человек. 5 января 1943 года, в день освобождения Советской Армией этого села, в лагере было обнаружено 1976 трупов советских военнопленных, из них 150 расстрелянных гитлеровцами перед самым отступлением.

Огромный ущерб нанесли гитлеровские захватчики народному хозяйству республики. Они взорвали Тырнаузский комбинат, Баксанскую ГЭС, Докшукинский спиртзавод и десятки других промышленных предприятий.

Большой ущерб нанесли оккупанты колхозам, совхозам и МТС. Они уничтожили 1039 тракторов, 309 комбайнов, общественные постройки колхозов и совхозов, а также большое количество сельскохозяйственного инвентаря.

В городе Нальчике гитлеровцы полностью уничтожили 117 крупных зданий. Стремясь ликвидировать национальную культуру, они разрушили здания театров, домов культуры, библиотеки, разграбили краеведческий музей. Из 227 школ республики фашисты сожгли и взорвали 216. Общий ущерб, нанесенный гитлеровцами народному хозяйству Кабардино-Балкарии, выражается в сумме 2 266 361 803 рубля.

Летом 1942 года в связи с приближением линии фронта к границам Кабардино-Балкарской АССР, областной комитет партии создал 8 партизанских отрядов для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Впоследствии, в силу сложившихся обстоятельств, для боевых действий на оккупированной территории было оставлено четыре отряда. Позже они были объединены в Кабардино-Балкарский партизанский отряд.

К весне 1943 года от немецко-фашистских захватчиков был освобожден весь Северный Кавказ.

В истории войн ни одна армия не знала такой поддержки и помощи со стороны народа, какую оказывал Красной Армии советский народ в Великой Отечественной войне. Горячее желание советских людей приблизить день победы над фашистскими захватчиками породило широкое патриотическое движение по оказанию помощи фронту. Оно охватило всю страну и явилось ярким свидетельством единства фронта и тыла, сплоченности советского народа, неиссякаемой силы и возрастающей мощи Красной Армии.

Труженики республики вносили в фонд обороны страны средства, заработанные на массовых воскресниках, отдавали на строительство



*Делегация трудящихся Кабардино-Балкарии в гостях у земляков
в авиационной части*

боевой техники свои личные сбережения, проводили сбор теплых вещей для советских воинов, отправляли фронтовикам посылки с продуктами.

Широким потоком на фронт шли посылки с подарками бойцам и командирам от коллективов трудящихся и отдельных граждан. С ноября 1941 г. по май 1942 г. фронтовики получили свыше 3,4 тыс. вагонов коллективных и индивидуальных посылок.

Важную роль в укреплении связей фронта и тыла имели шефство трудовых коллективов над тыловыми госпиталями, переписка трудящихся с воинами, направление на фронт делегаций от промышленных предприятий, колхозов и совхозов, концертных бригад, оказание помощи инвалидам войны, детям-сиротам и семьям фронтовиков. Всенародная помощь и забота трудящихся о Красной Армии и Военно-морском флоте явились могучим источником их силы, важным вкладом в повышении боевого могущества страны, в достижение победы над гитлеровским фашизмом.

До временной немецкой оккупации в республике было расположено 14 эвакуационных госпиталей с общей пропускной способностью в 13 000 койкомест. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. через эвакуационные госпитали прошло до 60 тыс. раненых и больных воинов Красной Армии. Госпиталю оказывалась соответствующая помощь. Советское правительство высоко оценило трудовой героизм советских людей. За успешное выполнение и перевыполнение заданий фронта в 1942 г. 53 промышленных предприятия были удостоены высоких государственных наград. Ордена и

медали получили также до 32 тыс. наиболее отличившихся рабочих, инженерно-технических и руководящих работников промышленности и сельского хозяйства.

Спустя два месяца после освобождения республики от гитлеровских оккупантов, в марте 1943 года, трудящиеся собрали 12 680 000 рублей на строительство танковой колонны «Колхозник орденоносной Кабардино-Балкарии». Через год на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам!» было собрано 20 600 000 рублей.

Сбор средств проводился на фабриках и заводах, в колхозах и МТС, в учреждениях и организациях, в госпиталях и школах.

Многие труженики вносили крупные суммы. 50 тысяч рублей на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам!» внес председатель колхоза имени И. В. Сталина Урванского района М. Кардангушев. По 30 тысяч рублей внесли председатель колхоза «Нартан» Нальчикского района Г. Шебзухов, председатель колхоза имени К. Е. Ворошилова Урванского района М. Тхазеплов. 201 тысячу рублей внесли на строительство танков три патриота из сельскохозяйственной артели имени В. М. Молотова селения Герменчик Нальчикского района: председатель колхоза И. Саблиров – 101 тысячу рублей, секретарь партийной организации Х. Каширгов и колхозник Х. Тлупов – по 50 тысяч рублей. «Пусть народные средства, превращенные в грозные машины, приблизят радостный день нашей победы над гитлеровскими извергами», – писали в телеграмме Верховному Главнокомандующему трудящиеся республики.

Все они имели разные боевые награды, а Мисед Тхазеплов, который являлся активным бойцом партизанского отряда, был награжден и медалями «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны», «За оборону Кавказа» и др.

Предприятия Нальчика, Прохладного, Докшукино (ныне г. Нарткала), Тырнауза, перейдя на круглосуточную работу, организовали производство и выпуск боеприпасов и военного снаряжения. Активно включились в патриотическое движение «Все для фронта, все для Победы» колхозы, совхозы, МТС, давшие фронту немало хлеба и другого продовольствия.

Жители города Нальчика, ежедневно подвергавшегося бомбовым ударам, вместе с колхозниками под артиллерийским огнем убирали хлеб, кукурузу, эвакуировали общественный скот, оказавшийся на горных пастбищах в тылу врага.

Родина высоко оценила вклад нальчан в Победу. За мужество и стойкость, проявленные трудящимися города в годы Великой Отечественной войны, и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, Нальчик в 1985 году был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин высоко оценил патриотические поступки трудящихся нашей республики. Он передал всем трудящимся свой братский привет и благодарность Красной Армии. Кроме того, он приветствовал и благодарил многие наши организации, рабочих, колхозников, служащих, школьников, принявших участие в сборе средств. Всего от И. В. Сталина получено 45 ответных телеграмм с приветствиями и благодарностями.

На имя Совнаркома республики и обкома ВКП(б) от командования Красной Армии получено сообщение, в котором указывается, что «танковая колонна «Смерть немецким захватчикам», построенная на средства трудящихся нашей республики, передана войскам 2-го Украинского фронта. Танки, построенные на наши средства, получили танкисты генерал-полковника танковых войск Богданова и генерал-майора танковых войск Каткова. Машины, построенные на средства трудящихся нашей республики, переданы в руки замечательных воинов, которые не раз на полях сражений показали пример отваги, мужества и доблести. Это они, форсировав Днепр, мощным ударом обрушились на вражеские войска, расположенные на правом берегу Украины. Танкисты генерал-полковника танковых войск Богданова отличились в прорыве сильной обороны немцев на Уманском направлении и вместе с другими частями за 5 дней наступательных боев продвинулись вперед от 40 до 70 километров, расширив прорыв до 175 километров по фронту. Они стремительной атакой овладели крупным железнодорожным узлом и городом Вапнярка, перерезав, таким образом, важнейшую железнодорожную магистраль Жмеринка – Одесса. Продолжая победоносное наступление, танкисты генерал-полковника Богданова вместе с другими войсками 2-го Украинского фронта форсировали р. Днестр на участке протяжением 175 километров, овладели городом и важным железнодорожным узлом Бельцы и первыми вышли на нашу государственную границу – р. Прут на протяжении в 85 километров. Танкисты генерал-майора танковых войск Каткова также отличились во многих боях и, в частности, при взятии города и крупной железнодорожной станции Ново-Украинка, города и важного железнодорожного узла Помощная, превращенных немцами в сильные опорные пункты своей обороны.

Танкистам генерал-полковника танковых войск Богданова и генерал-майора танковых войск Каткова не раз выносил благодарность Верховный Главнокомандующий, не раз по его приказу этим доблестным войскам от имени Родины салютовала Москва. Мы гордимся боевыми подвигами наших замечательных танкистов, как и всех войск Красной Армии.

«Товарищи танкисты! – писали в своем обращении трудящиеся Кабардино-Балкарии. – Мы очень рады, что танки, построенные на наши трудовые сбережения, уже находятся на вооружении Красной Армии. Желаем вам новых боевых успехов во имя Родины, во имя полной и

окончательной победы над фашистскими мерзавцами. Бейте врага, бейте беспощадно, мстите за наших братьев, сестер, отцов и матерей, замученных немецкими палачами, мстите за слезы детей-сирот, за наши города и селения, разрушенные гитлеровскими полчищами. Преследуйте раненого фашистского зверя и добейте его в его собственной берлоге. Заверяем вас, товарищи танкисты, что мы до конца выполним свой долг перед Родиной, не пожалеем своих сил и средств для помощи вам в великом священном деле. Мы приложим всю свою энергию к тому, чтобы в короткий срок полностью восстановить народное хозяйство, разрушенное немецкими варварами, и еще более укрепить силу и мощь Советского государства.

Пламенный большевистский привет вам, товарищи танкисты!»

Советский народ победил! Цену этой Победы невозможно измерить. Более 20 миллионов наших соотечественников отдали за это свою жизнь. На примерах героев Великой Отечественной войны молодежь республики воспитывается в духе готовности защищать свое Отечество.

Это было вечером 3 января. Наши передовые части вступили в Долинск. Первым вошел полк майора Охмана. Полк героически защищал Нальчик в тяжелые дни октября, и сейчас он возвращался сюда победителем. Вместе с ним в город входил объединенный отряд партизан



Части Красной Армии проходят по г. Прохладному, освобожденному от гитлеровских оккупантов. Январь, 1943 г.



Автоматчики подразделения лейтенанта комсомольца Анатолия Подщеколдина, форсировав реку, занимают новый рубеж, юго-восточнее Нальчика. Октябрь 1942 г.



Гвардии сержант П. М. Широгоров и гвардии красноармеец комсомолец П. И. Коробов на огневой позиции, юго-восточнее Нальчика. Октябрь 1942 г.



Кабардино-Балкарии. Народные мстители возвращались в свои родные места.

Не доходя до Нальчика, в с. Хасанья наши передовые отряды завязали перестрелку с арьергардом врага. Под натиском наших воинов и партизан гитлеровцы поспешно отступили, не успев даже воспользоваться подготовленными автомашинами, наши части захватили в Хасанье 12 исправных машин. В некоторых из них даже оставались не успевшие сбежать шоферы.

Майор Охман тут же приказал разоружить шоферов, посадил в кабину к каждому из них охрану и использовал эти машины для подброски идущих вслед за передовыми отрядами бойцов и партизан. Из Хасаньи отряды взяли курс на город.

Внезапно ворвавшись в Долинск, они спасли от пожара и разрушения санатории, дома отдыха и дачи курортного городка. Фашисты пытались оказать сопротивление, но оно было быстро сломлено. Взяли еще восемь автомашин.

Партизаны устали от многих бессонных ночей, утомились в трудном переходе по горам, но радостное чувство победы придавало им сил. Столица их родной республики, любимый город лежал перед ними. Немного

передохнув, полк Охмана разделился на три части. Одна рота пошла по северо-западной окраине Нальчика, другая – над речкой, а остальные пошли по шоссе, ведущему в центр города. Вместе с третьей группой двинулись партизаны.

Держа ружья и автоматы наперевес, бойцы и партизаны начали прочесывать центр города: Кабардинскую, Свободы, Октябрьскую, Почтовую и другие улицы. То здесь, то там слышались сухие автоматные очереди, треск пулеметов. Это гитлеровцы пытались еще оборонять город. Но после метких выстрелов наших партизан они быстро умолкли. У базара и на Астраханской улице фашисты пытались задержать наше наступление, но их жалкие попытки окончились полной неудачей.

Со слезами радости встречали жители города своих освободителей. Женщины обнимали и благодарили бойцов. На углу Кабардинской и Балкарской улиц к партизанам подошла старушка. Дрожащими руками обнимала она их одного за другим и говорила: «Спасибо, сыночки, спасибо, родные, освободили нас от зверя». Голос ее прервался от волнения, и больше старая женщина ничего не могла сказать. Слезы радости залили ее лицо.

5 января трудящиеся города собрались на митинг, чтобы отпраздновать свое освобождение. На здании кинотеатра был водружен красный флаг. Толпы людей заполнили Кабардинскую.

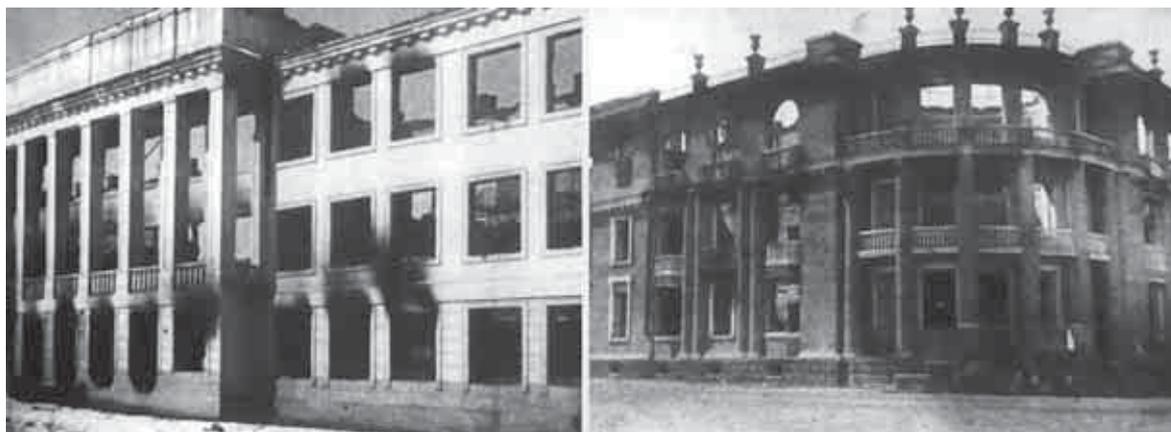
Счастьем и радостью сияли их лица. Люди обнимали и благословляли своих освободителей – воинов и партизан, пришедших на митинг, чтобы вместе с народом отпраздновать победу над врагом. На глазах многих блестели слезы радости.

На импровизированной трибуне – секретари обкома партии Кумехов, Фокичев, председатель Совета Народных Комиссаров Кабардино-Балкарской АССР т. Ахохов, работники политотдела и члены Военного совета Н-ской армии, освободившей Нальчик, руководитель объединенного отряда партизан т. Царяпин, представители трудящихся города и другие товарищи.

После митинга с большим концертом выступил ансамбль красноармейской песни и пляски. Люди, истомившиеся в неволе, с жадностью слушали родные советские мотивы. Впервые за два месяца разносились по городу бодрые призывные слова советских песен: о советской Родине, о свободной жизни.

Митинг закончился, и твердой поступью быстро проходят через город части Красной Армии, торопясь вперед, на запад. Красное знамя, развевавшееся по ветру, звало людей к творческому созидательному труду.

После освобождения орденосной Кабардино-Балкарии все партизаны объединенного партизанского отряда, получив назначения на ответственные посты, успешно проводят восстановительные работы в народном хозяйстве.



Нальчик после освобождения от немецко-фашистской оккупации. 1943 г.

**Из отчетного доклада обкома ВКП(б) на XVIII областной
партийной конференции о помощи,
оказанной трудящимися республики фронту
в годы Великой Отечественной войны**

26 декабря 1946 г.

Областная партийная организация, перестраивая свою работу на военный лад, всемерно поднимала и направляла силы трудящихся республики на помощь фронту для победы над врагом.

Республика сдала государству за годы войны: 278 130 тонн зерна, 47 399 тонн подсолнечника, 55 275 тонн картофеля, 19 512 тонн овощей, 96 967 центнеров мяса, 164 165 гекталитров молока, 13 450 тысяч шт. яиц, 9025 центнеров шерсти, Красной Армии передано 27 тысяч лучших кабардинских коней, внесено в фонд обороны страны и на займы государству 160 580 566 рублей денег и 6176 тонн хлеба.

Трудящиеся республики за годы войны дали для Красной Армии 71 673 различных предметов теплых вещей, собрали и отправили на фронт в порядке подарков героическим воинам Советской Армии 19 вагонов с подарками.

До временной немецкой оккупации в республике было расположено 14 эвакогоспиталей с общей пропускной способностью в 13 000 койкомест. С июля 1941 г. по октябрь 1942 г. через эвакогоспитали прошли до 60 тысяч раненых и больных воинов Советской Армии. Госпиталям оказывалась соответствующая помощь.

В соответствии с постановлением ГОКО от 13/XI 1941 г. в Кабардино-Балкарской АССР формировалась 115-я кавалерийская национальная дивизия. Для ее состава колхозы Кабардино-Балкарии дали свыше 3000 лошадей, а также собрали и изготовили на предприятиях республики 62 250 штук различных предметов снаряжения и обмундирования.

В связи с приближением линии фронта к территории республики стали организовываться партизанские отряды, которые обеспечивались обмундированием и продовольствием.

Лучшие люди республики героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны. 19 наших земляков удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи воинов награждены орденами и медалями.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от сентября 1941 г. было установлено всеобщее обязательное военное обучение граждан СССР, способных носить оружие и выступить на защиту Родины. Выполняя это постановление ГКО, местные партийные, советские, комсомольские и военные организации республики проделали большую работу: десятки тысяч трудящихся республики были обучены различным военным специальностям по 110-часовой программе.

Трудящиеся республики приняли активное участие в строительстве оборонительных сооружений. Выполняя указания нашей партии и правительства об укреплении оборонной мощи, Осоавиахим дал Советской Армии десятки тысяч достойного пополнения. Нальчикский и Прохладненский аэроклубы подготовили 700 человек летчиков и парашютистов. Прохладненский автотоклуб подготовил 450 шоферов. В связи с началом войны учебные пункты и летние лагеря Осоавиахима подготовили тысячи стрелков, пулеметчиков, снайперов и других специалистов военного дела.

С момента освобождения республики от немецких захватчиков Осоавиахим приступил к подготовке военных кадров для Красной Армии и подготовке населения к ПВХО.

Государственный Комитет Оборона обязал Осоавиахим провести работу по сплошному разминированию и сбору трофеев на территории, подвергшейся временной немецкой оккупации.

Организацией Осоавиахима нашей республики, с помощью партийных, советских и комсомольских организаций собрано, подорвано, обезврежено и сдано 268 720 штук взрывоопасной техники. Сдано Красной Армии различных трофеев 19 612 единиц.

*Партархив Кабардино-Балкарского обкома КПСС,
ф. 1, оп. 1, д. 1341, л. 102*



ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ИЗ КБР



*Агеев
Филипп Павлович*



*Атаманчук
Григорий Климентьевич*



*Байсултанов
Алим Юсуфович*



*Воровченко
Григорий Данилович*



*Головко
Арсений Григорьевич*



*Диденко
Николай Матвеевич*



*Емельяненко
Анатолий Дмитриевич*



*Иванов
Хасан Талибович*



*Иллазаров
Исай Иллазарович*



*Калюжный
Николай Гаврилович*



*Канкошев
Ахмет-Хан Талович*



*Канукоев
Назир Титуевич*



*Карданов
Кабард Локманович*



*Карданов
Кубати Локманович*



*Кузнецов
Василий Григорьевич*



*Кузнецов
Георгий Андреевич*



*Левченко
Василий Сидорович*



*Масаев
Аслангери Яхьяевич*





*Маикаузан
Шабса Менделевич*



*Михайленко
Василий Терентьевич*



*Оганьянц
Грант Аракелович*



*Рогачев
Михаил Кириллович*



*Стеблинский
Сергей Васильевич*



*Тамбиев
Владимир Григорьевич*



*Уммаев
Мухажир
Магометгериевич*



*Ушанев
Сергей Михайлович*



*Яхоев
Михаил Ардошукович*



КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СЛАВЫ 3-х СТЕПЕНЕЙ



*Буцало
Василий Филиппович*



*Волосатов
Анатолий Анисимович*



*Герасименко
Николай Афанасьевич*



*Кузнецов
Василий Андреевич*



*Мамедов
Минур Исса-Оглы*



*Мусов
Менли Фицевич*



*Павленко
Михаил Павлович*



*Радченко
Иван Федорович*



*Усачев
Петр Степанович*

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ 1945 г.



Бороздна Аркадий Васильевич
Вологиров Хажпаго Магометмурзович
Воронов Иван Иванович
Дмитриев Михаил Николаевич
Канукоев Огид Улиевич
Карданов Кубати Локманович
Карданов Хабас Якубович
Кебеков Мухарбек Цабоевич
Козлов Василий Афанасьевич
Колесников Владимир Николаевич
Колесниченко Петр Харлампьевич
Кольченко Василий Федорович
Кравченко Владимир Павлович
Крохмаль Иван Егорович
Макоев Мата Ордашукович

Мамедов Минур Иса-Оглы
Мкртчян Мкрт Енокович
Овод Прокопий Александрович
Олейников Петр Иванович
Орлов Николай Васильевич
Павленко Михаил Павлович
Петров Платон Иванович
Поповец Николай Петрович
Туляков Михаил Александрович
Фролов Иван Степанович
Хамицаев Осман Данилович
Хахулин Иван Яковлевич
Хомич Анатолий Степанович
Шогенов Гумар Камботович
Яхогоев Михаил Ардошукович

ПИСАТЕЛИ НА ВОЙНЕ

Всё дальше и дальше те суровые года, когда седыми вдруг становились мальчишки и стонала выжженная земля. Выросли новые травы – пожалуй, не каждый следопыт отыщет сегодня когда-то открытый его дедом, отцом или братом окоп. Только бойцу, войны минувшей ветерану, под силу эта задача – память солдата проведёт невидимыми нынче тропами и ходами. В партизанских лесах необъятной нашей Родины поднялись и заматерели мощные дубы и вязы, сосны и ели, молодые заросли покрыли опушки – почти не видно деревьев-ветеранов, иссечённых осколками снарядов, с засевшими в стволах пулями, покорёженных взрывами. Не выжили, значит, деревья. А вот люди – выжили.

Годы всё стремительнее уходят в историю. И ряды фронтовиков редуют, уходя в бессмертие. Под каждой могильной плитой лежит история жизни защитника Родины. О скольких миллионах павших мы еще не успели сказать.

Мы хотим поименно назвать писателей Кабардино-Балкарии, ходивших на битву – самую страшную из всех, которые вело человечество за свою историю. Запомните их, они были, как мы: любили жизнь, мир, мечтали. Только выпало им на долю что-то страшное, потребовавшее выбора, – и они его сделали. Ради нас, ради того будущего, которое стало нашим настоящим. Выполнив свой долг, они передали нам эстафету жизни. И мы будем их помнить.

Болтыханов Фёдор Васильевич, русский писатель. В 1941 году окончил Нальчикский аэроклуб и был направлен в Военно-морское авиационное училище им. И. В. Сталина, откуда был переведён в ВМАУ имени Леваневского в г. Безенчук Куйбышевской области. Учёбу завершить не удалось – курсантов отправили на защиту Сталинграда. В годы войны был ранен, контужен и обморожен. Лечился в госпиталях и снова возвращался в боевой строй. Имеет 11 государственных наград. Умер 12 января 2014 года в Нальчике.

Будаев Азрет Кичибатырович, балкарский поэт. Получив ранение во время партизанской боевой операции в райцентре Кашхатау, попал в плен и расстрелян фашистами 28 октября 1942 года.

Геляев Рамазан Кичиевич, балкарский драматург. После окончания 2-го пехотного училища в г. Орджоникидзе направлен в 115-ю Кавдивизию. Погиб на фронте, защищая Родину, в 1943 году.

Геттуев Максим Измаилович, балкарский поэт. В рядах 18-й армии сражался на Северном Кавказе, на Малой земле под Новороссийском, освобождал правобережье Украины. Награждён боевыми орденами и медалями. Демобилизовался в 1946 году. Умер в 1985 году, в г. Нальчике.

Губжеев Мухадин Мацраилович, кабардинский писатель. 23 июня 1941 года ушёл на фронт добровольцем. Воевал под Смоленском, Оршей. Был ранен и контужен. В 1943 г., после госпиталя, комиссован. Награждён многими медалями. Умер в 1997 г. в Нальчике.

Гуртуев Берт Измаилович, балкарский писатель. С началом Великой Отечественной войны вступил в действующую армию, активно участвовал в боевых действиях в качестве политрука стрелковой роты, преподавал в пулемётно-миномётном училище. Награждён двумя орденами и 13 медалями. Умер в 2001 г. в Нальчике.

Залиханов Жанакант Жунусович, балкарский писатель. Был командиром Чегемского партизанского отряда. Награждён тремя орденами и медалью. Умер в 1995 г. в Нальчике.

Кажаров Индрис Мухамедович, кабардинский поэт. В начале войны призван в армию, попал в плен и погиб в концлагере в Бобруйске.

Карданов Буба Мацикович, кабардинский писатель. В декабре 1941 г. окончил Орджоникидзевское военно-пехотное училище и направлен на фронт. Воевал до Победы. Награждён тремя орденами и четырьмя медалями. Умер в 1988 г. в Нальчике.

Канукоев Мухаж Тутович, кабардинский писатель. 31 июля 1941 года призван в Красную Армию, был командиром пулеметной роты. Погиб в ожесточённом бою, прикрывая со своей ротой отходящие стрелковые части в октябре 1942 года.

Кардангушев Зарамук Патурович, кабардинский драматург и фольклорист. Активный участник Великой Отечественной войны. Награждён орденом и четырьмя медалями. Умер в 2008 г. в г. Нальчике.

Кешоков Алим Пшемахович, кабардинский поэт и прозаик. В 1941 г. ушёл на фронт. Служил редактором дивизионной газеты «За Родину!», корреспондентом армейской газеты «Сын Отечества». Военный псевдоним – Али Бомба-бей Штык-оглы Шарапн-эль Саади. Прошёл боевой путь от Сальских степей до Восточной Пруссии. Награждён многими орденами и медалями. Умер в 2001 г. в Москве.

Кешоков Рашид Пшемахович, кабардинский писатель. В годы войны в качестве командира истребительного батальона руководил операциями по поимке вражеских парашютистов и диверсионных групп. Затем был направлен в штаб охраны тыла Закавказского фронта. Демобилизовался в 1946 году. Удостоен правительственных наград. Умер в 1957 г. в Нальчике.

Куашев Бетал Ибрагимович, кабардинский поэт. Добровольцем ушёл на фронт и воевал до конца войны. Несколько раз был тяжело ранен. Водрузил красное знамя над освобождённым Витебском. Закончил войну в звании майора. Награждён четырьмя орденами, в том числе – Александра Невского, и многими медалями. Умер в 1957 г. в Нальчике.

Кузьмин Валентин Григорьевич, русский прозаик. Призван на службу в 1943 году, в возрасте 18 лет (последний военный призыв). Курсант Могилёвского пехотного училища, а через восемь месяцев – на фронте, в 182-й стрелковой дивизии. Был тяжело ранен в боях за Днепр. Госпитали, затем школа младших авиаспециалистов в Грузии, снова фронт. Мотористом 650-го бомбардировочного авиаполка Рижской дивизии дошёл до Берлина. Награждён орденами и 11 медалями. Умер в 2011 г. в Нальчике.

Кулиев Кайсын Шуваевич, балкарский поэт. Служил в Заполярье, затем под Ленинградом. Участвовал в боях за освобождение Москвы, Орла, Ростова, Украины, Крыма, Прибалтики. Был неоднократно ранен. Награждён боевыми орденами и медалями. Умер в 1985 г. в Нальчике.

Кулиев Хажимуса Атабиевич, балкарский поэт. С первых дней войны был на фронте, участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Награждён орденом Красной Звезды и медалями. Умер в 1971 г. в Нальчике.

Макитов Сафар Исхакович, балкарский поэт. С августа 1942 года – в отряде особого назначения при 37-й армии. С августа 1943 по 1949 год – в органах МВД в Нальчике и Фрунзе. Награждён орденами и 14 медалями. Умер в 2013 г. в Нальчике.

Маммеев Ибрагим Шакманович, балкарский драматург. Служил в погранвойсках на западной границе страны. С самого начала войны на фронте – в составе 92-го погранотряда. Принимал участие в штурме Берлина. Награждён тремя орденами и пятью медалями. Умер в 2004 г. в Нальчике.

Налоев Ахмедхан Хамурзович, кабардинский писатель. Прошел всю войну на фронте без перерыва на госпитали. После окончания военно-инженерного училища командовал сапёрным взводом, ротой, получил звание капитана. Награждён пятью орденами, в том числе – орденом Александра Невского, и многими медалями. Умер в 2010 г. в Нальчике.

Отаров Керим Сарамурзаевич, балкарский поэт. Добровольцем ушёл на фронт. В 1943 г. после тяжёлого ранения демобилизован. Награждён орденом Красной Звезды и медалями. Умер в 1974 г. в Нальчике.

Рябов Борис Ипполитович, русский поэт. Ушёл на фронт в 1941 году. Погиб в 1942 году. Обстоятельства гибели неизвестны.

Таов Борис Хамшетович, кабардинский поэт. Воевал на фронте в звании младшего лейтенанта, оперуполномоченным особого отдела НКВД 25-й танковой бригады. В конце июля 1942 г. во время Ржевско-Сычёвской операции на Калининградском фронте получил тяжёлое ранение и скончался в госпитале. Награждён орденом Боевого Красного Знамени (посмертно).

Тубаев Мухамед Мударович, кабардинский драматург. С 1940 по 1946 гг. служил в Красной (Советской) Армии, принимал участие в боевых действиях, прошёл путь от рядового до командира. За личное мужество и героизм награждён двумя орденами и медалями. Умер в 1973 г. в Нальчике.

Хочуев Салих Шабазович, балкарский писатель. В 1942 г. призван в Красную Армию, в конце этого же года погиб в концлагере в Бобруйске.

Черемисин Борис Петрович, русский писатель. Окончил Мичуринское военно-инженерное училище. На фронте с 1942 года. Воевал на Дону, Курской дуге, выполнял боевые задания в районах Обояни, Белгорода, Харькова. Лечился в госпиталях. Демобилизовался в декабре 1945 года. Награждён двумя орденами и многими медалями. Умер в 2002 г. в Нальчике.

Шогенцуков Адам Огурлиевич, кабардинский поэт. С ноября 1941 года и до окончания Великой Отечественной войны сражался на фронте. Прошёл от предгорий Кавказа до Праги, Будапешта и Вены. Награждён орденами и медалями. Умер в 1995 г. в Нальчике.

Шогенцуков Али Асхадович, кабардинский поэт. Осенью 1941 г. ушёл на фронт. В пути следования фашистские самолёты разбомбили эшелон. Оставшиеся в живых ополченцы оказались в плену и были брошены в Кременчугский (Украина), а затем Бобруйский (Белоруссия) концлагерь. Там и оборвалась жизнь поэта.

Этезов Омар Мимболатович, балкарский поэт, прозаик, драматург. На фронте с 31 декабря 1941 года. За боевые заслуги получил две медали. В марте 1943 г. демобилизован по ранению. Умер в 1964 г. в Нальчике.

Нет героев важных и неважных, нет подвигов больших и малых, нет незначительных участников войны. Они все увенчаны славой, памятью, счастьем и несокрушимостью Победы. Не может быть победы большей или меньшей. Есть одна Великая Победа. Одна на всех. Нет безымянных солдат, им всем поставлен самый главный памятник – Неизвестному солдату, им зажжены Вечные огни славы по всему Отечеству.

В публикации использованы материалы из архива «ЛКБ»



Алим КЕШОКОВ

Поле, объятые пламенем

Пшеничные поля огнём объаты,
Огонь колосья снизу охватил –
Взрываются в них зёрна, как гранаты,
Дым стелется, бессилён и бескрыл.

Сжигает труд пылание слепое,
Труд пахаря – средь солнечного дня.
Зерно горит... Но кто засеял поле –
Тот возвращивал хлеба не для огня.

Горят поля. Как муки родовые
У женщины с агонией слились.
И жжёным хлебом пахнут яровые,
От грузной горькой мглы ослепла высь.

И корчится земля от лютой боли,
Гудит огонь почти на всю страну.
День торжества огня. Ведь впору в поле
Ему на тризну пригласить войну.

Пылающих колосьев рать живая
Бросается стремглав в горящий круг,
Как туры в пропасть скачут, убегая.
Горят поля. Нет плакальщиц вокруг.

Перевод В. Цыбина

Каска

Пуля кабардинца подкосила,
И упал солдат на чёрный снег.
Ночь пришла, и выюга схоронила
Нашего товарища навек.

А весной зазеленели травы,
Полетели гуси на восток.
И пробился из-под каски ржавой
С лепестками алыми цветков.

Выйдет в поле девушка-горянка
И, склонясь над каскою стальной,
Вдруг увидит маленькую ранку
На солдатском шлеме под звездой.

Погрустит, потом пойдёт долиной,
И умчится девичья тоска.
Только мать, что не дождалась сына,
Не снимает чёрного платка.

Возле каски рожь заколосилась,
Облака над каскою плывут.
И цветок, что из-под каски вырос,
В жизни все бессмертником зовут.

Перевод Я. Козловского

Солдатские сапоги

Жар костров мне сапоги прожёт,
Дождь мочил их, облепляла глина.
В них по сотням тропок и дорог
Я дошёл до самого Берлина.
Пусть они изношены до дыр,
Мне они любых других дороже.
В них стране завоевал я мир –
В них приду на пир победный тоже.
Знаю: соберётся молодёжь,
Огласятся звонкой песней горы,
И под громкий дружный плеск ладош
Выйдут в белых башлыках танцоры.
К этому-то дню я и берёг
Сапоги, утратившие глянец,
Чтоб сплясать в них, не жалея ног,
Кабардинку как победный танец!

Перевод П. Карабана



Кайсын КУЛИЕВ

Далека ты

Далека ты. Снег идёт.
Я в снегу. Я белый весь.
Я уверен, что у вас
Снег сейчас такой, как здесь.

Ты от фронта далеко,
Но я вижу сквозь пургу:
Ты по улице идёшь
Вся, как я, в густом снегу.

Перевод Н. Коржавина

Баллада о погибшем друге

Бывало, прискакавши на коне,
Без спросу гость входил в мои владенья.
Так и теперь, в дождливый день ко мне
Погибший друг явился в сновиденье.
Повязка почерневшая сползла,
Открыла бледный лоб с кровоподтёком,
И на меня печальные глаза
Глядели с нескрываемым упрёком.
Он говорил: «Ты помнишь этот бой,
Когда мы под дождём лежали вместе,
Не зная, что расстанемся с тобой?..
Ты помнишь этот бой? Скажи по чести,
Во ржи, густой и мокрой от дождя,
Не знали мы, когда лежали рядом,
Что нас с тобой немного погода
Накроет разорвавшимся снарядом.
Ты был свидетель гибели моей.
Напрасно ты тогда старался, друже,
В шинель меня закутать потеплей
И затянуть бинты на мне потуже.
Все было тщетно...

Мой последний стон
Из глаз твоих слезу скупую выжал.
Не обнимай меня, я только сон.
Какое счастье, если бы я выжил!..
Ты знаешь, как ужасно умирать...
Я жду, когда ты скажешь мне: «Воскресни!»
И жизнь моя затеплится опять,
И вспыхнет на ветру строкою песни.
Но ты молчишь – ни слова обо мне.
Я верю, что когда-нибудь ты скажешь,
Как трудно приходилось на войне,
Какая нам легла на плечи тяжесть...
Твой стих – моё последнее жильё.
И я хочу, чтоб в нем всегда звучали
Моя отвага, мужество моё,
Слова суровой правды и печали.
Среди поэтов много есть таких,
Что о войне легко и пышно пишут.
И стыдно мне тогда за вас – живых,
И больно мне тогда за нас – погибших.
Нет! Подвиги рождаются в крови,
Бледнеют губы от смертельной муки...
Я все сказал,
Не забывай о друге
И ты в стихах душою не криви.

Перевод Е. Елисеева

Стихи, написанные в госпитале

Мне кажется, в тебе, моя страна,
Девичьи слезы каждый камень льёт,
И каждая седая крутизна
Тоскою материнскою полна.
Как будто слышу голоса камней,
Наперебой зовут они вперёд:
– Сразись во имя родины своей
И победи. Иль умереть сумей!

Перевод Д. Бродского

Ахмедхан НАЛОЕВ



Ахмедхан Хамурзович Налоев был совершенно особым человеком. Если бы не тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю, можно было бы сказать, что он – баловень судьбы. Он с первой попытки совершал всё, что задумал, удача улыбалась ему и в мирное время, и в окопах. Восемнадцатилетним сельским юношей попал на фронт в самое страшное для страны время, он выжил, был направлен в Ленинградское военно-инженерное училище,

после окончания командовал взводом, затем ротой, прошёл всю войну, стал кавалером самых значимых боевых наград СССР. После войны поступил в педагогический институт и, ещё не окончив его, был принят на работу преподавателем.

Его научная деятельность может считаться образцом профессионального отношения к делу. Безупречность методологических подходов и доскональность аргументации в решении любых проблем адыгского языкознания – печать его личного стиля, художественные тексты, выверенные в эмотивном плане, точно фиксирующие позицию автора, его желания и мысли, главное, увлекающие своим сдержанным, но ощущаемым напором, присущим сильному человеку, – всё это Ахмедхан Налоев. Избранник Фортуны, критиков и читателей.

Однако жизнь кабардинского писателя имела и обратную сторону. На его груди, плотно закрытой орденами и медалями, всё же не хватало двух наград – Звезды Героя СССР и ордена Ленина. Командир сапёрной роты был представлен к званию Героя в 1943 году. Он закончил войну в звании капитана, хотя за год до её окончания – за бои на территории Польши – должен был получить майора. Ахмедхан Хамурзович Налоев никогда не был любим начальством, никогда не был частью системы управления. Будучи фантастически смелым человеком – сопроводительные документы к его наградам читаются, в полном смысле этого слова, как песни о героях эпоса – он был настоящим воином, но не желал и не был послушным исполнителем чужой воли. Ахмедхан Налоев под любым давлением и в любой среде оставался этничным человеком, в окопах и в мирное время ориентированным на своё, то есть национальное понимание жизненных ценностей. Его оценка любых людей, поступков, обстоятельств являлась окончательной и независимой от текущей конъюнктуры. Это лишило его многих заслуженных наград, но позволило быть свободной личностью, окружило аурой страха недругов, но снискало любовь и уважение товарищей. Эта была единственно воз-

можная для него жизненная позиция – плоть от плоти, кровь от крови, то единственное, что позволило в то время сохранить нетронутой его душу, душу истинного адыга и воина.

Редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» публикует один из рассказов Ахмедхана Хамурзовича Налоева, надеясь, что читатели журнала оценят и почувствуют личность автора – талантливого, открытого и бесстрашного человека, одного из тех, кому мы обязаны сегодняшним днём.

НАДПИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

Рассказ

Парни из кабардинского селения Калежа, разбросанного у подножия гор, в тихой зеленой долине, представляли себе войну совсем не такой, какой она оказалась, когда Бара Хагундоков встретился с нею лицом к лицу.

...Мчится неудержимая кавалерийская лава, вспыхивают на солнце ослепительные жала клинков, далеко разносится над полем боя громовое «ур-ра-а-а!». Растерянные враги в беспорядке бегут, и на их спинах джигиты врываются в город. Незнакомая улица и дома, запруженные народом площади и переулки: благодарная толпа встречает победителей восторженным гулом. Лошади с трудом пробиваются сквозь ликующий живой заслон – смех и слезы, траурные платки старух и белая пена весенних цветов в девичьих руках, лукавые глаза обомлевших мальчишек, объятия и поцелуи...

О такой войне знал Бара, когда жил в своем Калеже. Он видел ее только в прокуренном зале сельского клуба, когда киномеханик привозил из города военный фильм.

Теперь сержант Бара Хагундоков знал, какой бывает война на войне.

По-разному складываются на фронте судьбы людей. И трудно сказать, что важнее: не сделав ни единого выстрела, решать на карте событий ее стратегию или быть одним из тех незаметных двужильных тружеников, которые попадают в самое пекло.

Один держит в руках все нити и должен доподлинно знать, какую из них потянуть, а какую ослабить. Это на его плечах лежит глыба ответственности, ее не облегчить ни сознанием собственной непогрешимости, ни привычкой, ее надо нести одному, молча и до конца.

Другому не обязательно видеть все. Его роль – действовать на том маленьком участке, который сегодня, сию минуту возникает перед ним в решающий момент боя, побуждая его делать то, что он делает – отдавать войне свою волю, нервы и мышцы.

Есть еще середина. Это те, кто соединяет усилия, кто воплощает в дело мысль полководца, исполняя его приказы и расчлняя замысел на отдельные задачи для каждого участника схватки.

Бара Хагундоков принял войну, как принимают неизбежное. Его домом стали разъезженные, утопающие в грязи проселки, укрытые снегом овраги и рощи, поросшие камышом болота, его бытом стали бесконечные дни боев и долгие ночные марши, ночевки в сыром окопе и те раскаленные мгновения атаки, когда каждый нерв напряжен до предела и нет ничего на свете, кроме нагретого стрельбой автомата и тех очень простых и немногих навыков, которых требует от человека война.

Он научился всему легко и быстро, потому что знал твердо, зачем все это. Его земле, его стране выпало великое испытание, и чем сильнее, чем сноровистее и отважнее будет он, сержант Бара Хагундоков, тем скорее придет победа.

Где он, в чем он, неиссякаемый источник солдатской доблести?..

В законе?

В приказе?

В необходимости?

И когда вчерашний мирный паренек, простоватый и незлобивый, становится настоящим солдатом, прошедшим суровую науку ненависти?..

Сын прощается с матерью, подарив ей на долгие годы лишь воспоминание о последнем объятии и смутный запах шинели. Мужчина оставляет дома молодую жену и, сидя в траншее после очередной атаки, взмокший и опустошенный, гонит от себя ужасную мысль о ее возможной неверности. Отец под гул оружейной пальбы слышит во сне голоса своих детей, которых, может быть, уже нет в живых...

Нужно нечто очень большое и очень высокое, чтобы все это выдержать и не сломиться.

Бара не любил громких слов, не умел и говорить о том, что пережил и передумал на фронте. Все его кредо солдата укладывалось в будничное слово – «надо».

Надо, чтобы реки текли спокойно, чтобы солнце всходило и заходило, чтобы над Родиной всегда было чистое небо.

К врагу в этой войне неприменимы обычные мерки. Четвертый год воюет Бара, и каждый фронтовой день приносит все новые свидетельства фашистского изуверства. Словно вышвырнуло на поверхность из каких-то грязных и застарелых глубин человечества звериную муть садизма и отупения, ужасающую в своей обнаженности деградацию духа.

...Немецкий солдат зимой сорок пятого. Он уже не тот, каким был в сорок первом, – наглый, самоуверенно-жестокий, несущий, пусть не внутри, но снаружи, хваленый лоск европейской цивилизации, снабдив-

шей его добротной шинелью и кожаными сапогами, губной гармошкой и набором опасных бритв с надписями на каждый день недели: «Montag, Dienstag, Mittwoch»...

Теперь на нем – обтерханная, прожженная у костров шинелишка, засаленная вывернутая пилотка, натянутая на почерневшие от холода уши, женский вязаный платок на небритой шее, на ногах – набитые соломой худые валенки. Вот он, отстав от своих, запалил в морозной степи огонь и, согнувшись, копается в сумке, перебирает закоченелыми руками награбленное добро.

Мародер... Типичная фигура отступающей фашистской армии. Армии убийц и палачей. Собственно, уже не армии, а оголтелого сброда, потерявшего человеческий облик. Братья и последователи фадеевского Питера Фенбонга, которые выбивают прикладом у чужих и своих мертвецов золотые зубы, выламывают у трупов задубелые пальцы с обручальными кольцами...

Бара Хагундоков видел, знал, что творится в городах и поселках, где хоть один день простояла немецкая часть.

Длинным серым потоком вливается в улицы опустевшего города полупьяное войско. Как мутный ручей после дождя, растекается по домам и подвалам, как раненое пресмыкающееся, которое ничего не разбирает от боли и страха и жалит правого и виноватого. На площади, на стертых ступенях собора, сидят старухи, закутанные в черные застиранные платки. Да полно, старухи ли?..

Почти все они молоды. Горький опыт войны привел их сюда, надоумил измазать лица золой и сажей, обрядиться в лохмотья, чтобы спастись если не от смерти, то хотя бы от надругательства. В домах и вовсе не спрячешься от голодных иступленных глаз, от цепких плотоядных рук, несущих под черными обкусанными ногтями кровь и грязь всей Европы.

Вот он, новоявленный Питер Фенбонг, или Ганс, или Пауль, – не все ли равно, как его имя, – подходит к одной из согнувшихся на ступеньках женщин и срывает с нее запорошенный снегом платок. Торжествующе рычит и хватает свою жертву в охапку. Площадь оглашается криком и плачем, гоготом доброго десятка других мародеров, которые тут же увязываются за похитителем в ближайшую подворотню...

До позднего вечера царят пьяный разгул и насилие в занятом городе.

...В глубоком противотанковом рву лежат трое. Пожилой чех с разбитым лицом и две женщины. Старая и молодая. Жива только та, что моложе. У нее, видно, сломаны ноги и поврежден позвоночник. Приподняв голову, она жадно глотает сырой снег, подгребая его к себе искалеченной рукой. Это случилось еще утром, когда немцы входили в

город. Старик сбросил с балкона третьего этажа сначала жену и дочь, а потом выпрыгнул сам...

Какой-то ефрейтор приканчивает молодую чешку из автомата...

...Толпа солдат устремляется к одному из уцелевших домов.

– Das ist schone Haus! – кричит один из них. – Это хороший дом! Ура-а! Вперед!

Здание действительно совершенно не тронута артиллерийским обстрелом. Внутри – просторно и чисто, пахнет больницей и еще чем-то неуловимо знакомым. За первой же дверью – ровные ряды кроватей, на них лежат люди под клетчатými байковыми одеялами. Солдат срывает одеяла штыком. С одного, с другого. Все мертвы. На полу, возле стеклянной горки с лекарствами, согнувшись, лежит человек в белом халате. Очки разбились. В комнате стоит горьковатый запах миндаля... Врач отравил и больных, и себя...

– А-а-а-а! – солдат ошалело трясет головой и выскакивает прочь. Он никогда не видел такой тихой, бескровной смерти.

...Столпотворение у винного погреба, который кто-то обнаружил под разбитым рестораном. Огромные, как железнодорожные цистерны, бочки стоят на бетонном постаменте, возвышаясь крутыми боками до самых сводов подвала. Очередь из автомата – и десятки красноватых струек, похожих при свете свечей на кровь, бьют из дубового днища прямо на цементный пол, в подставленные оружие рты, в котелки и манерки. Все течет и журчит, наполняя подвал тяжелым хмельным духом, перемешанным с запахом пороха и солдатского пота.

Какой-то майор с железным крестом на груди, сопровождаемый несколькими эсэсовцами, пробившись в погреб, зычно кричит:

– Aufziehen! Выходить! Всем – выходить! Кому дорога жизнь! Подвал сейчас будет взорван! Schnell, schnell! Быстро!..

– Ха-ха-ха! Взрывай, майор! Mein Gott! Взрывай! Поплывем в рай по винному морю!

– Aufziehen! Выходить всем!..

Смеркается.

...Офицеры ужинают в вагоне застрявшего на станции поезда. Нет ни машиниста, ни пассажиров. Пустой состав и светящееся окно вагона.

– Шампанское – блеск!

– Да, но это – последняя бутылка!

– Эрвин! Эрвин, черт бы тебя побрал!

– Слушаю, господин обер-лейтенант!

– За шампанским – бегом ма-а-рш!

– Осмелюсь доложить, у меня есть две бутылки в запасе.

– Тащи! Пока сбегаешь, разопьем!

– Ein Moment!

– Хайль Гитлер!

– За победу, за нашего фюрера!

Бутылки еще не опустели, когда вернулся денщик. Ворот расстегнут, левый погон сорван и болтается на одной нитке.

– Почему с пустыми руками?

– Господин обер-лейтенант, эсэсовцы не пропускают в подвал! Там – майор. Будут взрывать...

– Donnerwetter! Какого лешего? Взрывать такое добро! Пошли!

...В подвале – шум, выстрелы. Майор охрип, выкрикивая свое «Выходи!». Никто ни на кого не обращает внимания. Майор устало машет рукой, бормочет ругательства и забирает эсэсовцев. Офицеры, набив карманы бутылками, возвращаются в свой вагон.

– Это все, о чем я молился в последние дни, – говорит один из них, почесывая грудь под грязной рубашкой. – Напиться в стельку! И чтобы вокруг был город, а не распроклятая степь, от одного вида которой мутит и ломит в висках!

– Заткнись, Макс, лучше выпей!

Дивизия, в которой служил Бара Хагундоков, опередила другие наступающие части и не смогла удержать город. Теперь она заняла оборону на опушке леса. Там, в лесу, стоят резервы. Единственный подход к траншеям переднего края – открытое поле. По нему ползут серые шинели и кажущиеся желтоватыми на белом снегу маскхалаты, застывают, настигнутые пулей, и снова ползут, потому что иначе нельзя, – надо укрепить позиции.

Немцы методически обстреливают наш передний край из орудий и пулеметов. Вздываются вверх груды земли и снега, свистят осколки, сбивая с ветвей морозную пыль и подсохшую хвою.

Первая линия наших окопов слишком открыта и не защищена от возможной танковой атаки немцев. Нужно заминировать нейтральную полосу. Но как это сделать, если враг не дает поднять головы?..

...Трое саперов ползут на нейтральной зоне, волоча за собой сумки с минами. Один из них – Бара.

...Слиться с землей и снегом, растаять в молочной белизне, воспользовавшись любой ложбинкой и впадиной, прячась в сугробах, а при случае и за мертвым телом, которое сослужит свою последнюю службу – примет предназначенную тебе пулю. Безжалостный, но справедливый закон войны.

Бара – в полушубке и валенках, солдаты – в шинелях, на всех – маскхалаты. С Хагундоковым – пожилой бородач и совсем юный безбровый ефрейтор с белобрысыми вихрами, торчащими из-под ушанки. Бородатый вваливается в воронку от снаряда и щелкает затвором винтовки.

– Заело, сержант, ни черта не могу свернуть...

– Давай сюда, – отдуваясь, говорит Бара и поправляет затвор. – Тоже мне – солдат! Как же ты справишься с миной?

– Мина – дело привычное.

Ползут дальше. Впереди – голый, как колено, бугор, самое опасное место: простреливается со всех сторон. Снова отдыхают в воронке. Пожилой вылезает, бежит, виляя, к убитому красноармейцу и, распластавшись рядом, обшаривает у него карманы.

– Ты чего? – недобро спрашивает Бара.

– Комсомольский билет, – солдат показывает завернутую в платок красную книжечку. – Отдам командиру...

Бугор приходится преодолевать бегом. По одному. Вокруг ухают взрывы. Сбоку бьет пулемет. Но саперы уже внизу – здесь хоть не достают пули. Орудийный обстрел усиливается. В нескольких десятках метров – плоское, как стол, пространство, которое они должны заминировать.

Ждать, пока стемнеет? Или опять лезть на рожон, в зону огня?..

– Комбат приказал – немедленно! – словно угадав мысли товарищей, бормочет Бара. – Мы должны это сделать до новой атаки!..

Недаром фронтовики говорят: «Сапер ошибается только раз». И нет у него недостатка в возможности совершить такую ошибку. Как, к примеру, заряжать мины, находясь под обстрелом?.. Не обращать внимания на то, что творится вокруг и продолжать свою работу, когда каждый мускул напряженной вспотевшей спины ноет от предчувствия пули? Или пренебречь уставом и тащить за собой мину заряженной? Но тогда – малейший толчок, одно неосторожное движение, и взлетишь на воздух.

...Лязг разорвавшегося снаряда рвет барабанные перепонки. Саперы зарываются в снег. Бородач проваливается в неглубокую яму, скрытую сугробом, и натывается на капсуль. Взрывом ему отрывает пальцы на правой руке, а осколки капсуля брызгают в лицо. Его перевязывают и оставляют лежать на снегу, пока не будут поставлены мины. Слепший и беспомощный, он тихо стонет.

Горизонт начинает темнеть. Обратный путь будет легче под покровом сгустившихся сумерек.

Наконец мины поставлены. Можно и возвращаться. Комбат останется доволен: теперь пехота выстоит против немецких танков.

...Комбат кивает Бару и грубовато-ласково хлопает его по плечу. И все. И ничего особенного. Обыкновенное боевое задание, не больше.

Хагундоков ведет раненого бородача в санбат, расположенный где-то за лесом. Узкая, едва заметная в темноте тропка среди толстых сосновых стволов. Левая рука раненого – на плечах у Бары, он чувствует на себе ее тяжесть.

– Спасибо, сынок, дай Бог тебе здоровья! – сипло говорит бородач.

Поредели черные высокие стволы, скоро – опушка леса. Где-то здесь и санбат.

– Стой, кто идет?..

– Свои!

– Пароль?

– Маяк.

– Старо. Новый давай!

– Мы знаем только вчерашний...

– Из какой части?

– Саперный батальон. Раненого веду...

– Раненого оставь, а сам – давай на передовую!

– Не морочь голову! Я – с задания.

– Кто там разорвется? – раздается низкий густой голос из темноты. – Знаем мы этих сопровождающих! Пристраиваются к раненым, чтобы в тыл удрать!

– Сукин ты сын после этого! – взрывается Бара. – Сидишь тут, в лесу, задницу чешешь!..

– Эй, полегче! Не знаешь, с кем говоришь? Перед тобой – майор Сирклинский! – вмешивается часовой.

– А ну, давай его сюда! – возмущенно басит майор. – Ты кто такой?

– Сапер я.

– Есипенковский, что ли?

– Так точно. Сержант Хагундоков.

– Какого черта бузишь? Что там за обстановка у вас?

– Неважная. Несколько танковых атак отбили. На проходах мины установили... Втроем. Одного ранило: не видит он ничего – глаза...

– Проходи. В следующий раз говори покороче да выбирай выражения!

– Слушаюсь, товарищ майор!

Простояв целую неделю в обороне и отбив все атаки немцев, дивизия, наконец, двинулась вперед. И опять – долгие марши с боями по чужой, незнакомой земле, возвращающиеся по домам беженцы с узлами и тачками на одном колесе, заваленными всяким скарбом, ночное зарево горящих хуторов и селений. Солдаты выбились из сил, и непонятно, какая таинственная скрытая сила заставляет их передвигать натруженные, растертые до волдырей ноги. Как всегда, впереди – саперы.

Километры, километры, километры...

...Светает. По колонне эхом прокатывается протяжная разноголосая команда:

– При-ва-а-л!

– При-ва-а-л!

Придорожный лес оживает: бойкий солдатский говорок, скрип повозок, ржание лошадей, треск сучьев... Чиркают кресала, загораются дымные костерки – множество веселых горячих глаз в сумеречном лесу, скованном январским морозом.

И словно не было изнурительной бесконечной ночи: позванивают котелки, щедро сыплются забористые солдатские прибаутки.

Через несколько минут все погружается в сон. Только чадят и потрескивают костры, переговариваясь на своем языке:

– Пи-и-ув!

– Тра-а-х!

– Тью-ю-ю!

Трещат уголья, выкатываясь на снег, пылающие головни прожигают шинели у тех, кто улегся поближе к огню. Солдат вскакивает, потирая обожженное место, осовело водит глазами и, пнув сапогом головешку, снова валится на плащ-палатку, сраженный тяжелым сном.

Чей-то негромкий голос:

– Подъем, сержант! К командиру!

Хагундоков с трудом разлепляет свинцовые веки.

Над лесом синеют сумерки: Бара не заметил, что проспал целый день.

– Есть...

Лейтенант собрал у себя младших командиров саперной роты. Штаб ее – накрытая сучьями и брезентом огромная воронка от снаряда.

– Встать! Смирно! Товарищ лейтенант, по вашему приказанию все оставшиеся в живых сержанты явились! – докладывает старшина Сапожников, маленький расторопный украинец с грустными глазами.

– Вольно. Садитесь, братцы!

У лейтенанта поблескивают глаза и розовеют щеки, на которых при свете коптилки золотится мягкий пшеничный пушок. Он совсем молод и, кажется, чуть навеселе.

– Вот какое дело, – говорит он не очень уверенно. – Из офицеров нашей роты я один уцелел и принял на себя командование. Сегодня меня вызвал комдив и назначил командиром роты.

– Поздравляем, товарищ лейтенант!

– Спасибо. Сапожников, сообрази-ка!..

Старшина сооружает незатейливый ужин. Тушенка, традиционные сухари и по стопке трофейного шнапса. Пока Сапожников возится, ротный выстраивает сержантов: трем из них присвоены звания младших лейтенантов. Комдив назначил их командирами взводов взамен погибших. Трех направляют в военное училище.

– На полный взвод людей ни у кого не наберется, – говорит лейтенант, раздавая погоны. – Считайте свои отделения взводами. Поздравляю вас, товарищи! Документы получите в штадиве!..

– Служим Советскому Союзу!..

Перекусив, новоиспеченные офицеры отправляются к бойцам.

– Тревога! Тревога! Тревога!..

Саперы мгновенно срываются с мест и, не протерев заспанных глаз, заученными движениями поправляют на себе ремни и подсумки, сгребают в вещмешки немудреный солдатский скарб.

Никто не знает, что случилось, но все понимают – не зря разбудили людей, не спавших несколько суток. На фронте учебных тревог не бывает...

– Командиры взводов – ко мне!.. Боевое задание... Фрицы покинули станцию и отступают, стремясь уйти от окружения. Преследующая их часть застряла на подступах к вокзалу: там – минные заграждения. Приказ – разминировать до рассвета...

– Разведать бы... – говорит Бара.

– На разведку времени нет. Да и людей мало... Идем одной группой. Командирам взводов брать с собой миноискатели и выполнять задачу рядовых бойцов! Вопросы есть? Нет?.. Тогда – за мной! Шагом ма-а-рш!..

...Ночь темная и морозная. Холод пробирается за воротник, прогоняет остатки сна. Люди стараются не вспоминать о предстоящем деле, об опасности, которая ждет их, притаившись в густой темноте. Мелькают мысли, обрывки недавних солдатских снов. Взводные вышагивают впереди, каждый со своей пятеркой или шестеркой оставшихся в живых бойцов. Может, они думают сейчас о своих новых погонах, о звездочках, поблескивающих на плечах, о тех трех сержантах, которых не повысили в звании, а отправили в тыл учиться на офицеров? Они сейчас так далеки от этой морозной ночи, от всего, что связано с нею, и мирно похрапывают где-нибудь на пересыльном пункте.

Под подошвами валенок похрустывает сухой снежок. Мысли саперов бродят бог знает где.

О чем думает ротный?

Мало ли?..

...Может, жить осталось до первой мины? Но ему это даже не приходит в голову. Он молод, и, значит, с ним ничего не случится. Надо только получше расчистить дорогу к станции.

Некоторые на ходу засыпают. Ноги продолжают идти, как заведенные. Если смотреть сзади, то все в порядке: идет солдат, разве что едва заметно забирает в сторону, пока не споткнется и не рухнет, как сноп. Встанет, отряхнется – и дальше.

– Стой! – негромко командует ротный. – На этой улице – наш участок... Разберитесь повзводно и приступайте! Я – в железнодорожной будке... вон там...

Вытянув перед собой металлические шупы, саперы начинают прочесывать улицу. Они похожи сейчас на косарей в замедленной съемке.

Время останавливается.

...Шаг... Медленно, молча. Осторожный маленький шажок, и миноискатель плавно шарит над клочком земли, покрытым неглубоким, грязноватым снегом.

Миноискатель молчит – значит, можно шагнуть еще.

Цепочка саперов иногда кажется неподвижной в застывшей густоте ночи. Они двигаются так же медленно, как стрелки на часах лейтенанта. Минута, другая, третья...

Проходит целая вечность, а темные силуэты саперов лишь на середине пути. Позади улица свободна: там можно ходить без опаски.

И вдруг тишину оглушительно взрывает багрово-красное пламя.

Стоны. Чей-то надрывный булькающий кашель...

– Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант! Трое подорвались!

– Насмерть?

– Да.

– Перенесите их к стене дома. И... продолжайте!

...И опять они «косят» притаившуюся под снегом смерть, и никто не знает, какой шаг станет последним.

Еще взрыв.

– Товарищ лейтенант! Александрова убило... Младшего лейтенанта Александрова. Новожилова – в живот...

Мороз под утро усиливается. Брови, ресницы оклеивает ледяной коркой.

Хагундоков докладывает командиру роты:

– Ничего не видно, товарищ лейтенант! И мороз... Аппараты барахлят. Что делать? Потеряем остаток людей!..

Лейтенант молчит, не глядя на Бару. Потом поворачивает к нему бледное, без кровинки, лицо:

– Выполняйте задание!..

Бара бегом возвращается к товарищам. Теперь каждый шаг – наудачу.

– Связной! – подзывает ротный маленького крепыша в огромной ушанке. – Становись на лыжи и... бегом к дивизионному инженеру. Доложи, что аппараты в такой мороз отказывают. Шестеро уже погибли, остальных ожидает то же самое... Просим дать разрешение подождать до утра.

– Есть!

Снова взрыв. Лейтенант втягивает голову в плечи. Сколько их еще будет?..

Светает. Над станцией будто разлили перестоявший айран. Туман так густ, что темные фигуры саперов, продолжающих свое дело, кажутся призрачными, бесплотными, как в театре теней.

Возвращается связной.

– Товарищ командир роты! – тяжело дыша, говорит он. – Инженер дивизии не может отменить приказа. Велено продолжать, иначе – трибунал...

– Ладно. Ступай в цепь.

– Есть идти на разминирование!

Молоко тумана постепенно рассеивается, открывая старенькую неширокую улицу, развалины домов, тела погибших у обочины мостовой.

– Мина с «усиками»! – кричит Бара.

Все застывают на месте.

– Вот на них мы и натыкались. В темноте разве заметишь?.. – Хагундоков ложится на снег и начинает расчищать его ножом, стараясь не коснуться смертоносных «усиков».

– Так... схема, кажется, ясна, – бормочет Бара, дыша на замерзшие пальцы. – Сейчас мы ее...

– Еще мина с «усиками»! – кричит кто-то.

– Еще одна!

Наконец улица разминирована. Путь свободен.

Из-за леса бьют наши пушки. Артподготовка. Скоро отдохнувшая за ночь пехота двинется в наступление.

Немцы торопливо отвечают из шестиствольных минометов. Мины беспорядочно ложатся где-то за железнодорожной насыпью.

Через час город освобожден. По разбитым улицам, заваленным обломками кирпича, тянется серая колонна пленных.

В одном из подвалов – десятка два власовцев из РОА. Так изменники называют свой сброд – «Российская освободительная армия». Звучит громко и оттого еще более фальшиво.

...Несколько дезертиров в грязном обмундировании с чужого плеча. Какой-то гражданский во фраке. Двое играют в очко.

– Еще... еще. Сдавай себе.

– Казна.

– У меня – двадцать, гони монету!

Обросший детина с разорванным воротом молча выворачивает пустые карманы.

– Мне что за дело?.. Проигрался – плати. Сыми вон костюм с артиста! Долговязый верзила подходит к человеку во фраке.

– Эй, артист!.. Скидавай одежонку!

– Братцы, что вы?.. Братцы!

Тяжелый равнодушный удар валит его с ног. «Артист» хнычет и поднимается. Опять – удар. Из разбитых губ на грязный пластрон капает кровь.

– Скидавай!

Гражданский торопливо снимает фрак, брюки и остается в нижнем белье.

– Скидавай дальше!

Подвал смеется.

– Нехай спляшет нагишом!

Бывший артист уже рыдает в голос, ладонью размазывая по лицу слезы и кровь. В подвале – холодно. Тело у него худое и синее.

– Господи, Боже мой! – шепчут его разбитые губы. – За что же такие мучения?..

– Пляши, сучий сын! – кричит долговязый и тычет ему огромным кулаком в лицо.

Артист с трудом удерживается на ногах и начинает смешно и жалко перебирать босыми ногами.

Подвал хохочет.

С треском распахивается дверь. Заглядывает наш часовой. Охранник.

– Что за шум! А ну – тихо, гады!

Власовцы встают. На цементном полу – белые пятнышка карт. В углу сухо хлопает выстрел: кто-то пустил себе пулю в лоб...

Второй день дивизия отдыхает. Саперный батальон расположился в лесу, неподалеку от безымянного хутора. Аккуратные домики с островерхими кровлями из рыжеватой черепицы, серый деревянный костел на отшибе. Сбоку – лес и тихая речка с протоком, заросшим камышом и затянутым серой тиной.

Солдаты купаются, меняют белье, бреются, пишут письма домой, пристроившись на пеньках, оставшихся от прошлогодней вырубки. Вечером они тронутся дальше.

Позвонил командир дивизии.

– Из штарма к вам прибывает полковник для вручения наград. К 10.00 награжденные должны быть построены!

– Есть, товарищ генерал!

Бара, собрав по списку людей, рапортует адъютанту батальона:

– Товарищ капитан, группа награжденных по вашему приказанию построена! Докладывает младший лейтенант Хагундоков!

Адъютант здоровается с саперами, проверяет список:

– Лейтенант Копылов!

– Я!

– Ефрейтор Сугайпов!

– Я!

– Старшина Макеев!

– Я!

– Сержант Индык!

– Я!

– Младший лейтенант Хагундоков!

– Я!

– Капитан Марочкин!

– Я!

Против фамилий убитых и раненых, эвакуированных в тыловой госпиталь, капитан карандашом ставит прочерк. Команда «вольно», и все шестеро, свернув самокрутки, усердно дымят, всматриваясь вдаль, где теряется желтоватая лента проселка.

...Одиннадцать часов. Двенадцать. Полковника нет. Никто не удивляется: мало ли что могло случиться, – на то и война. Терпеливо ждут. Каждый думает о своем.

Мысли солдата. Разные. Неожиданные, беспокойные, грустные, веселые, тщеславные, высокие и наивные одновременно – какие угодно: советский солдат – обыкновенный человек, только очень трудная и опасная у него работа. Ему она по плечу. Но о самой опасности, о тех трудностях и лишениях, о смертельном риске, которых стоила ему награда, он не думает никогда. Так он устроен.

– Идут!

– Точно – идут!

На проселке показываются трое. Впереди – майор Ингужуков, человек в дивизии известный: через его руки проходят все наградные документы. Два других – командир саперного батальона капитан Ильичев и его заместитель по политчасти капитан Пушин.

Ингужуков в серой горской папахе, высокий, подтянутый. Правая рука отсчитывает шаги, в левой – кожаная сумка с наградами.

У него – смуглое красивое лицо с тонкими черными усиками, густые, вразлет, брови. Грудь – широкая, того и гляди разорвет портупюю.

Адъютант подает команду:

– Ста-а-но-вись! Сми-и-рна-а!..

Строй вытянулся в одну линию.

Проселок уходил немного в сторону от небольшой зеленеющей полянки, на которой ждали своих наград шестеро именинников. Ингужуков приостановился и, смерив взглядом расстояние до полянки по прямой, свернул с дороги и пошел по редкой прошлогодней стерне, сокращая путь. Ильичев и Пушин последовали за ним.

Было тихо. Пригревало солнце. Обыкновенный апрельский день. Отдыхает война. И вдруг...

Едва прозвучала команда адъютанта, неровное пыльное поле взорвалось лилово-черным столбом, накрыв трех офицеров гигантским грибом, который растекся по небу, лопнул внутри и стал оседать, разбрасывая вокруг комья земли.

Когда дым и пыль рассеялись, все увидели капитана Ильичева: держась обеими руками за голову, он бежал, не разбирая дороги... Раненного в ноги Пушина взрывной волной отбросило далеко в сторону, а майора Ингужукова разорвало взрывом надвое... От сумки, где лежали ордена и медали, ничего не осталось...

Майора похоронили тут же, под деревьями. Комбата и замполита увезли в лазарет.

А награды?.. Что ж, пока жив солдат, они найдут его, где бы он ни был, только вручит их уже не майор Ингужуков...

Весна. На деревьях проклюнулись почки, подсохли от недавних дождей дороги, солнце все сильнее пригревает нахолодавшую землю.

Саперный батальон Ильичева командование перебросило на другой участок фронта. Впереди – путь на Берлин.

Долгих четыре года ждали этого наши солдаты...

После гибели Ингужукова Бара командует ротой. И он дал себе слово исполнить давнюю мечту майора – оставить на рейхстаге надпись на языке кабардинцев.

...Как ни медленно двигалась по своей и чужой земле саперная рота, а нескончаемая военная дорога почти пройдена. До Берлина остались считанные километры. Наверно, недаром говорят в народе: «Тише едешь – дальше будешь»...

...Бара Хагундоков спит в роскошном немецком особняке, в одном из покинутых жителями городов. Чистые простыни пахнут давно забытым домашним уютom. Издалека доносится ровный гул – там, на западе, не стихает последняя битва. Бару снится ушедшее детство. И с какой стати оно приснилось?..

...Широкая предгорная равнина дышит весенним теплом. От распаренной вывернутой плугом земли струится легкий пьянящий дух. Мальчик идет с отцом за плугом и, зазевавшись, падает в борозду. Плуг мягко взрезает возле него землю и высыпает лемехом ему на спину. Маленькому Бару кажется, что он весь засыпан землей и не может пошевелиться. Слезы обиды и страха застилают ему глаза. Отец, остановившись, добродушно хлопает его по мягкому месту и ставит на ноги. За воротник мальчугана сыплется сухая земля...

Бара ежится и открывает глаза, не в силах сообразить, где находится. Из-за окна доносятся выстрелы. Он вскакивает, схватившись за пистолет, и высовывается в окно.

Шум, крики, беспорядочная стрельба. Солдаты приплясывают, обнимаются, во все горло орут частушки. Кто-то высоким тенором вы-

водит гимн Советского Союза, двое плачут, хлопая друг друга по спине и плечам, третий подбрасывает вверх фуражку...

Только одно событие в мире могло вызвать весь этот переполох.
Победа!.. Победа!.. Победа!

Командир саперной роты, теперь уже лейтенант Бара Хагундоков, один из тех немногих счастливых, кому удалось проделать весь немислимый путь от родного Калежа до Берлина, длиною в четыре военных года, объезжает поверженный город на американском «виллисе» с отделением своих солдат.

...Старинный город Берлин!

Мягко шелестят шины по гранитной брусчатке, проносятся мимо груды неубранного кирпича, готические стрельчатые арки, уцелевшие от разоренных бомбежкой порталов, подслеповато щурятся выбитые окна мансард.

Наверное, был он красивым, этот старый Берлин! И трудно поверить Баре, что из Бранденбургских ворот, через которые только что прошмыгнул его «виллис», выходили с барабанным боем одетые в зеленоватое сукно армии, наводнившие Европу смертью и ужасом.

В сегодняшнем Берлине он, лейтенант Бара Хагундоков, который успел урвать у вечности всего-навсего двадцать два года, не находит ничего красивого. Для него, привыкшего за годы войны к конкретным и ясным оценкам и категориям, непреложно сейчас одно: Берлин – старый город, город поверженный, город прошлого, которое никогда не должно возвратиться. И если Баре скажет кто-нибудь, что в минуту своего падения этот город еще и столица новой, не родившейся Германии, он не сумеет поверить.

...К рейхстагу со всех сторон стекаются «туристы» в военной форме. Солдаты, офицеры. Пешком, на автомашинах и танках. Каждый, кто оказался поблизости в последние часы войны, хочет взглянуть на этот оплот фашизма, теперь рухнувший на вечные времена. Подогнал сюда свой «виллис» и Хагундоков.

Солдаты буквально облепили почерневшие, изъеденные снарядами стены огромного здания и расписывают их кто как может. Их нетрудно понять. Они – дошли.

Бара поднимается по разбитым ступенькам, проходит мимо высоких колонн, известных теперь каждому школьнику по фотографиям. Внутри, в громадном вестибюле, составив в «козлы» винтовки, пехотинцы развели костер из целого вороха бумаг и картонных папок. Этот мусор – все, что осталось в здании от третьего рейха.

«Рухнул очаг...» – подумал Бара. Для горца очаг – начало и конец всего сущего. И, пожалуй, это было самое точное определение тому, что

произошло. Рухнул очаг фашизма, очаг старой Германии, а что будет дальше, покажет время.

Не здесь и не впервые возникло то, что называется гибелью и разорением. И прежде мир знавал рухнувшие государства и побежденные страны, но никогда еще в самой гибели не заключалось столько надежд на завтрашний день...

Охваченный такими мыслями, Бара несколько минут стоит молча. Потом ловко взбирается на основание одной из колонн и, взяв у оказавшегося рядом артиллериста кусок мела, размашисто пишет снизу вверх:

«Къалэжь къикІри Берлин къэсащ Хьэгъундокъуэ Барэ 1945 гъэм». Он окинул взглядом написанное и добавил: «Майм и 9-м». Перечитав еще раз, вернул артиллеристу мел, удовлетворенно вздохнул и, спрыгнув на ступени, спустился к машине.

Он осуществил мечту Ингужукова: рядом с другими на рейхстаге оставлена надпись на кабардинском языке.

На душе у Бары легко и свободно, как не было уже давным-давно. Он сделал свое и может со спокойной совестью ехать домой. Война окончена. Вот почему то тут, то там, среди развалин и нагромождений битого камня, на старинных улицах вдруг вспыхивает раскатистое «урр-а!», вот почему Бара выпил сейчас за победу с польским капралом и разбил о мостовую стакан, вот почему каждый из тех, кто остался в живых, – мысленно уже дома, у родных и близких.

Только как же быть с теми, кто не дождется?

Как быть с матерью майора Ингужукова и миллионов других?..

Будут старые кабардинки оплакивать своих сыновей, пока хватит слез и печали, а когда высохнут слезы, в чем они должны искать утешения?

Пусть же знают матери-кабардинки, как и все другие матери в мире, не дождавшиеся с войны сыновей, что есть на рейхстаге такая надпись: «От Калежа дошел до Берлина Хагундоков Бара в 1945 году, 9-го мая».

Перевод с кабардинского Валентина Кузьмина



«ЦЕНИТЬ ЛУЧШЕЕ В ЧЕЛОВЕКЕ...»

К 85-летию У. А. Жулабова

Жулабов Узеир Алиевич (1935, сел. Жуунгу Чегемского р-на КБР) – балкарский писатель, переводчик.

По окончании учебы на филфаке Казахского госуниверситета вернулся на родину, в село Хушто-Сырт Чегемского района, работал директором средней школы.

В 1967 г. поступил в аспирантуру Казахской Академии наук. Завершив учебу, с 1970 г. работает в книжном издательстве «Эльбрус»: редактор, главный редактор, заведующий отделом учебно-методической литературы.

Член Союза писателей РФ с 1997 г.

Творческая деятельность начинается с 1965 г. Автор многих статей, рецензий, он пробует себя в жанре рассказа, новеллы. В 1980 г. выходит первая книга писателя «Жер этегине» (На край земли). В структурном отношении книга трехкомпонентна. Первая часть содержит ряд рассказов, посвященных историческому прошлому балкарцев: «Умутла» (Мечты), «Аманат» (Завещание); вторая часть включает новеллы: «Аппаны ашыгы» (Альчик дедушки), третья – юмористические рассказы «Адам бол» (Будь человеком), «Узунчач» (Длинноволосая), «Жер этегине» (На край земли).

С 1983 г. Жулабов интенсивно работает в жанре детской литературы: издает сборники рассказов «Чирчикле» (Побеги), «Эртте биреу бар эди...» (Раньше был один...), «Тергеп бир кер» (Подумай). Произведения, написанные для детей, носят дидактический характер, учат ценить лучше человеческие качества. Широкое использование пословиц, поговорок «Ажал – имбашда, умут – тау башында» (Смерть на плече, надежда – на горе); «Биреуге кёр къазсанг, кесинг кетерсе» (Не рой яму другому, сам в нее попадешь) – из сборника рассказов «Чирикле» (Побеги) свидетельствует о глубоком знании автором психологии своего народа, менталитета, национальных традиций. Такая тенденция наблюдается и в других его сборниках, в частности, в «Насыплыла» (Счастливые, 1987).

Новую книгу писателя «Ах, заман» (Эх, время) составили произведения, написанные в разные годы: повести «На новом месте», «Крысы», а также рассказы, легенды, комиксы, юмористические рассказы, новеллы. В них автор размышляет о месте человека в современном мире. Лейт-мотивом его произведений является вера в людей, нравственную силу, в добро и справедливость.



Жулабов – автор учебников, методических разработок, один из составителей «Школьного русско-балкарского словаря». На протяжении многих лет педагогическая деятельность оставалась у писателя доминирующей. Этим, думается, обусловлен характер его творчества. Донести до детей родной язык во всем величии и великолепии стало жизненным кредо Жулабова.

Параллельно и в связи с активной педагогической деятельностью продолжают творческие искания писателя. Проникновенна его беллетристика, посвященная трагическим событиям 1944–1956 гг., нашедшая отражение в сборнике избранных произведений балкарских писателей «Сюргюн» (Изгнание) («Самса», «Жугьутур ашыкъ» – Турий альчик, «Солдат шинель» – Солдатская шинель и др.). Рассказы Жулабова написаны в основном в форме воспоминаний о днях, проведенных на чужбине. Многие бытовые моменты даны с поразительной конкретикой. Описание скудости места обитания вкупе с сопровождающими природными катаклизмами обнажает истинное лицо трагедии, постигшей его народ. «Время на чужбине... Весна – пора дождей. На улице свирепствовал буран. Мы жили в землянке, в которой вместо одного оконного стекла была затычкой старая подушка... Не было и огня...» (Самса).

Жулабов владеет семью тюркскими языками, талантливый педагог и знаток родного слова. Благодаря его художественным переводам балкарский читатель получил возможность постичь язык произведений известных тюркских авторов: Абилагази «Эрттеили тюркле» (Ранние тюрки), М. Соймена и Л. Алтая «Исламны беш парызы» (Пять наказов Ислама), Тайиара Алтыкъулача и Демирхана Юнлю «Къуранны кеси аллына окъургъа юйретиу» (Учусь читать Коран), кабардинских: С. Куантова – «Сиротка» (Оксюзчюк), К. Элгарова – «Тайным путем» (Таша тик), произведения самого Жулабова переведены на кабардинский язык «Аппаны ашыгъы» (Альчик дедушки), «Тынгысыз кече» (Неспокойная ночь), «Жангырыу» (Обновление), что в целом свидетельствует о разносторонности интересов и большом природном даровании писателя.

Ф. Узденова



ПОЧЕРК УЧИТЕЛЯ

Мы жили в небольшом селе Актопрак. В дни войны на фронт из села ушло около ста человек. Среди них был и Исмаил, сын Бекирбия – нашего дяди по матери. Жили они за косогором. До армии он работал у нас учителем. А я ходил тогда во второй класс. Бывало, читает Исмаил нам стихи Кязима Мечиева или «Рассказ охотника» Азрета Будаева, а мы сидим замерев, боясь пропустить хоть единое слово.

На уроке он часто хвалил меня. Откроет, случалось, мою тетрадь и скажет остальным: «Посмотрите, как он красиво пишет».

Перед отправкой на фронт он позвал меня к себе домой. Во дворе было много народу, собрались родственники, соседи, каждый напутствовал его. А у бедной матери его Миндауат слезы, как росинки, то и дело скатывались по щекам.

– Не плачь, крепись, не думай о плохом. Не терзай сердце сына и нас пожалей. Что суждено, то и увидит, добровольно идет же защищать родину. Слышишь, сноха? Кроме тебя и другие матери тоже провожали сыновей на фронт, и они болеют за своих сыновей. И у них всего одна жизнь. Даст Аллах, вернется домой живым и невредимым, – утешала её Жулдуз, самая старшая из собравшихся.

Учитель наш Исмаил с влажными глазами, взволнованный, молча обнимал свою мать. Кто сам не испытал горечь расставанья с близким человеком, едва ли поймет мать, провожающую сына на войну. Или парня, уходящего на поле брани, может быть, в последний раз ощущающего материнское тепло. Дай Аллах матери терпения, а сыну – удачи перед лицом судьбины!

Исмаил с трудом освободился от объятий матери, рывком притянул меня к себе, прикоснулся дрожащими губами к моей щеке. Чувствуя его состояние, я тоже готов был расплакаться и отвернулся, пряча слезы, которые сами по себе текли по моему лицу. Но женщины заметили это и стали плакать, не тая чувств и утирая слезы кто краем платка, кто передником.

И вот он уезжал, наш учитель, который научил нас писать и читать, открыл нам путь в мир знаний!

– До свидания, горы мои, отец и мать, до встречи, люди! Ещё придет время испить воду из Чегема, – сказал он на прощание собравшимся, сел с друзьями в колхозную полуторку и уехал в сторону Нальчика.

Прошло несколько дней со дня отъезда Исмаила, и вот пришло письмо. Миндауат тут же прибежала к нам. В руках у неё фронтовой треугольник. Мы все замерли, стоим, как по команде «смирно».

– Сынок, где ты, дорогой? Прочти скорей! – запыхавшись, проговорила она, протягивая мне конверт.

Я быстро раскрыл письмо, написанное знакомым мне почерком, и прочел без запинки. «Дорогая мама, в первых строках своего письма передаю всем свой солдатский привет», – писал он.

– Ой, дай-то Бог! Пусть твоя мать уйдет из жизни раньше, чем увидит твое горе! Прочти еще раз, – просит Миндауат, и я перечитываю листочек несколько раз. Остальные хранят молчание.

– Привет всем сельчанам. Сейчас мы находимся недалеко от Кизляра. Учимся и до фронта пока далеко...»

Все радостно переглядываются, словно это их сыновья письмо написали. Но это было только первое письмо с фронта. А сколько ещё матерей и жён ждали вот такие треугольнички с замиранием сердца!

До самого вечера к Миндауат приходили люди. А я всё читал и читал, читал для каждого переступившего порог дома матери моего учителя. И он, мой добрый наставник, всё время стоял у меня перед глазами. А в ушах звучал его голос, красиво выводящий строки Кязима и Азрета Будаева, моих любимых поэтов.

Наутро вновь пришла Миндауат, я под её диктовку написал письмо Исмаилу, и мы вместе отнесли его на почту. На обратном пути она сказала:

– А тебя он, бедный, очень любил. Ой, что я несу, пусть бедным будет наш враг, – прослезилась она.

– Миндауат, ты не ходи сама на почту. Письма буду приносить я, хорошо? – сказал я.

Мне казалось, это её утешит и ободрит.

– Хорошо, сынок, хорошо, – ответила она послушно. – Когда Исмаил вернется с фронта, он сделает тебя большим ученым.

И так я исправно доставлял каждое письмо матери солдата, радовал её. Исмаил в письмах и меня не забывал. Справлялся, как я учусь, давал советы...

Осень. Сразу после занятий иду на почту. Около недели не было писем. «Неужели и сегодня не обрадую Миндауат?» – волнуюсь я. Начальник почты, увидев меня, заулыбался. Значит, есть письмо!

– Сегодня я тебя обрадую, юноша! – сказал он мне и протянул заветный треугольник.

Когда приходил к бабушке без письма, она начинала волноваться. Говорят, что в детстве увидишь, запомнишь навсегда. Так и я как сейчас вижу её, нюхающую ночной детский чепчик сына, сшитый из мягкой козьей шкурки. Вижу её, утирающую частые слезинки, падающие на эту трогательную шапочку. Как велика ты, материнская любовь, как безгранична!

Я вышел с почты, шёл холодный дождь, дул ветер. Обувь моя промокла, я шёл, прижимаясь к заборам. Впереди неожиданно возник, как говорили в селе, «родившийся на день раньше черта» Чотур.

– Что у тебя в руке?

– Письмо.

– От кого оно?

– Какое твое дело?

– Я сейчас покажу тебе, какое мое дело! – и, выхватив письмо из моих рук, бросился было бежать. – Ыхы, вот как ты обманываешь Мандауат и лакомишься ее сахаром!

– Что ты мелешь, дурень?! – крикнул я в сердцах и, схватив камень, замахнулся на Чотура.

Он бросил письмо в дождевую лужу и, разбрызгивая грязь своими чабурами, сшитыми из сыромятины, бросился бежать.

Я выхватил письмо из лужи и, стараясь, чтобы вода стекла с него, замешкался у забора. Так как Исмаил писал письма химическим карандашом, я боялся, что буквы расплывутся и прочесть его будет невозможно.

Дома я положил свои книги на полку, осторожно раскрыл письмо и облегченно вздохнул, письмо не пострадало и его можно было читать. Дома никого не было, я растопил печку и, прежде чем отнести письмо к матери Исмаила, высушил его над огнем и побежал к знакомому дому.

Пусть земля ей будет пухом, бедная Миндауат, помню, как она радовалась в тот день, лицо её так и светилось. А о том, что сделал с письмом кривоногий Чотур, я так и не стал рассказывать ей.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Шошбар – единственный брат пятерых сестер. Он баловень в семье и баловень всего рода. У горцев есть пословица: «Баловень-девочка дурой вырастает, баловень-мальчик волком вырастает». Так и он.

Рос капризным и равнодушным мальчиком. Даже со своими сестрами, которые его любили и лелеяли, был груб и несговорчив. Считал, что раз он мужчина, то главный в семье, а остальные обязаны потакать ему во всем.

Никто и предположить не мог, к чему это со временем приведет. Вот так он и вырос человеком с черствым сердцем. Не было в нем ничего горского: трудолюбия, уважительного отношения к старшим, к людям, к тем, кто младше его. А ленив был – страсть: ничего не хотел делать, убегал из дому. И школу не любил отчаянно. Всегда приходилось его уговаривать. Учителя не знали, как с ним быть. Другое дело сестры, учились они все хорошо.

Так и шло время. Но не зря говорят: горе приходит не спрашивая. Когда Шошбару исполнилось восемнадцать, умер его отец Оразай.

Тяжело было видеть убитых горем сестер, оплакивающих своего отца. Родственники, соседи и односельчане искренне им сочувствовали, утешали их как могли. Но удивительно – ни один мускул не дрогнул на лице у Шошбара, ни одной слезы он не проронил. Это ещё что, ему быстро надоело слышать причитания и плач.

В какой-то момент он бросился к воротам, чтобы бежать со двора. Но его догнал младший брат отца, пристыдил, заставил глубже надвинуть шляпу и встать около родственников. Шошбару это не понравилось. От «бремени» горских обычаев он освободился только после похорон отца, облегченно вздохнул, когда и плач немного стих.

Мать его Акбиче с дочерьми всё еще пребывали в трауре. Все в округе сочувствовали им. Непокколебимым оставался только Шошбар. С утра до вечера пропадал на улице, повесив гитару на шею.

Вскоре он и в школу перестал ходить. Вызывали мать. Приходил к ним в дом классный руководитель. Не помогло. Как же Шошбар не походил на своего отца! Тот был добрым, трудолюбивым и отзывчивым человеком. Все вокруг сочувствовали матери Шошбара, старались наставить его на путь истинный.

Как-то пришел к нему классный руководитель и говорит:

– Скоро ты должен получить аттестат. Постарайся не пропускать занятия, учи уроки. Потом будешь свободен. Можешь пойти учиться, куда пожелаешь.

– Поступить на учебу я не смогу. Нет денег. И аттестат мне не нужен. Учиться не хочу – надоело! – парировал он все советы.

Однажды мать, зайдя к нему в комнату, уговаривала его пойти учиться в вечернюю школу. Сама повела его туда.

– Где работаешь? – спрашивает горбоносый директор, водрузив очки на кончик носа.

– Нигде.

– Человек, который учится в вечерней школе, должен где-то работать. Скорей оформляйся на работу. Потом принесешь к нам документы.

Шошбар сразу понял – попадешь на крючок такому директору, покоя не будет. После этого дня он не переступил порога вечерней школы. Однако уходил из дому вечером, а возвращался среди ночи. Мать и сестры радовались, думали, что он ходит в школу.

– Теперь мы без отца, сынок, хорошо бы тебе устроиться на работу. Ведь деньги с неба не сыплются. Мне бы силы найти управляться по дому. Здоровье мое уже не то, что раньше. И сестры твои подросли. Их одеть и накормить надо. Они не должны чувствовать себя обделенными среди других. Опора наша – это ты, – увещевала мать, по-доброму вглядываясь в лицо сына.

– Если найдется хорошее место, буду работать, – неуверенно ответил матери Шошбар.

«Слава Аллаху, наверное, он всё понял», – решила мать и не стала больше ему надоедать. Придела его, лучший кусок отдала, как повелось. Но с потерей мужа жизнь семьи изо дня в день становилась труднее.

Их отец, царство ему небесное, работал шофером в министерстве по строительству и был на хорошем счету. Горюя по мужу, в тоске и тревоге, в страхе за детей Акбиче стала быстро сдавать. Поблекла лицом, исхудала. При жизни Оразая они, оба жизнерадостные, играючи трудились у себя на огороде, в саду. На грядках росло всё, и семья ни в чем не нуждалась. А теперь она не в силах управиться со всем этим хозяйством. От Шошбара толку мало. Вместо того чтобы помочь по саду или огороду, он отрастил волосы, надел остроносые туфли на каблуке и кинулся в омут праздной жизни. Жил как ветер в поле: ничего не делая, ни за что не отвечая. Куражился над слабыми, знакомым девчонкам целовал ручки, словно парижанин какой-то.

Вскоре он нашел друга подобного себе. Этот был худющий и длинный, как огородное чучело, точь-в-точь вешалка для одежды. Оба они ни работать, ни учиться не хотели. Курили только дорогие сигареты, пили дорогие вина. А еще любили музыку: рок, джаз. До полуночи с друзьями смотрели видео. Днем отсыпались, а вечером, словно крысы, выходили на промысел.

Одним словом, жизнь у них пошла райская – кутежи, смех, развлечения, танцы. Лето как-никак. Каждое воскресенье Шошбар и Хажисмель пропадают на речке. Тут тебе свежий воздух, прохлада и солнце – всё в меру. Много молодежи, стройных красавиц. Сидя в тени, одни пьют холодное пиво, другие – шипучее шампанское. Есть и такие, которые прикладываются к более крепкому. Всё, как положено, ходят почти голые, похожие на только что остриженных баранов. Одни щеголяют мускулами, другие – загорелыми длинными ножками.

Хажисмель и Шошбар промотали свои последние копейки, какие им дали дома на мелкие и не совсем мелкие расходы.

Сегодня они не могли шиковать. А жаль, на пляже та-а-акие девчонки появились. Шошбар задумался. Но тут же вспомнил про обручальные кольца родителей. После смерти отца мать не стала носить своё и вместе с кольцом мужа спрятала в сундук. Шошбар дождался, когда мать и сёстры уйдут, залез в сундук и, взяв кольца родителей, поспешил к зубному технику. Отдал золото за полцены. «Если есть ещё, принеси», – попросил расчетливый техник. Теперь с деньгами друзья ударились в разгул. Пьют вино, шампанское, загорают, купаются. Очень довольны собой. Сегодня они никому не завидуют. Однако этот праздник продолжался недолго. Закончились снова деньги. Их только хватило на неделю. Как же дальше?

Как-то вечером приехала к ним жена отцовского брата на одномесячные курсы в институте усовершенствования учителей. Время прошло незаметно. И родственница засобиравшись уезжать, да напоследок решила поговорить с Шошбаром. Ей совсем не нравилось его поведение.

– Шошбар, слава Аллаху, твои сестрички-былинки быстро подросли. Только мать твоя, вижу я, хотя ещё не старая, начала сдавать и уже не в состоянии вести дом, хозяйство. Ты один мужчина в доме. И кому как не тебе быть опорой для них? Почему ты ходишь без дела? Неужели в городе нет для тебя какой-нибудь работы?

Но Шошбар слушает да не слышит, совсем как народ говорит: «Пока мать меня учила, наша собачка девять мух поймала». И думает он вовсе не о словах снохи, а о кольце на её пальце: «В удобный момент можно прибрать кольцо к рукам...».

Утром следующего дня сноха, прежде чем умыться, сняла кольцо и положила на подоконник. Пока она умывалась да расчесывалась, он вошёл в спальню, взял кольцо и вышел из дома.

За завтраком женщины увлеклись беседой. Вспомнили родственников, знакомых. Пропажу гостя обнаружила тогда, когда зашла в спальню за сумкой. Стала искать в сумке, в карманах, везде – кольца нигде нет. Домашние удивились и забеспокоились: «Может, закатилось куда? Чужих в доме не было. Куда оно могло деться?» Но тщетно, кольца нигде не нашли.

«Вор один раз грешен, а потерявший – дважды», – говорят. Так и Акбиче, которой и без того хватало волнений, пришла в отчаяние, не знала, что и думать. Совсем недавно она обнаружила пропажу обручальных колец из сундука. И вот теперь кольцо гостя. На кого грешить? На родного сына? Нет, не может быть! Не мог он опозорить семью, весь род! Нет! Мать не поверит такому...

А Шошбар ничем себя не выдал, услышав жалобы матери, стал совсем о другом говорить.

– Где я только не был, к кому только не ходил, не могу найти работу, – с грустным видом сообщил он.

– Даст Аллах, найдешь, сынок, – успокоила мать.

– В одной фирме было место бухгалтера. Только директор с лягушачьими глазами не захотел меня взять.

– Сынок, у тебя ведь нет аттестата...

– Аттестат ни при чем, если захотел бы, то взял.

Мать ничего не ответила.

Акбиче и сокрушаться-то было некогда – она переделывала свою старую одежду для девочек. Старалась, как могла, чтобы получилось красиво, чтобы не стыдились дочери выйти во всем этом на улицу.

А Шошбар тоже зажил «своим мастерством». Вынес из универмага два платка, которые перепродал потом старухе, торговавшей на улице.

На другой день они с Хажисмелем бродили по базару. Болтали друг с другом, мешая русские, балкарские и кабардинские слова. Вошли в кураж, потешались друг над другом и кое-кем из окружающих. Сегодня, правда, им было не до веселья – нужны были снова деньги. Но друзьям не везло, продавцов не получалось отвлечь. Решили тогда разойтись в разные стороны. Шошбар пошел на берег реки. Галя, его подружка, ещё не пришла. Неожиданно тихо подъехала молочного цвета «Волга» и остановилась на ровной площадке неподалёку от Шошбара.

Из машины вышла, заливаясь смехом, красивая, как лебедь, женщина. Следом за ней вылез среднего роста мужчина с большим, как корзина, животом. Начальник, депутат – кто его знает. В белой как снег рубашке, при галстукке он уверенно зашагал к воде. Остановился на берегу и стал раздеваться. Повернулся и что-то сказал женщине. Она постояла в нерешительности. «Наверное, у неё нет купальника и ей неловко», – подумал наблюдавший всё это Шошбар.

Вытянув лебединую шею и изогнув тонкую талию, женщина подошла к воде. Как бы нехотя сняла обувь. На её белом запястье сверкнули золотые часики. Шошбар напрягся, как кошка, охотившаяся за мышами. Он знал уже, что дальше будет, и быстро скрылся в кустах. А женщина тем временем разделась, положила часы и золотую цепочку в сумку. Спрятала всё это в укромном месте – под деревом. Вошла по колено в воду и охнула, такой студеной была вода горной реки. Но вот она справилась с первым ощущением, зажмурил глаза, стала плескаться в воде...

Шошбар, озираясь по сторонам, подполз, как рысь, к сумочке, раскрыл её, взял новенькую пачку денег и золотые вещи. Вернувшись на берег, затерялся среди людей.

Пачка денег закончилась быстро. А золотую цепочку и часы он отнес снова к зубному технику. У того сидела невзрачная старая женщина, а на развернутом носовом платке, когда она его развязала, сверкнули золотые коронки. Шошбар вожделенно зажмурил глаза. Встретилась бы она Шошбару в другом месте! Уж он смог бы решить вопрос в свою пользу.

– Все эти коронки ставил мужу ты, царствие ему небесное. Их тут тринадцать! Несчастный, честным и добрым человеком был. Полгода не прошло, как скончался, – прослезилась старая женщина, вспомнив мужа.

Шошбара, правда, её слезы не растрогали. Поняв, что добычи ему сейчас не видать, он ушел, в душе досадуя на свое невезение.

...Так и не дождавшись Галины, Шошбар решил зря времени не терять и тут же познакомился с другой девушкой. Слово за слово, то да се, неспешно болтая, Шошбар быстро понял, с кем имеет дело: эта красотка любила хорошо пожить за чужой счет. Шошбар был готов исполнять все её капризы, так она ему приглянулась, чертовка.

Собрались как-то они на речку.

– У меня нет купального костюма, а туфли на шпильках, – заявила она.

Шошбар купил босоножки и купальный костюм. В ресторане они сели за самый удобный столик и пили искрящееся, шипучее шампанское. Видно, ей привычна была такая жизнь...

– Помоги моей сестре поступить в педколледж, – попросила она неожиданно.

– Не волнуйся, устроим, – похвастался Шошбар, не имея ни способностей, ни знакомых.

Но он готов был ради неё на самые отчаянные поступки. Она была похожа на спелый персик, поэтому, наверное, притягивала его к себе, как магнит. При всём этом близко его к себе не подпускала.

– Завтра я не смогу прийти. Надо встретиться с одним человеком по поводу сестры, – говорит она как-то.

Так как в кармане было пусто, Шошбар не настаивал на встрече. Расставшись с ней, он долго «промышлял» по городу, но безуспешно. Уставший, голодный как собака, вернулся домой. Наскоро перекусив, вышел на улицу, а там – похоронная процессия. Хоронили Середу – старика, у которого не было детей, но трудился он день и ночь, как жернова мельницы. Питался и одевался очень скромно. Зато у него был полон рот золотых зубов. Шошбар озадаченно остановился:

– Интересно, когда его положили в гроб, коронки сняли или нет? Его, кажется, убило током? – спросил он небрежно вроде бы старика-соседа.

А тот:

– Что ты, кто ему заглядывал бы в рот! Спешат, небось, скорей зарыть, чтобы вернуться на поминки.

Русское кладбище находится на западной окраине города. Это старый погост, судя по заросшим травой могилам. Для Середы могила была выкопана возле кладбищенского забора. Далеко за полдень, похоронив усопшего, все сели в машины и быстро разъехались.

Шошбар вышел из-за кустов, в закутке около ворот взял лопату с толстой ручкой и направился к свежему холмику. Обрадовавшись, что здесь место укромное, Шошбар стал сбрасывать землю к ограде. Работал с азартом, тужась и кряхтя. Для одного человека работа нелегкая – знай маши лопатой. Для Шошбара, который отвык трудиться, вдвойне тяжела. И вот он пашет, обливаясь потом. Проволочка здесь недопустима – надо спешить. Передохнув немного, он снова налёг на лопату, вытирая струящийся пот то рукавом, то краем рубашки.

К заходу солнца стало прохладнее. «Скорей! Скорей!» – подхлестывает себя он. Ведь землю надо засыпать обратно в могилу. Наконец, показалась крышка гроба! Теперь нужно открыть её. Лопата оказалась саперной и, когда он подцепил крышку, большая часть её с треском сломалась. И он увидел голову бедного Середы. Лицо у него было,

как у живого человека. У Шошбара волосы встали дыбом. Он весь задрожал, по спине прошел мороз. Золото-золотом, а стоять в могиле наедине с усопшим ух как страшно! Для этого надо иметь твердое и холодное сердце.

Шошбар вспомнил, как в детстве забрался в сад к Серede. Тогда сосед его так напугал, что он боялся его как огня. Казалось, и сейчас встанет старик из гроба и накинется на него с кулаками. Шошбар долго стоял, боясь шевельнуться. Что делать? Пропадет весь его труд. И за душой у него ни гроша. Медленно извлёк молоток из кармана. Собравшись с духом, попытался одной рукой открыть рот Середы. Не получилось. Навалился двумя руками, и снова осечка. Шошбар с тоской почувствовал, что в могиле пахнет землей и сыростью. Стало уже темнеть. Он ничего не мог поделать с покойником.

С налитыми кровью глазами, распаренным лицом он ещё много раз пытался разомкнуть губы усопшего, но тщетно. В какое-то мгновение показалось, что покойнику надоели издевательства и он, казалось, ещё крепче сомкнул синие уста и даже как будто криво усмехнулся. Силы в этот миг покинули Шошбара. Небо как будто стало давить его к земле, пригибая к лицу мертвеца; в глазах у Шошбара потемнело и он рухнул, потеряв сознание.

...Шошбар исчез, пропал совсем. В течение недели ни слуху, ни духу о нём не было. Никто его не видел, никто о нём не слышал. Ходили разные толки: одни говорили, что Шошбар в Абхазии, другие – воюет в Чечне. Уверяли, что скоро вернется. А на самом деле было так: среди ночи Шошбар пришел в себя, с трудом вылез из могилы Середы и пошел, куда глаза глядят. Через день, утром, его подобрал на обочине дороги наряд милиции. В отделении, куда его привезли, поняли, что тут без медиков не обойтись, после врачебного осмотра его отвезли в психиатрическое отделение больницы.

Там-то, в конце концов, и нашла мать своего блудного непутевого сына.

РАВНОДУШИЕ

Как вам известно, всё, что выходит из-под пера Караева, печатается не только в газетах и журналах. Очень часто выходит отдельной книгой. Ему хорошо! Личная машина, дача, четырехкомнатная квартира в городе и дом в селе имеет. Живет, как говорят, припеваючи. А изобилию в доме удивляться нечего. Он высоко поднялся. Теперь никого и ничего не боится. Знает, кому, как и что сказать, ходит очень осторожно, осмотрительно. Со знакомыми здороваётся кончиками пальцев, едва касаясь руки. А вот, встречаясь каждое утро в парке с теми, кто «сидит

в кресле», сразу обниматься лезет. Вот такой он человек. Его принцип: тише говори, но больше отхвати. Поэтому легко попасть в его ловушку. Вот такой он – наш друг.

Было время, когда Караев покровительствовал Эльдару – молодому писателю. Вы с ним ещё незнакомы. Всё, что написал он, ещё не печаталось. Большой талант был, бедный. Но ушел из жизни молодым. Был острым на язык, открытым и принципиальным человеком. Не робея даже перед маститыми писателями, говорил правду в лицо.

Когда речь шла о справедливости, забывал о личности и должности собеседника. Всё, что он писал, всегда было глубоким, актуальным. И откуда только он находил такие удивительные сюжеты? Таких серьезных философских мыслей, как у него, трудно найти даже у Айтматова и Азиза Несина.

У него было тяжелое детство. Вырос сиротой. Всё пришлось испытать ему – и голод, и холод. Вероятно, поэтому взгляд его был недоверчивый, а глаза всегда грустные. На всё происходящее вокруг он смотрел с каким-то подозрением. Но Эльдар понимал, что справедливость рано или поздно восстановится, противоречия нормализуются.

Казалось, что горбачевская перестройка идет очень медленно. Это его беспокоило.

Однажды, когда я шел на работу, увидел двух мужчин, беседующих у книжного магазина. Эльдара я узнал и поздоровался.

Прервав разговор, Эльдар обратился ко мне:

– Я хотел бы с вами встретиться. В тот раз вы сказали: «Пиши, надейся и верь самому себе, своим возможностям. Читай много, вот тогда ты станешь хорошим писателем». Теперь принёс к вам свои рассказы. Посмотрите, прочтите и скажите своё слово. Не понравятся – в очередной раз огорчусь. А вообще без какой-либо поддержки и совета трудно в наше время чего-то добиться...

Он всегда говорил так смело. Иногда Эльдар наводил на меня страх.

Немало тех, кто не знает жизненного пути писателя. А разве мало писателей, которые бегают в поисках темы и сюжета? Талантливому всегда есть о чем писать.

Караев мог убить надежды Эльдара, поэтому рукопись его я взял домой. За ночь её прочел. Приятно был удивлен тем, как талантливо и злободневно были написаны рассказы. Несомненно – это был талант!

И не боится говорить правду. То он задевает городской комитет, то критикует некоторых работников обкома. Такое не осмеливаются написать даже те, кто считает себя корифеем балкарской литературы. Некоторые пишут только о природе, о её красоте, о религии, придерживаясь принципа «и волки сыты, и овцы целы». А наш молодой писатель хотел идти по пути перестройки – это он стремился отразить в своих рассказах.

Утром, когда я пришел в редакцию, Эльдар уже ждал меня. Едва поздоровавшись, продолжил вчерашний разговор. Угрожая указательным пальцем кому-то, резал правду-матку. Потом заговорил о своей прозе:

– Я всё время думаю об этом. Если рассказы плохие, слабые, то никогда больше не притронусь к перу!

Я благодарю Эльдара за талантливо написанные рассказы, обнимаю его.

– Спасибо, спасибо! – говорит он, грустно улыбаясь.

– О чём ты хочешь сказать, я понял.

– Да, вы поняли, правильно поняли!

Я настоял пойти в столовую, взял завтрак, но он мало ел. Наверное, бедный, был взволнован тем, что я расхвалил его рукопись.

Мы оба вернулись в редакцию. Он был таким веселым в этот час, что, казалось, ног своих не чувствовал. По нашему обычаю шёл с левой стороны от меня. Часто заглядывал мне в глаза. Мы долго беседовали, а потом я повёл Эльдара к главному редактору. Рассказал вкратце содержание его рукописи. Сказал, что это стоит напечатать. Уверил в своей готовности написать рецензию, отредактировать и всячески поддержать молодого прозаика.

Через несколько дней он встретился мне опять у книжного магазина. Быстро подошел, поздоровался.

– Почему ты не приходил и не звонил? – спрашиваю.

– Да мне стыдно отнимать ваше время.

– Что нового у тебя?

– Собираются напечатать в журнале мой рассказ, но кто знает...

– Что ж, пошли, – говорю и зашагал впереди.

После просмотра рукописи заведующий отделом взял один рассказ в печать. Поздравив Эльдара, я пошел к редактору. Он сказал, что рассказ очень ему понравился.

– Поздравляю! Ты всегда замечаешь талантливых, – обнадежил он меня.

Я познакомил Эльдара с ним. Парень сказал пару слов о себе:

– Вырос сиротой. Окончил университет – отделение языка и литературы. Большие способности к науке и литературе...

Редактор попросил изложить всё это письменно для публикации.

И тут я говорю:

– Пусть вас не пугает, когда вы прочтете в рассказе острые моменты, где он критикует некоторых руководителей.

Не успел я закончить, как тут же пожалел об этом.

А Эльдар добавляет: «Сейчас же времена гласности», – и смотрит прямо в глаза редактору.

Редактор, который боялся даже своей тени, привыкший работать под диктовку вышестоящего начальника, вдруг испугался, вскочил как ужаленный.

– Хорошо, подумаем, посмотрим, – говорит неуверенно.

Мне его ответ сразу не понравился. Так и вышло – мы долго ждали, но рассказ в журнале так и не появился.

Третья моя встреча с Эльдаром произошла возле дверей Союза писателей.

– Они не понимают меня, о чём я пишу, – пожаловался он.

С редактором я давно знаком и поэтому решил поговорить, сказать о его невнимательности к молодым талантам. После, не желая встретиться с Караевым, возмущенный всем этим, пошел в издательство. Директора тоже знаю очень давно. Подробно рассказал о причине своего визита в его кабинет.

– Пусть принесёт. Нам нужны такие актуальные произведения. Дадим рукопись на рецензию, а после этого постараемся включить в издательский план. Возможно, в будущем году составим сборник его рассказов и выпустим, – обрадовал он, словно скакуна мне подарил.

– Не сомневайтесь, если это произойдет, все мы останемся довольными. А читатель станет свидетелем рождения ещё одного таланта.

– Хорошо, отдайте работу главному редактору. Он и заведомо сделают всё, что нужно.

– А что если я напишу предисловие?

– Это потом.

Я позвал Эльдара к главному. Долго мы беседовали. Опять предупредили об острых моментах в рукописи.

– До сих пор никто такого не писал, хотя сейчас стали высказываться более открыто, – закончил я.

– Считаю своим долгом помогать молодым, содействовать тому, чтобы произведения их печатались, чтобы дорога была открыта талантам. Назовем это демократией в литературе. Навязывать свои идеи и мысли, сваливать их груз на плечи других – всё это должно остаться в прошлом, – возвестил главный.

– Понял? – спрашиваю у Эльдара, когда мы вышли.

Намекаю на то, что следует быть осторожным и деликатным в разговоре с некоторыми людьми.

Директор издательства сам прочел рукопись и, не дожидаясь редактора, отдал её на рецензию. «Привычка» некоторых рецензентов известна. Часто в своих отзывах излагают только мнение директора. Если они чувствуют, что рукопись директору не понравилась, то готовы сделать ее не только «сырой», но и совсем «мокрой».

Вот и эта рукопись попала в руки человеку, который очень дорожил мнением директора. Не зря говорят: калач в руках сироты всегда кажется большим. «Рецензент» камня на камне не оставил от рукописи. «Ломаного гроша не стоит», – вот буквально такую оценку дал.

Обо всём этом я узнал, когда пришел узнать о судьбе рукописи. Она была возвращена с разгромной рецензией автору.

Долго после этого ничего не слышал об Эльдаре.

«Друг мой, ты не думай, что только ты испытываешь неудачи в жизни. Было много тех, кто не смог их осилить, сворачивал со своего пути. Те, кто занимают высокие посты, руководят органами печати, присваивают себе звания, а на таких, как ты, смотрят свысока. Но будет и такое время, когда правду можно будет говорить открыто. А ты не считай себя таким уж несчастным. Не унывай, старайся больше писать. Не переставай надеяться. Устраивай свою жизнь. Уверенно иди к своей цели. Никто в наше время этого нам не подсказывал», – помню, говорил я ему.

Однажды в редакции на своем письменном столе нашел записку на клочке бумаги. Прочел её. Писал Эльдар. «Я в больнице, если будет время, посетите меня. Хотел бы вас видеть».

Наверное, постеснялся позвонить. Я купил разные фрукты и поехал в больницу.

Зима. Мороз кусает за нос и щеки. Старое облупленное здание за воротами не похоже на больницу. В тесной палате лежат восемь человек. Воздуха не хватает. У Эльдара почему-то синие круги под глазами. Потухшие, грустные глаза. Жалость охватила меня. Комок подступил к горлу.

– Что случилось с тобой, дорогой? – проговорил я тихо.

– Простудил легкие.

– А кашель есть, температура?

– Кровью харкаю.

Этот здоровый, словно нарт, джигит под одеялом казался теперь скелетом. Кожа да кости. Отрывисто дыша, рассказывал о себе. Живет у кого-то на квартире. Заболел, топить печку не смог. Несколько дней пролежал пластом в нетопленной холодной комнате. Я сказал о том, что помог бы ему с хорошей квартирой, конечно, если знал бы его положение. А сейчас болезнь совсем ослабила его.

– Можно было бы терпеть, если б нужные лекарства были, но их, к сожалению, нет, – говорит он, тяжело вздыхая. – Тут говорят, что годовую норму на медицинские препараты они уже израсходовали. Год на исходе. Когда поступят медикаменты, не знают. Другим больным находят родственники и приносят им сюда, а у меня... – дальше он не мог говорить.

От всего услышанного меня охватила ярость.

– Хорошо, дорогой, постараюсь, чтобы перевели тебя в лучшую больницу.

Даю слово, я обошел все здравоохранительные учреждения. Но что толку! На работе упрекнули, что теряю время. Но я продолжал искать возможность устроить больного. Отказа я не слышал, но и помощи не видел. «Не говори о покойном тому, кто не испытал утраты, а кто не испытал болезнь, тому не говори о своём недуге», – говорили наши предки.

Вспомнил знакомого главного врача одной больницы. Я совсем о нём забыл! Встретился с ним, рассказал обо всем.

Врач оказался отзывчивым человеком, понимающим боль другого.

– Не волнуйтесь, найдем вашему больному и лекарства, и отдельную палату. Завтра же пошлем машину скорой помощи и перевезём его к нам. Устроим к хорошему доктору, – успокоил он меня и проводил до дверей своего кабинета. А я дал себе слово отблагодарить его за участие в судьбе Эльдара.

В тот день я вернулся домой какой-то больной, все тело ломило. Ночью поднялась температура. Прележал в постели всю неделю. Мне казалось, что слышу голос Эльдара: «Ты оказывается тоже ничем не отличаешься от Караева». И вижу перед глазами его лицо. На седьмой день с трудом поднялся с постели. Не обращая внимания на предостережения жены, что я ещё слаб, вызвал такси и поехал в больницу.

– Что, нашего парня в другое место перевели? – спрашиваю у тех, кто в палате.

– Он вчера скончался, – отвечают печально больные.

Услышав это, я не смог сдержаться. Слезы покатались из глаз. Задумался о том, кто виноват в смерти молодого писателя? То ли двуличие наше, то ли равнодушие? Или сердце его не выдержало жизненных трудностей. Или несчастный скончался от недосмотра.

Как жаль, что при жизни мы так мало ценим настоящий, достойный талант. А потом сожалеем об этом.



Владимир ЗАРУБИН



ПОБЕДА-75

Участников «Бессмертного полка» –
Не полк, а миллионная река!
Здесь вместе – молодёжь и ветераны,
Портреты разных возрастов и лет,
В оправе из геóргиевских лент,
И красные цветы, как кровь из раны.

И это вóвсе не «совкóвый» люд,
Не казнокрады, что в народ плюют –
А он, простой, в котором все едины,
Чья воинская доблесть велика́,
Как в памяти «бессмертного полка»,
И значит мы́ – вовек непобедимы!

У могилы Неизвестного солдата
Каждый думает, что в ней лежит родной,
Кровный, павший за Отечество когда-то,
Спасший Родину от зверя-супостата
Самой страшной – жизни собственной ценой!

У могилы Неизвестного солдата,
Под Священный трепет Вечного огня,
Ветераны, в прошлом – brave ребята –
Что в живых остались, словно виновато
Замирают, память общую храня.

У могилы Неизвестного солдата,
В стуках сердца с метроно́мом наравне,
Сколь далёкой ни была́ бы эта дата –
Боль утраты, и победный бой набата,
Гром салюта, и проклятия войне!

Мальчишки, рождённые в двадцатых
И постарше – все ушли на фронт,

Не было в окопах ни «кацапов»,
Ни «хохлов», а был один народ!

Тот, что за Отечество сражаясь,
Общей кровью победил тогда,
А сегодня вызывает жалость,
Что меж нами, братьями, вражда.

Были вместе мы тысячелетье,
Но враги устроили раскол,
О, мужи ответственные – склейте
Треснувший наш, целый в прошлом, ствол!

Век старый грязными подошвами
Занёс губительно из прошлого
Бациллы ядерного зла,
И вместо честного порядка,
Где всё открыто и понятно –
Мир раскалился добелá,
Тáк, что вот-вóт сгорит дотлá!

Но если мы́, земные жители,
Все станем более решительны –
Ведь жизнь любому дорогá –
То, мóжет, не допустим – чтó бы
Ни дéлал óн в припадке злобы –
До кнопки красной дурака,
Вблизи она иль далека́.

С мечтой о будущем безоблачном,
Под небом голубым и солнечным,
Надеюсь, хватит нам ума
Остановиться без разлада
На страшной точке невозврата,
Ина́че – вечная зима,
И Апока́липсис, и тьма!

Тáк отгремел двадцатый век,
Что эхо в двадцать первом –
По сторонáм, и вниз и вверх,
Наотмашь бьёт по нервам!

От звука резкого в горах
Случается лавина –
Не дай господь, чтоб в головах
Трясло непоправимо!

У этой женщины глаза –
Солгать нельзя!

Они суровы и темны,
Как в дни войны.

В них сжаты в обнажённый нерв
И скорбь и гнев,

А всё внутри ушло ко дну –
На глубину.
Но злу и через много лет
Прощенья нет!

О нём велит Отчизна-Мать
Не забывать!

Как помнят, боль в себе нося,
Они – глаза.

Они молчат, ту боль нося,
Они – глаза.

Когда последний ветеран войны
Уйдёт, но защитив мою державу,
Немного ослабеет у страны
Основа, что конструкцию держала.

Когда последний труженик уйдёт
Того, сверхгероического тыла,
Без памяти оставленный народ
Не будет знать, как всё по правде было.

И я боюсь, что, расплодясь в разы
И нагло веря своему всесилью,
Продажные чиновные тузы,
Как саранча, опустошат Россию.

И по тому, как сам из тех времён,
Я призываю нас, во имя павших –
Не предавать их дорогих имён
И впредь беречь всё, что в границах наших!

Предвоенное поколение –
Дети, стойкие навсегда,
Исключительное явление,
Неизученная среда.

Ныне ставшие стариками,
С честью вынесшие хулу,
Подозренья и нареканья,
Что у немцев росли в тылу.

А они на страну родную,
В той, случившейся вдруг, беде,
Без обиды и не ревнуя,
Не роптали, живя в нужде.

Вместе с ней поднимались после
Завоёванной тишины,
Приносили не меньше пользы,
Чем влиятельные чины.

Брали в помощь земные недра
И плотинную силу рек,
Забирались в глубины неба –
Прославляли страну навек!

Жили с ней и заботой общей,
И с любовью сыновней к ней,
Отстрадавшей, но снова мощной,
От глубинных своих корней!

И они до сих пор – опора
И державы моральный щит,
Что у некоторых до пола
Прогибается и трещит.

Настоящие патриоты,
А не те, хапуги, кто за

«Мерседесы» или «тойоты»
Подло жмут нам на тормоза.

Но, за землю свою в ответе,
Существуют, ещё крепки,
Той трагедии страшной дети –
Современные старики.

В этот горестно-радостный день,
И для нас и для мира особый,
Пой, страна, все награды надень –
Любовались из космоса чтобы!

Мы ковали Победу свою
И в единстве, которое было,
И в жестоком смертельном бою,
И трудом всенародного тыла!

Доказали той грозной порой,
Что отвагой и духом не слабы!
Каждый город наш – город-герой,
А, как минимум – воинской славы!

Всю Европу очистили мы,
Расписавшись на стенах Рейхстага,
От коричнево-чёрной «чумы»,
Поколениям грядущим на благо!

И никто и подумать не мог,
Что от стран, как друзей наших давних,
Мы получим коварства урок,
Нам, спасителям, столь «благодарных».

И теперь, через множество лет
После нашей Великой Победы,
Все должны заклеить этот бред –
Ведь за них шли на смерть наши деды!

Нам для счастья Победа дана –
И о ней память вечно священна!
Пой, страна, надевай ордена –
Да воздастся Отечеству щедро!

Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук

ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

К 85-летию со дня рождения Сарابي Мафедзева

При всем трагическом развороте русско-кавказской войны, ее кровавых законов, Северный Кавказ становится для русской культуры символом вольности, а горцы – его живым воплощением. Взаимосвязи двух различных культур не будут отменены ни самой войной, ни ее последствиями.

В этой трагической ситуации и рождается у М. Лермонтова вопрос:

*«Я думал: «Жалкий человек
Чего он хочет?... Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»*

Лучшим ответом на этот трагический вопрос в кабардинской литературе я считаю роман Сарابي Мафедзева «Достойны гыбзы».

По возможности, попытаемся воссоздать реальную историческую основу этого романа.

Наиболее отчетливо, а потому особенно трагично это выразится в одном, небольшом эпизоде Русско-Кавказской войны – приезде осенью 1861 года на Кавказ для переговоров с представителями одного из адыгских племен русского императора.

Об этом событии рассказывает со слов его участников известный адыгский публицист С. Сиюхов. Вот речь-ультиматум Александра Второго: «Россия – большое государство, перед которым стоят великие исторические задачи. Нам необходимо укрепить наши границы, приобрести моря для выхода к другим странам. Наша торговля с другими народами должна идти через моря. Мы не можем обойтись без Черного моря...

Вы должны признать подданство русского царя, это не лишит вас национальной самобытности: будете жить и управляться по своим адатам, сохраните неприкосновенность своей религии, никто не будет вмешиваться в ваши внутренние дела».

Несколько секунд стояло общее молчание. Потом Хаджемуюко-Хадже, которому заранее было поручено сказать первое слово, несколько подвинулся вперед и заговорил: «У меня любовь к Родине так велика, что был бы готов любой ценой сохранить ее для наших детей. Но теперь я вижу, что у нас не хватит сил оружием отстоять наши земли. Пришло

время, когда мы должны войти в одно из соседних государств... Нам ближе по религии Турция, но она не хочет оказать нам военной помощи... Русских много, нас – мало, силы неравные и нам не устоять... Мое мнение – принять предложение русского царя, покориться судьбе, за это бог не осудит нас...»

Вторым и последним выступил Цейко: «Русский царь нам сказал, что он должен был сказать по своему долгу, его я не осуждаю, но мои слова не совпадут с его желанием. Русскому царю понравился Кавказ, и вот он уже шестьдесят лет ведет войну за его покорение. Но и нам любя и дорога наша Родина-мать, и мы, не жалея жизней, защищаем и отстаиваем ее. Мы должны дать ответ своим предкам и богу за это священное дело. Мы гибнем, но лучше гибель, чем рабство. Русский царь нам обещает неприкосновенность наших адатов и нашей религии. Но разве это возможно! Бросьте горсть соли в кадку воды и посмотрите, что случится с солью: она растворится»...

Кто же из мудрых стариков был прав? Тот, кто призывал смириться с неумолимым и грозным ходом истории и сохранить для народа священную землю предков, или тот, кто при полном одобрении народа утверждал, что лучше свободными умереть всем в бою за родную землю.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения: выбор самого народа был предопределен ее ходом. И только история может судить обоих мудрецов.

В романе Б. Шинкуба вождь убыхов тоже попадает в «роковую ситуацию, из которой должен был вывести свой народ, не опираясь на его эмоциональные, т. е. внеполитические представления». В предложенной ситуации Хаджемуюко-Хадже было, пожалуй, труднее всех. Он так же, как и другие, не принимал царские обещания как благодеяния для адыгов, но он понимал, что в неравной борьбе народ вовсе может исчезнуть. А после победы русских родной аул Хаджимуюко-Хадже выселится в Турцию. Верный своему пониманию хода истории мудрый старец останется на земле предков. Но каким трагическим предстает этот человек и его жизненный путь. И он был не один, перед этим трагическим выбором стояли народ и многие деятели адыгской культуры.

Воссоздавая подобную противоречивую историческую ситуацию в своем романе, С. Мафедзев ведет речь о плаче-причитании не по ушедшему героическому веку, а о плаче по воинам, погибшим на поле брани с оружием в руках, сражаясь за свободу: таков исконный смысл гыбзы. Для нас важна одна из кульминационных сцен романа – диалог-поединок русского генерала Бибикова и адыгского князя Хачимахо. В приведенном диалоге на равных противостоят русский генерал и князь-адыг; они действительно достойные противники: «Неужели ты еще не понимаешь? Кончилось ваше время. О прежней гордости и мужестве адыгов остается только вспоминать. Вместо того чтобы

смириться с неизбежным, вы закрываете на происходящее глаза, вы неучи, а потому не знаете жизни...

– Генерал, обидны твои слова, но каждый вправе говорить то, что думает, пусть это остается на твоей совести. Даже если бы кто-то попытался тебя остановить, я встретил бы его оружием, потому что нет ничего превыше свободы.

– Нет, не ошибаюсь. Повторяю, время ваше ушло, его просто нет...

– Нет, генерал, очень ошибаешься. Наши люди, скажу правду, не похожи на ваших. Если вы прикажете своим людям воевать, они будут воевать, быть рабами – будут рабами, быть свободными – будут свободными. Наши люди берутся за оружие только в том случае, если нужно отстаивать ту самую свободу, о которой мы говорили, их не заставишь быть рабом...

... – Послушай-ка, генерал, – сказал Хачимахо, подойдя к открытому окну. – Видишь на самой верхушке дерева птичку?

– Вижу, ну и что ты этим хочешь сказать?

– Генерал, в знак благодарности за большую науку... я дарю ее тебе. Но поймать ее ты должен сам...

– Птичку, князь, незачем ловить, ее можно подстрелить. – Бибиков достал пистолет и начал целиться. Хачимахо, не столько осознанно, сколько инстинктивно, выбил пистолет из рук генерала...»

Уже в самой этой сцене, предложенной вниманию читателя, выявляется подтекст в отношениях русского генерала и адыга. В словах Бибикова много горькой правды – и об утраченном «золотом веке» адыгов, об оставшихся в прошлом гордости и мужестве горцев и пр. С. Мафедзев «заставляет» генерала высказать и драматическую истину о противоречивости их этикета и даже о начале его краха, ибо самодостаточность национального бытия адыгов разрушена столкновением с превосходящей силой российского самодержавия. Бибикову выгодно утверждать, что обычай гостеприимства сделал Кабарду пристанищем «разбойников», искавших защиты у адыгов, что, в какой-то мере, приводило к утрате ими национального достоинства. Но Хачимахо знает и другую истину: его народ нельзя сделать рабами. Он и сейчас, в невыгодной для него ситуации, остается свободным.

За литературным персонажем романа С. Мафедзева встает историческое лицо: ведь о том же самом говорил Цейко российскому императору. Трагедия адыгов и других народов Кавказа как раз в том, что необузданная свобода каждого, за которую они готовы умереть, затрудняет политическую необходимость объединиться для борьбы с грозным противником.

Неотвратимость трагического исхода, казалось бы, бытовой ситуации диалога генерала и князя также заложена в самих характерах и исторических обстоятельствах. Для генерала нет нужды ловить птицу вольности горцев, ее можно просто убить, как можно уничтожить и весь

народ. Инстинктивное движение князя, отводящего смерть от вольной птицы, обернется гибелью для него. Но даже если бы у него было время размышлять, он не поступил бы иначе. Птица для него – не только символ свободы, но символ его вольного народа. А за него он готов пожертвовать жизнью, потому что «честь идет впереди души».

Как и в споре – адыгов с русским императором, в частном разговоре князя и генерала – возникает проблема соединения политики и нравственности, войны и человечности. Бибиков демонстрирует, что в его действиях политика и нравственность несоединимы. Он пользуется своим положением, чтобы унижить князя и в его лице всех горцев. И в этом видится проявление несовместимости политики и нравственности в войне российского самодержавия против горцев Кавказа.

Как Воронцов в Хаджи Мурате, так и Бибиков в князе Хачимахо не видит за обстоятельствами человека. Но когда маршал Даву увидел в русском пленном Пьере Безухове человека, подобного себе, то уже не смог послать на смерть невинного. Бибикову это не дано, что приводит, в конце концов, к трагической развязке. За диалогом, воссозданным писателем, – столкновение двух типов сознаний: имперские амбиции царизма, сформировавшие идеологию генерала, и природный, естественный образ жизни горцев, воплощенный в Хачимахо. Так, казалось бы, частный диалог оказывается вписанным в острейшие исторические конфликты, и самый трагический исход его предопределен. Еще одна особенность и самого романа, и этого диалога в том, что наш писатель, следуя традиции Толстого, показывает ситуацию войны с точки зрения России и с точки зрения Кавказа, стремится увидеть и показать ее не только «изнутри», но и извне, со стороны русских. Это и создает диалектическую противоречивость, но в то же время – объемность и цельность романа Сараби Мафедзева «Достойны гибззы»

И сегодня этот спор не закончен, он актуализируется событиями последних лет на Кавказе. Народы снова поставлены перед выбором – суровым и неотменимым. Не это ли заставляет писателей народов Северного Кавказа вновь и вновь возвращаться к трагическим событиям Русско-Кавказской войны и махаджирства. И в сегодняшней ситуации особенно важно помнить, что история началась не сегодня. Мы снова оказались перед лицом истории... А потому – в назидание потомкам – приведу историческое и литературное кредо Сараби Мафедзева в редчайшем сочетании следования и исследования кабардинской ментальности: «В современном мире, охваченном недоверием и международным скепсисом, когда, как говорят адыги, в содержимом неразбитого яйца ищут волос, трудно рассчитывать на восторг и одобрение. Японца упрекают в том, что он вежлив и трудолюбив, еврея – что он умен и предприимчив, немца – в пунктуальности и педантичности, француза – в корректности и сентиментальности, англичанина – в джентльменстве и приверженности к

своим традициям, абхаза или шапсуга в свободолюбии и гордости, чукчу в простодушии и т.д. Между тем всему этому следовало бы завидовать и учиться серьезно, по-человечески».



Мафедзев Сараби Хажмастафович (1935, сел. Герменчик Урванского р-на КБР – 22.10.2007) – кабардинский писатель. Окончив местную семилетнюю школу, в 1950 г. поступил в Нальчикское педучилище. После учебы в 1954–1955 гг. работал учителем в Герменчикской школе. В 1955 г. поступил в КБГУ на русско-кабардинское отделение. В студенческие годы был активным членом литературного кружка, которым руководили М. Апажев и А. Хакуашев.

В 1960 г., завершив учебу в университете, Мафедзев вновь приступил к педагогической деятельности в родной школе. В 1967 г. – научный работник краеведческого музея, 1968 г. – ответственный секретарь Кабардино-Балкарского отделения общества охраны памятников истории и культуры. С 1969-го – научный сотрудник КБНИИ, затем зав. отделом этнографии. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1989 г. – докторскую. Член Союза писателей СССР, заслуженный деятель науки КБР, лауреат Международной Кандуровской премии и Государственной премии КБР (за книгу «Гыбзэ хуэфашэт» – «Достойные гыбзы»).

В 1968 г. выходит его первая повесть «Щалэгъуэм и зы гъуэгугу» («Дорога молодости»), в которой повествуется о студенческой молодежи 50–60-х гг. В 1974 г. была опубликована первая историческая повесть С. Мафедзева «ЩакIуэ фIыщIэ» («Черная бурка»), которая основана на исторических документах. Автор художественно осмысливает отдаленное прошлое Кабарды до ее присоединения к России. Повесть посвящена борьбе кабардинского народа с Крымским ханством и Турцией, которые пытались укрепить свое влияние в Черкесии.

С этого периода историческая проза становится преобладающим жанром в творчестве писателя. В 1983 г. выходит очередная книга Мафедзева «ХьэщIэ махуэ» («Добрые гости»), в которую вошли повести «Начих», «Конокрад», «Если бы убили вчера» и одноименная повесть «ХьэщIэ махуэ». Последняя – об аталыческом воспитании – является фрагментом романа «Достойные гыбзы», который был завершен незадолго до выхода сборника в 1983 г. Однако предвидя, что по идеологическим соображениям роман не возьмут в печать, автор решил включить в сборник отрывки из романа. Повесть «ХьэщIэ махуэ» посвящена разным сторонам традиционного быта дореволюционной Кабарды.

В 1992 г. выходит роман «Гъыбзэ хуэфашэт» («Гыбзы достойные»). События романа охватывают один из самых трагических периодов жизни кабардинского народа – период правления императрицы Екатерины II. Именно в этот период была усилена экспансия России на Кабарду – походы Глазенапа и две экспедиции генерала Булгакова. В результате последних было уничтожено 80, а затем 200 аулов, погибли десятки тысяч человек, была истреблена почти вся аристократия кабардинского народа – князья и дворяне. Автор приводит знаменательное высказывание генерала Булгакова: «Кавказ – рай, и он стоит пролитой крови, оставить эту землю кому-то другому – глупо». В это же время – 1793–1794 гг. – разразилась страшная эпидемия холеры, когда из каждых 10 человек погибли 9. В результате в Кабарде осталась десятая часть от прежней численности населения. Автор раскрывает весь спектр народной жизни: культура, быт, нравы отражаются в их естественном многообразии и противоречии.

В 1998 г. вышел новый роман Мафедзева «Мыщэ лъэбжьанэ» («Медвежьи когти»), посвященный периоду правления Кабардой Кушука Джанхотова и Русско-Кавказской войне. Народная трагедия воплощена в истории процветающей семьи главного героя Билостана, состоящей из семи человек: родителей, двух сыновей и трех дочерей. К финалу романа в живых остаются только двое: средняя дочь и отец. Показательны судьбы членов этой семьи: утонули мать с младшей дочерью, не пожелавшие попасть в руки солдатни. Старший сын оказался нелепо вовлеченным в страшный кровавый клубок кровной мести. Младший сын погиб в бою с царскими войсками генерала Вельяминова. Старшая дочь стала наложницей генерала Ермолова и вскоре умерла от тоски. Несмотря на острый драматизм повествования, центральная идея, вокруг которой бьется пульс всей книги, – идея неуничтожимости народа, нетленности народной жизни.

В личности Сараби Мафедзева счастливо сочетаются историк и литератор. Обостренное чутье историка позволяет ему останавливаться и пристально исследовать самые драматические, поворотные этапы прошлого кабардинского народа. Художественный талант позволяет «вдохнуть» жизнь в историю, и тогда перед читателем встают живые полотна человеческих судеб, полные трагизма и силы чувств. Боль и тревога за судьбу родины и своего народа – это боль и тревога за каждого, умение вплетать личные судьбы в широкомасштабные исторические панорамы – одна из главных особенностей прозы Мафедзева. Она сочетает в себе, на первый взгляд, противоречивые черты: при простоте и конкретике повествование обладает философской глубиной и эпической широтой. Способность «вживаться» в судьбы собственных героев объясняется искренностью и экспрессивностью произведений автора.

К середине 90-х гг. писатель возвращается к проблемам современности. В 1994 г. выходят три повести. Одна из них – «Мыхъур»

посвящена драматической судьбе молодой женщины. Потеряв родителей, мужа, оставшись одна с больным ребенком на руках, в самый критический, отчаянный момент своей жизни она смогла сохранить женское достоинство и силу духа, оказать отпор авантюристу из «новых». Юмористическая повесть «Зубная боль» – невыдуманная история девочки, описанная ею в школьном сочинении, о том, как у ее бабушки заболели зубы. Повесть «Ложная прическа» посвящена истинным – таким, например, как интеллигентность, человечность, нравственность – и ошибочным понятиям.

Трудно переоценить вклад Сараби Мафедзева в историческую науку, в частности, в область этнографии. Им выпущено 6 монографий, опубликовано более 40 научных статей. Исследовательский интерес Мафедзева широк – от обрядов и обрядовых игр до адыгского этикета. «Адыгэ хабзэ» (1994) – труд, признанный одним из наиболее фундаментальных в числе других исследований в этой области; им также подготовлена монография «Адыги: обычаи и традиции».

Сараби МАФЕДЗЕВ

АДЫГИ: ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ

Главы из книги

Нет необходимости широко и подробно распространяться в этой работе об этногенезе адыгов¹. Их история уходит в тысячелетнюю древность. Как свидетельствуют исследования последних лет, адыги берут свое начало от племен и народов, которые проживали на берегах Черного и Азовского морей, а также в бассейне реки Кубань задолго до нового летосчисления. Среди них были, например, синды, меоты, фатеи, керкеты, досхи, псесы, зихи² и др. Некоторые ученые истоки адыго-абхазов относят к еще более раннему периоду, к древним кашкам и хаттам³. В формировании адыгского этноса, конечно же, принимали участие граничившие с этими старинными племенами общности,

¹ Всех, кто интересуется этой проблемой, отсылаю к книгам, которые снабжены достаточно подробной библиографией: *Бетрозов Р.* Адыги: Истоки этноса. Нальчик, 1990; Он же. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.

² *Крушкол Ю. С.* Древняя Синдика. М., 1971; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1977; Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. // АБКИЕА. Нальчик, 1974.

³ *Махуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983; См.: Ардзинба В. Г. Послесловие к монографии.

а также кочевники, с которыми им приходилось сталкиваться в ходе исторического развития.

Адыги являются одним из древнейших этносов Кавказа. На примере адыгов и их хабзэ росло и развивалось не одно поколение соседних народов. За свою многовековую историю они видели и испытали не одно потрясение. Кавказ – территория проживания адыгов – был своего рода «проходным двором» между Передней Азией и Европой. За исторический период через него прошли, промчались наводившие на весь мир ужас своей жестокостью киммерийцы, скифы, сарматы, аланы, гунны, аварцы, хазары, позже – бич многих народов – монголы, татары и др. Вполне понятно, что они не могли не задеть, не «опалить» местное, аборигенное население. И само собой разумеется, что такая беспокойная, опасная жизнь оставила отпечаток на нравах, мировосприятии, хабзэ адыгов.

Результатом тревожного быта следует считать, например, то, что адыги еще с античных времен прославились своими военными действиями, храбростью и бесстрашием, что молодые люди росли и воспитывались в духе мужества и доблести. Их умение виртуозно владеть оружием и боевым конем изумляло многих путешественников и даже врагов, с которыми они сталкивались. Чувство собственного достоинства, свободы и независимости, вместе со скромностью и миролюбием, сопровождало адыга всю его жизнь. Ради своей чести и совести он мог жертвовать всем. Вместе с тем, постоянный натиск внешних (да и внутренних) врагов обусловил использование легких строений в качестве жилищ, достаточно незамысловатых хозяйственных построек и особенности их питания: съесть сначала сухую пищу (мясо, сыр с пастой и др.), а затем запивать чем-нибудь жидким, не обязательно горячим (шурпой, супом, кислым молоком или же просто родниковой водой). Этими же причинами продиктована особая технология приготовления походной пищи: чтобы она была калорийна и не портилась долго. Поэтому из всех злаковых культур адыги традиционно предпочитали просо (известно восемь сортов), а пасту из пшена не солили, и пр.

Те же самые обстоятельства частично повлияли и на то, что, хотя адыги и занимали вполне удобные для земледелия места, долгое время основным их занятием было скотоводство. Особую заботу составляло коневодство, селекция знаменитой кабардинской лошади (адыгэш). Кроме всемирно известных *шолох* и *бечкан*, доброй славой пользовались породы *жерешты*, *хагундок*, *лафиш*, *куденет* и др.

Выведение лошадей было занятием кропотливым и целенаправленным.¹ В этой связи нельзя не согласиться с венгерским философом Д. Лукачем, который, рассуждая о приручении домашних животных, пишет: «В конкретных исторических процессах факты, необходимость

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 261, 262.

совершенствования появляются так часто и с такой очевидностью, что их общая судьба может ясно обнаружиться и без точного детализированного раскрытия всех моментов... Так возникли новые виды, существенно отличные от «исходных». Кроме того, диапазон их различий был достаточно широк собственно общественным целеполаганием, вытекающим из характера общественных потребностей: от английской скаковой лошади до тяжеловоза, от охотничьей собаки до болонки существует многоступенчатая, богатая шкала (разновидностей)»¹.

В таком «общественном целеполагании» и развитии цивилизации принимали участие многие народы, в том числе и адыги, внесшие в общечеловеческую «копилку» культуры и кабардинскую лошадь, и адыгский национальный костюм, и многие блюда нашей кухни, и адыгэ хабзэ. Это, конечно, не изобретение пороха, динамита, автомата или компьютера, но это и немало.

Частые столкновения с внешним врагом, обусловленные локализацией адыгов, способствовали и тому, чтобы они быстро сформировались как этническая общность со своим языком, самобытной материальной и духовной культурой, мировоззрением, адыгэ хабзэ и самосознанием. Понятно и то, что, располагаясь на территории, которая являлась как бы «проходным двором», испытывая давление как с одной, так и с другой стороны, мужская часть населения была обязана постоянно заботиться о безопасности. Такое противостояние, рассчитанное только на личную отвагу каждого члена общества, требовало развития военно-физической подготовки молодых людей. В свою очередь, можно думать, что эти факторы во многом обуславливали необходимость появления и таких довольно совершенных во всех отношениях институтов, как гостеприимство, куначество, побратимство и других отдельных черт адыгагъэ и в целом всего адыгэ хабзэ.

Разумеется, это произошло не в один век и не в одно тысячелетие. Их основы, видимо, уходят к далеким предкам адыгов. К слову сказать, древних керкетов, которые, по свидетельствам античных авторов, проживали за несколько веков до нашей эры вблизи так называемой Синдской гавани (недалеко от современного города Анапы) многие исследователи связывают с черкесами². А иные идут еще дальше, соотнося последний экзоэтноним (название, данное другим народом) с кашками³. В то же время экзоэтноним «черкес» с таким произношением в литературе встречается лишь с XIII века.

¹ Лукач Д. К антологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. С. 280.

² Инал-ипа. Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абзахов. Сухуми, 1976. С. 189.

³ Бетрозов Р. Адыги. Истоки этноса. Нальчик, 1990. С. 44.

Как уже отмечалось, многие исследователи, и в этом они не ошибаются, считают, что названия «керкеты» и «черкесы» даны адыгам сторонними людьми. Подтверждением этому служит тот факт, что до сих пор отдельные наши соседи, да и более дальние народы адыгов знают как черкесов или касогов. Хотя некоторым из них и известно самоназвание «адыги», до последних лет никто нас так не называет. Вместе с тем, до недавнего времени «черкес» употреблялся как собирательный термин, обозначающий всех горцев Северного Кавказа ¹.

Ответить на вопрос, почему адыгов называли черкесами или касогами, сейчас невозможно, как трудно объяснить этимологию самих терминов «черкес», «адыгэ» и др. В предположениях нет недостатка, более того, они в изобилии. Однако признать какой-нибудь вариант удовлетворительным пока не представляется возможным. Основываясь на созвучиях слов других языков, строить теорию о происхождении термина не всегда представляется возможным. Мало того, подобные поиски зачастую вводят в заблуждение, так как только знания лексических законов словообразования, звуко сочетания и т. д. недостаточно. К тому же необходимо считаться с многими «секретами» языкового развития. Поэтому то, что до сих пор исследователи сделали для объяснения терминов «адыгэ», «черкес», можно принять лишь как рабочую гипотезу, не вдаваясь в данном случае в подробности.

В жизни часто случается, что вместо собственного самоназвания (эндоэтноним) народа в литературу входят названия, данные этому этносу другими (экзоэтноним). Например, армяне именуют себя «хай», абхазцы – «апсуа», немцы – «дойче», китайцы – «ханьжень», японцы – «нихондзин», албанцы – «шкиптар», аварцы – «маарулал», балкарцы – «таулу», калмыки – «хальмг» и др. Это зависит, видимо, от того, под каким названием в литературе впервые описывался или упоминался народ. А затем авторы в своих трудах, посвященных более детальному изучению быта, общественного строя, семьи, обычаев и традиций заимствовали друг у друга уже известные этнические названия, не всегда утруждая себя выяснением самоназвания. У адыгов это очевидно ². Об этом же писал итальянский путешественник Дж. Интериано, посетивший адыгов в самом конце XV века. По его сведениям, в те далекие времена сами адыги пользовались самоназванием, хотя соседи их называли одними зихами, иные черкесами.

Как видно из достаточно содержательного описания Дж. Интериано, адыги тогда имели не только общую территорию, но были вполне

¹ Гарданов. В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 16.

² Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адыгэ), абхазцами (азега) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1875. Кн. 4. С. 173

сформировавшимся этносом со своей материальной и духовной культурой, со своими общими хабзэ, языком и т. д. В частности, он высоко отзывался о том, с каким уважением адыги относились к старшим, к женщинам, с каким вниманием обращались с детьми, как доброжелательно встречали гостей, какими были взаимоотношения между сюзеренами (князьями) и их вассалами (уорками), в каком положении находился трудовой народ.

Вместе с тем, еще в XVIII веке адыгская общность имела без малого двадцать этнических подразделений, из которых к середине XIX века реальное значение имели только одиннадцать: *кабардинцы, бесленевцы, темиргоевцы, бжедуги, хатукаевцы, махошевцы, мамхеговцы, егерухаевцы, абадзехи, шапсуги, натухайцы*. По своему быту и территории к этому времени западные адыги не претерпели значительных изменений. Начиная с северо-запада, первыми от Черного моря, у устья реки Кубань, жили натухайцы. За ними шли шапсуги, ближе к востоку за шапсугами располагались абадзехи, которые граничили с бжедугами и хатукаевцами. Земли последних соприкасались с темиргоевцами. Выше, в пределах долины реки Лабы, жили егерухаевцы, махошевцы и мамхеговцы¹.

Последними в ряду адыгских подразделений, обитавших в бассейне Кубани, были бесленевцы. Их земли фактически сливались с территорией кабардинцев, которые жили по берегам Терека вплоть до реки Сунжи. Поэтому утвердившееся среди историков мнение о том, что кабардинцы, оторвавшись от общеадыгского массива, переселились на современную их территорию, не соответствует действительному положению дела. До самой середины прошлого века у всех адыгских племен и народностей не было территориальных делений, их земли соприкасались, составляя одно целое. А то, что кабардинцы оказались изолированными от других адыгов – это результат планомерно и настойчиво проводимой политики царских властей на Кавказе: «Разделяй и властвуй». Кто бы что ни писал и ни говорил, именно это является главной причиной того, что адыги разбросаны по всему свету, что непоправимый урон нанесен генофонду, людским ресурсам, истреблены их материальные и духовные богатства. Приходится даже удивляться, каким образом адыги сохранились как этнос после долгой, жестокой русско-кавказской войны, после массового махаджирства (истамбылакIуэ). Каких только несчастий они не испытали: тонули в море, умирали и гибли от голода и холода. Их косили тиф и холера, чума и малярия. К тому же специально по договору сторон – турецких и российских чиновников, рассчитав барыши, фрахтовали списанные, пришедшие в негодность суда, перегружали их в три-четыре раза и отправляли в плавание. Если они не тонули сами по себе, то им

¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М. 1967. С. 24–26.

прорубали дно и топили, как будто бы произошел несчастный случай, и члены экипажа, спасшись на лодках, страховку делили между собой. Подобных примеров в литературе о махаджирстве немало.

И тем не менее, народ, который обрекли на невероятные испытания, народ, который объявили изгоем, стремился не только выжить, но во что бы то ни стало сохранить, не растерять свое достоинство, сберечь свои хабзэ. И это ему во многом удалось. Не только оставшиеся на родине, но и те, кто оказался на чужбине, став чужаками (хэхэс), сохранили адыгагъэ и адыгэ хабзэ.

Понятно, конечно, что для успешного развития самобытной культуры, для более действенной консолидации всех адыгских объединений, для приумножения материальных и духовных ценностей, для более тесного контакта и общения между собой, для укрепления дружеских и родственных связей, взаимопонимания и взаимопомощи нужны были более благоприятные условия, чем те, которые выпали адыгам. Мало сказать, что солидарность в самой адыгской среде была бы благом. За этим следовали бы экономическая мощь, мобильная сила и этническое процветание. Однако, к большому сожалению, не всегда между самими адыгами царили мир и согласие. И это явилось другой, не менее серьезной причиной их несчастий. Но утверждать, что адыги, которым выпало столько горя и страданий, избавились от зависти, высокомерия, злопыхательства и желания навредить другому назло, наверное, еще преждевременно.

Однако для этноса, наряду со свободой, важны согласие, взаимоуважение, взаимопослушание его составляющих. От этого непосредственным образом проистекает и целостность народа, его независимость, развитие культуры, в том числе и хабзэ. Адыгагъэ и хабзэ передаются подрастающему поколению не только посредством общения старших с младшими. Молодежь воспитывает окружающая среда: природа, горы, поля и леса, реки, растения, животный мир. Их формирует также домашняя атмосфера: ласка, душевная теплота матери и суровый характер отца.

Адыгэ хабзэ не ограничивается человеческими взаимоотношениями в семье, в обществе. Оно определяет бережное, чуткое отношение ко всему, с чем человеку приходилось сталкиваться в жизни, включая и такие незначительные на вид действия, как бить землю палкой, плевать в реку, в воду. По адыгским понятиям это было большим грехом (гуэныхьышхуэ). Таких примеров можно привести очень много. Но не будем чрезмерно распространяться. И все-таки разве не примечательна реакция взрослых, когда дети без надобности рвали траву: «Не делайте так, вы вырываете усы умерших своих дедов».

Такое предупреждение имело глубокий смысл. По представлениям адыгов, в очень далекие времена люди не умирали, а отправлялись в

иной, потусторонний мир и продолжали там жить. Так думали не только адыги. Такого представления придерживались многие народы. Поэтому с покойником хоронили посуду, из которой он мог есть, богатства и рабов, которыми мог распоряжаться, лошадей, на которых должен был ездить верхом. Нередкими были случаи, когда вместе с умершим мужем хоронили и жену, убив прежде. По первобытному мышлению, ушедшие из этой жизни имели гораздо больше силы и власти, чем те, которые жили на земле. От них зависело, уродится ли хлеб, будет ли изобилие. В зависимости от поведения людей, родственников на земле «люди» под землей посылали в мир живущих то добро, то зло. Если живущие на земле «обижали» животных, растения, относились друг к другу не по-человечески, забывая адыгагъэ и намыс, то ушедшие безжалостно наказывали потомков: посылали всякого рода стихийные бедствия – засуху, наводнение, неурожай, заразные болезни, мор животных. Этому остерегались, для чего задабривали ушедших различными молениями, обрядами, щедрыми жертвоприношениями.

Для того чтобы дети лучше поняли и усвоили эти неперенные правила, видимо, у адыгов и возникло речение: «Вырывая траву, ты рвешь усы умершего деда или отца». Слышавшие хотя бы раз это внуки и внучки, которые любили, уважали и боялись своих суровых и в то же время внимательных старших, таким образом, навсегда запоминали, что, балуясь, просто так нельзя рвать зеленую траву, растения.

Небольшой этот пример и в самом деле убеждает, что хабзэ не придумали, а оно проистекало из жизни. Это касается и свадебных, и других общественных и бытовых обычаев, традиций. Их как коллективные, социальные законы никто не принимал договорившись или при помощи голосования. Это одна из сторон, чем хабзэ отличается от любых узаконений.

Итак, все, что у адыгов оформилось как хабзэ, имеет свою основу, свою практическую или же нравственную отправную точку. И еще следует добавить: адыгэ хабзэ – не простое житейское явление, не фантазия. Те, кто считает его таковым, необязательным, принижает не только его смысловую значимость, но и всю его философскую, мировоззренческую суть. Без всякого преувеличения можно сказать, что подобно тому, как адыги выработали свое адыгэ хабзэ, так и само адыгэ хабзэ сделало адыга адыгом, со своими намыс и адыгагъэ. Адыгэ хабзэ регулировало не только правила поведения в обществе. Адыгэ хабзэ – это основа мировосприятия, благородства, воспитанности, чести, совести, человеческого достоинства.

Как уже отмечалось, адыгэ хабзэ всесторонне, всеобъемлюще. В широком смысле оно обеспечивало повседневную жизнь адыгской семьи,

сельской общины, всего общества, регулировало отношения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами в самых различных ситуациях. Адыгэ хабзэ касалось всего, начиная с незначительных утилитарных дел, кончая общенародными важнейшими проблемами. Наряду с тем, что оно выступало как норма поведения, хабзэ также являлось тем, что человека делает человеком. Это нравственное кредо: честь, совесть, чуткость, обходительность, добросердечие, человеколюбие и др. Трудно рассуждать об адыгэ хабзэ. Его надо прочувствовать. Хабзэ исполняют, ему следуют, его берегут в душе, лелея, им гордятся, но не проповедуют высокопарными фразами. Поэтому, конечно, адыги говорили: «Хабзэ не носят на кончике языка».

Когда заходит речь о том, что в адыгэ хабзэ главнейшими критериями человеческого характера являются правдивость, внимательность, отзывчивость и другое, некоторые это считают преувеличением, скептически улыбаются. К сожалению, среди таких много интеллигентных, преуспевающих, респектабельных людей, которым кажется, что они-то все знают, что их просто так не проведешь. Ничто так не губит образованных людей, как неверие. Еще больше противников адыгэ хабзэ в вопросах воспитания детей. Они никак не хотят понять, что традиционная народная педагогика адыгов категорически запрещала бить детей младшего возраста. Их любили, пестовали, на них не кричали, их не одергивали. Конечно, это требовало большого терпения, выдержки, изобретательности со стороны взрослых, родителей. Сторонники силового, ременного воспитания ссылаются на свой личный опыт, воспоминания, как их наказывали – колотили, запирали в темной комнате. Никто не настаивает на том, что все родители безоговорочно следовали адыгэ хабзэ. Немало, наверное, было и таких, которые вымещали обиду, срывали злобу на физически слабых детях за свою неудавшуюся жизнь, завидуя друзьям и знакомым, у кого она сложилась более благополучно. Однако это никак не входило в адыгэ хабзэ, это – нарушение адыгэ хабзэ. А тот, кто это не воспринимает или принимает с издевательской ухмылкой, именно на таком лежит значительная доля вины, что адыгэ хабзэ превратилось в шутку, в забавную игру, ибо на людях он говорит одно, пишет другое, думает третье и в то же время называет себя адыгом, поборником адыгэ хабзэ.

Адыгэ хабзэ, как сказано выше, складывалось, совершенствуясь веками и тысячелетиями. На нем отпечатки многих событий и явлений давно минувших эпох: от первобытнообщинного строя до периода классового образования и феодальных отношений, от собирательства до культурного земледелия, от группового брака и парной семьи до моногамной, от язычества и многобожия до христианства, а затем и ислама, от лука и стрелы до огромной разрушительной силы орудий. В зависимости от такого развития общества адыгэ хабзэ тоже менялось, фиксируя

новое, вместе с тем бережно относясь и к старому. Добро и зло, правда и кривда в жизни, как на весах. Но что бы там ни случилось, добро и правда в адыгэ хабзэ должны были перевесить, одержать верх. Это и давало силу и жизнь адыгэ хабзэ. Поэтому оно и дошло до наших дней. Дальше уже дело современных, цивилизованных, урбанизированных адыгов сохранить и передать его последующим поколениям или же, отнесясь к нему безразлично, предать забвению. Лучше, чтобы последнего не произошло.

Вполне понятно, адыгэ хабзэ – это народное, коллективное творение. Поэтому его объектом являются не конкретные морально-правовые вопросы, а вся бытовая жизнь адыгов в деталях. И в наше время адыгэ хабзэ следует или старается следовать каждый уважающий себя адыг, стремясь соблюсти все его нормы и правила. Трудно даже определить, что важнее: то, что хабзэ регулирует всю этническую гамму поведенческой культуры адыгского общества, или то, что оно выступает как точный, психологически выверенный ориентир в выборе единственно правильного решения в конкретной ситуации, или то, что всегда обязывает быть сдержанным, терпеливым, скромным, достойным называться адыгом, или же нарушившего адыгэ хабзэ ожидает не только осуждение соплеменников и в целом общества, но и постоянные укоры совести за необдуманый шаг. Их, видимо, много. Но, как бы то ни было, поверьте на слово, большое это счастье и богатство – адыгэ хабзэ.

Одними из самых характерных признаков адыгэ хабзэ, как уже сказано, являются адыгагъэ и адыгэ намыс. Эти два понятия объединяют весь спектр позитивных качеств человека: доброту, чувство собственного достоинства, правдивость, совесть, чуткость, внимание, уважение по отношению к старшим, женщинам. И зачастую выступают как синонимы. По крайней мере, границы между ними достаточно прозрачны, хотя их соотношение может быть и таковым: адыгагъэ – это наличие комплекса положительных черт характера, а адыгэ намыс – внешнее их проявление. В то же время в народе не говорят: «Адыгагъэ хуищIащ» (Адыгагъэ сделал), а выражение: «Нэмыс хуищIащ» (Намыс сделал) является вполне нормальным.

Когда речь идет о вышеперечисленных качествах человека, вроде бы все ясно. Однако как они проявляются? Например, уважение к старшим? Если хабзэ не придуманы, а в их основе лежит жизненный факт или явление, то что является началом института пиетета к старшим?

Если заглянуть в историю человечества, то у многих античных народов можно найти пример умерщвления старых соплеменников. Их сбрасывали с гор или же отводили в глухое, безлюдное место, где они умирали. Ученые этот обычай объясняют по-разному. Одни считают,

что так поступали из экономических соображений: не надо кормить не приносящих уже пользу старцев. Мнение других граничит с мифом. Так поступали вроде бы для того, чтобы стариков побыстрее отправить в тот сказочный мир, где нет ни забот, ни страданий, а только блаженство, радость и полное счастье.

Обычай сбрасывать стариков с гор существовал у древних китайцев, тибетцев и др. По легендам, он был и у адыгов. В устном народном творчестве встречается даже два объяснения, почему адыги отказались от этого обычая.

В первом из них мужчина сидел во дворе и в присутствии малолетнего сына мастерил вместительную корзину. Мальчик спросил, для чего он делает такую большую плетенку, на что отец ответил, мол, дедушка стал стареньким, настала пора сбрасывать его с горы. Тогда мальчик просит отца: не выбрасывай, пожалуйста, корзину, чтобы мне тоже не пришлось с этим возиться, когда ты состаришься. Мужчина подумал об участи, которая его самого ожидает, и оставил отца живым.

В этой легенде – эгоистический расчет: сделал зло, не жди добра; прежде чем поступить с другим так или иначе, подумай, как это обернется для тебя. И то хорошо. Осмотрительность никогда не мешала никому.

Однако вторая легенда как будто бы полностью замешана на адыгагэ, на человечности. Как повелось, сын повез своего старого отца сбрасывать с горы. Но жалость и сострадание не позволили ему сделать это. Сын оставил отца в пещере и тайно ухаживал за ним, приносил еду, одежду. Однажды случилась страшная засуха, длившаяся несколько лет подряд. Неурожай, люди гибли с голоду, проели даже то, что оставили на семена. В один из дней, собрав кое-что для отца, сын проведаль его. Мрачный вид сына насторожил старика, и он спросил, в чем дело. Скрывать было нечего, сын рассказал отцу о бедственном положении народа. Не зная, чем и помочь, старик посоветовал: вспашите обочины дорог, по которым когда-то возили зерно с полей, жнивье, где раньше сеяли просо, тока, где обмолачивали урожай, даст Бог, может, что и получится.

Таким образом, мудрый старик своим советом помог людям. Селяне, довольные молодым человеком, спросили: сам ли догадался, или кто-то его надоумил. И тут он открыл тайну о своем отце. С того времени, говорится в легенде, адыги перестали убивать своих престарелых. Хотя они и немощные, их сила – в большом жизненном опыте, в мудрых советах. А это многого стоит. Поэтому адыги говорят: «Ум – это богатство».

Нет никакого сомнения, что в основе глубокого уважения к старшим у адыгов лежат мудрость, рассудительность, обстоятельность ума. Впоследствии это и стало хабзэ: уважение и даже почитание старших вошли как составные элементы в адыгагэ. К большому огорчению, у немалой

части наших сегодняшних стариков та мудрость, которой обладали их предшественники, покрывается табачной копотью и водочной гарью. И у них, кроме седых усов и бороды, ничего от старшего не осталось, хотя иные в пьяном угаре бьют себя в грудь, утверждая, что они старшие, подразумевая, конечно, свой возраст. Таким образом, вместо того, чтобы заботиться о своем авторитете, они сами принижают его, заставляя краснеть младших и позоря память ушедших.

И все-таки, как и в чем проявлялось у адыга уважение к старшим? Внешне это проявлялось в следующем. Если ехали верхом или шли пешком два адыга, то старший всегда находился справа, а младший слева. Когда путешествующих было трое, старший шел посередине, средний – от него слева, а младший – справа от старшего. При объяснении такого расположения информаторы единодушны: младшего могли послать с каким-нибудь поручением (он помощник, исполнитель). И тогда оставшиеся шли, не нарушая хабзэ: старший справа, а младший слева. А почему старшему отдавали правую сторону, так здесь действовали по приоритету в оппозициях: правый – левый, верх – низ и т. д.

В тех случаях, когда мужчин было четверо, то впереди, как описано выше, шли трое старших, а самый младший находился сзади. Если пятеро – трое старших впереди, а двое – за ними, соблюдая хабзэ, то есть из этих двух старший – справа, а младший – слева. Адыги никогда не окликали впереди идущего старшего. Его догоняли, пристраивались слева и, поздоровавшись, спрашивали то, что хотели. В разговоре старших не перебивали. Более того, спрашивали у них разрешения высказать свои соображения. При этом речь строилась таким образом, что младший, извиняясь и как бы советуясь, говорил: «Я ничего не добавлю к тому, что вам известно...» или же: «То, о чем я скажу, вы, наверное, продумали давно...» и др.

Сомневающихся во всем, неуверенных и нерешительных, советующихся со всеми по всяким пустякам адыги откровенно не любили. Однако адыгэ хабзэ большое значение придавало здравому совету, умению советоваться и давать своевременные добрые советы. Старшие тем и славились. Их обоснованные, взвешенные и мудрые слова и наставления редко кого-либо подводили. Поэтому, видимо, и говорили: «Советующийся не ошибается», «Если не с кем посоветоваться, то положи свою шапку и советуйся с нею», «Спрашивающий не поступает опрометчиво, тайно совершенный проступок обнаружится рано или поздно» и др.

При появлении старшего все везде и во всех случаях вставали. Однако надо обратить внимание на следующее. За обрядовым, свадебным столом, когда в компанию входил старший или за какого-нибудь уважаемого человека поднимали тост, тхамата этого стола не вставал. А если он считал случай неординарным и он обязан был вставать, то

вместо себя просил кого-нибудь остаться за столом. Считалось так: самым старшим по хабзэ является накрытый обрядовый стол. Этикет требовал, чтобы за ним всегда кто-то сидел. Если же компания, оказывая честь кому-то, поднимала тост стоя, то когда все садились на свои места, оставшийся сидеть за столом тоже, уже один, поднимался и пил, как все, стоя.

Проявляя намыс, вставали не только из-за старших. Вставанием оказывали честь гостям, женщинам. Причем здесь не играл никакой роли возраст встающего, если это не малолетние (двух-трех лет) дети. Не имело значения, знакомой была женщина или незнакомой, дома ее встретили или же в поле. Более того, при встрече со старшими или женщинами вставал и тот, кто ехал верхом: он приподнимался на стременах или же спешивался. Вставание было знаком проявления уважения у многих горских народов, в том числе и у абхазов¹.

У себя ли дома, или за обрядовым столом старший (тхамада) всегда имел свое почетное место. Его адыги называют «жъантIэ», что, наверное, соответствует «красному углу». В доме жъантIэ определяли по отношению к очагу (жъэгу). Адыгский очаг, хотя на его расположение впоследствии не обращали особого внимания, в прошлом строился на строго определенном месте, а именно по левую сторону, когда заходишь в дом. Если вошедший становился лицом к очагу, пространство по его правую руку представляло жъантIэ, а угол напротив очага, образованный стенами, являлся самым почетным местом в традиционном адыгском, так называемом большом доме. В повседневном быту место тхамады располагалось рядом с очагом с правой стороны. К этой же стене представляли кровать старшего. При обрядовых торжествах головная часть стола, а значит и место тхамады, приходилась у стены напротив очага и входной двери.

Независимо от того, дома ли старший, или же отсутствует, на его кровать никто не садился, не говоря о том, чтобы лечь на нее. При отце даже взрослые сыновья, у которых были уже свои семьи, не садились, не курили, а о том, чтобы он увидел сына пьяным, и речи не могло быть.

В этой связи примечательна притча. Как требовало адыгэ хабзэ, в прошлом князья, уорки и состоятельные люди своих детей отдавали на воспитание в «чужой дом»: своим вассалам, друзьям, в соседние народы. Аталык – воспитатель, его по-адыгски называли «быфыкъуэ адэ», заботился о ребенке, растил его, учил жизни до совершеннолетия. Обычно воспитанник (къан, пIур) о своих родителях и близких знал только понаслышке. Не в традициях хабзэ было князю проводить своего сына, справляться о том, как идет воспитание. Так вот, одного молодого че-

¹ *Инал-уна Ш. Д.* Традиции и современность. Сухуми, 1973. С. 73.

ловека, который получил надлежащее воспитание у аталыка и которого вскоре надо было торжественно вернуть родителям, быфыкьюэ адэ взял на войну, где воспитанника смертельно ранили. В положении обреченного на смерть юноша попросил показать ему хотя бы один раз родного отца. О просьбе сообщили отцу молодого человека, и тот приехал. Бедный отец направился в кунацкую, где лежал сын. Когда юноше сообщили, что отец во дворе, он обратился к друзьям с просьбой поднять его, чтобы стоя встретить отца. Его желание исполнили. Смертельно больной стоял, опершись о палку, в кунацкой, поддерживаемый друзьями. Сказав несколько слов сочувствия, положенных в таких случаях, отец сел на стул и смотрел на сына, еле сдерживая себя, по правилам хабзэ. Однако так длилось недолго. Отец встал и сказал: «Если бы юноша остался жив, из него, видимо, вышел бы настоящий мужчина. Я не насмотрелся на него. Но я уйду. При мне юноша не захочет лечь, а стоять ему, вижу, трудно. Пусть Всевышний поможет ему, бедняге». Только переступил отец через порог, как юноша упал и умер.

Это лишь небольшой пример из устного народного творчества. Однако, если вспомнить, как в исторической литературе об адыгах описывается, с какой стойкостью и терпением они переносили страшные страдания, то, кажется, в рассказе нет никакого преувеличения. Конечно, с позиций сегодняшнего дня жестоко, бессердечно поднимать с постели умирающего человека, как бы он ни просил, как бы ни хотел блюсти хабзэ, намыс. Но таково уважение к старшему, к отцу, такова честь, которую дети оказывали родителям. Для адыга, как было сказано выше, честь дороже жизни. И в доказательствах этого не было никакого принуждения, никакого насилия. Это качество характера формировалось с детства и было образом жизни адыгского мужчины, неотъемлемой его частью.

Некоторые ученые мужи сравнивают адыгэ хабзэ с воинским уставом, что неверно. Если бы это было так, адыгэ хабзэ потеряло бы всю свою прелесть, рациональное ядро, основанное на ценностях человеческих взаимоотношений.

К исполнению адыгэ хабзэ принуждает личная совесть, обязанность быть адыгом. Говоря иначе, в основе адыгэ хабзэ лежит искреннее желание следовать ему. Поэтому говорят: «Хабзэ не угодничество, а обязанности – не взятка», «Тот, кто считает хабзэ угодничеством, лишает себя и половины того, что заслуживает».

В честь тхамады вставали не только когда его видели. Оказывая уважение, младшие члены семьи, женщины, родственники, соседи приподнимались с места и в тех случаях, когда кто-то в разговоре называл имя старшего, независимо жив он или ушел из жизни. После разделения общества на сословия и упрочения феодальной власти, независимо от возраста, люди, принадлежавшие к непривилегированной части населе-

ния, обязаны были вставать при появлении князя или упоминании его имени. Такой «порядок», естественно, был введен господами в нарушение традиционного хабзэ. Поэтому знаток адыгского быта, основоположник кабардинской литературы Али Шогенцуков, характеризуя спесивого, лютого князя Махашоко, писал:

Этот злой князь, бия лошадь плеткой,
Думал, что весь мир дрожит от такого удара,
Из-за цокота копыт его лошади находящиеся в доме
«Встанут», – думая, важничал.

(Подстрочный перевод)

Разумеется, такое уважение имело мало общего с тем, когда в честь мудрого старца или в память об умершем вставали адыги. Именно поэтому многие почести, которые оказывались сословно продвинутым классам, не оформились как хабзэ. Хотя, надо сказать, отдельные правила взаимоотношения между социально привилегированными персонами и представителями трудового народа вошли в обычаи и традиции. Появилось даже в противовес адыгэ хабзэ так называемое уэркъ хабзэ (уоркское хабзэ). Типичным для последнего было подчеркнутое желание отгородиться в поведенческой культуре от общенародных принципов, что проявлялось, например, в манере езды верхом, в определении места в кругу танцующих и др. Поэтому в адыгэ хабзэ понятия «вставать» или «встал» выражали не простое физическое, механическое действие. Главнейшим являлось оказание уважения неподдельной чести, проявление доброго отношения, любви к человеку, которого удостаивали этим.

Когда старший садился на лошадь или спешивался с нее, младшие должны были держать лошадь за правую узду и стремянный ремень. Очевидно, что этот обычай продиктован не только созданием удобств для верхового, но и осторожностью в обращении с норовистым конем. Об этом свидетельствует такой факт: если на лошадь садился младший, то лошадь за узду и стремянный ремень обязан был держать старший. Так предписывало хабзэ. Именно этим, видимо, вызвано выражение: «Когда отец и сын оказываются в поле, они становятся друзьями».

Уезжающие надолго молодые люди обязательно прощались со старшим фамилии, посидев с ним некоторое время, желали доброй встречи, здоровья. Вернувшись домой, они опять же навевались к старшему, чтобы справиться о его самочувствии и рассказать о делах и успехах. Признаком хорошо воспитанного человека считались регулярные посещения лежачего больного, а также стариков, которым было трудно передвигаться (*куэшэпкъыщэ* – приблизительно: болез-

ней и недугов сотня). Причем, если больного проведывали до обеда, у него спрашивали о здоровье, о самочувствии, а если в середине дня или ближе к заходу солнца, то неприличным считалось спрашивать у больного о его здоровье. Во втором случае посетители обычно рассказывали новости о событиях, происшедших недавно, о природе, о погоде и т. д.

Адыгскую семью возглавлял старший мужчина. Без учета его мнения не принималось ни одно серьезное решение, касалось ли это хозяйственных, экономических проблем или семейно-бытовых вопросов – женитьбы молодых людей, выдачи замуж девушек и др. Такое положение дало иным исследователям повод считать власть старшего в адыгской семье авторитарной. Но это не совсем верно. При всем авторитете старшего его власть не была деспотичной. Жизнь семьи строилась на согласии взрослых ее членов при общем руководстве старшего. Совет и взаимоуважение были ее основой. Но встречались, наверное, и исключения. «Отара не без хромой овцы», – говорят адыги. Более того, для неблагополучных семей существовал даже специальный термин «унагъуэ зэхэмыбз» (неопределенная семья). Такое чаще происходило, когда скоропостижно умирал глава большой семьи, а между оставшимися женатыми братьями, живущими вместе, возникали разногласия, особенно если старший из братьев оказывался слабовольным, безынициативным, не обладал организаторскими способностями, авторитет же матери был не так высок. Жизнь – это жизнь, в ней случается все. В таких ситуациях братья разделялись, и каждый жил своей семьей, стараясь быть достойным памяти отца.

Об этом свидетельствуют работы многих знатоков традиционного адыгского быта в прошлом. К ним, в частности, относятся труды Хан-Гирея, Ш. Ногмова, Ф. Торнау, И. Бларамберга, Тебу де Мариньи, С. Броневского, Т. Лапинского, Джантока Мет Исуф-паши и многих других. Внутрисемейному и общественному согласию посвящены мудрые изречения знаменитого адыгского философа середины XVIII века Жабаги Казанокко, не потерявшие своей актуальности и в наши дни. Примечательны в этом отношении многочисленные адыгские народные афоризмы, отражающие самые различные аспекты адыгэ хабзэ.

В настоящее время изданы достаточно полные сборники адыгских пословиц и поговорок, в которые следовало бы почаще заглядывать, не думая, что они давно известны всем. Они наводят на удивительные размышления о воззрениях адыгов на природу и общество. Они являются концентрацией адыгских нравственных принципов, мировосприятия окружающей природы и человеческого существа, наглядной иллюстрацией адыгэ хабзэ. Вдумайтесь только в эти пословицы: «Честь народа может возвеличить и один мужчина, достоинство народа может опорочить и один мужчина», «На месте, предназначенном для мужества,

честь мужчины не пропадает». У Жабаги Казаноко был только один-единственный сын. Поэтому люди, сожалея, говорили ему, что надо бы больше, на что мыслитель ответил: «Если из него выйдет мужчина, мне будет этого достаточно, а если не получится мужчина, его одного всему нашему роду хватит». Надо, чтобы эти слова всегда помнили адыги – мужчины и молодые люди.

Ни свадьба, ни другие обрядовые торжества не обходились без старшего, тхамады – знатока обычаев и традиций. Причем эти обряды, ритуалы, моления (тхьэльэЮ) были не только местом, где люди просили Всевышнего даровать благо, развлекались, ели и пили, танцевали, веселились. В них осуществлялась преемственность культуры, старшие наставляли и учили молодых, как жить, что следует делать, чтобы быть достойным адыгэ хабзэ. Заправлял, руководил торжествами мудрый старец, до тонкостей знающий адыгэ хабзэ, с живым, острым умом, одаренный организаторскими способностями, с собственным достоинством, умеющий говорить дельно и по существу, – одним словом, уважаемый в обществе человек с непререкаемым авторитетом. Если празднество, моление было общесельским, то тхамаду выбирали, посоветовавшись, главы семейств. Свадебный стол мог возглавить близкий друг хозяина дома, где происходило торжество, сосед или же дальний родственник. Во всех случаях, естественно, он должен был хорошо знать застольный этикет и уметь вести компанию. По хабзэ, за свадебный стол не садился старший семьи, не говоря уже о том, чтобы он возглавил его.

Как свидетельствуют информаторы, это не допускалось потому, что за торжественным столом тхамада обязан был провозгласить тосты за счастье и процветание дома, где происходила свадьба. Если бы столом руководил старший семьи, то получилось бы, что он произносит тост за свое же собственное процветание, что противоречило адыгэ хабзэ. Неприличным считалось публично говорить, хвалить, выражать свое удовлетворение состоянием родного очага, отмечать успехи домочадцев, братьев, сестер и т. д. В этих вопросах адыги были предельно осторожны.

За свадебным столом его тхамада произносил самолично три традиционных тоста: за преуспевание семьи, в которой происходит свадьба, за благополучие и счастье породнившихся сторон и, наконец, за молодых, за образование новой семьи, за согласие и долголетие супругов и чтобы у них было много детей, особенно мальчиков (обычно *кьуэ бын, щэ бын* – мальчиковая семья и чтобы их, мальчиков, было сто). Конечно, содержание тостов по этим канонам полностью зависело от красноречия тхамады, его умения импровизировать. Были и

такие стандартные тосты, когда-то сочиненные народными певцами (джэгуакIуэ) и ставшие впоследствии достоянием устного творчества. Естественно, как уже отмечалось, подобные торжественные, хвалебные пожелания по отношению к сыну или внуку не могли высказать ни отец, ни дед новобрачного. Более того, в прежние времена, как и женившийся молодой человек, его отец некоторое время скрывался, не показываясь на людях, особенно в присутствии старших по возрасту родственников, соседей и др.

Однако и дед, и отец, и родные молодого человека строго следили за тем, чтобы на свадьбе не возникало ни ссор, ни раздоров, ни конфликтов. С массой людей, с толпой всегда следует быть осторожным. Возможные столкновения легче предупредить заранее. Напомнить об этом лишней раз никогда не помешает.

Такой случай наблюдал англичанин Дж. Белл у западных адыгов в тридцатых годах прошлого века. Согласно хабзэ, его встретили по всем правилам гостеприимства: не оставляли одного, развлекали, щедро угощали. Однажды Дж. Белла пригласили на свадьбу. Любопытный и любознательный во всех отношениях гость с удовольствием поехал туда со своим кунаком – адыгским князем. Только они спешили во дворе, где происходила свадьба, к сопровождавшему Дж. Белла князю подошел человек и сказал, что, как и положено по хабзэ, совсем недавно ко всем собравшимся на это торжество обратился старейший этого рода со словами: «Сегодня у нас радость, дай Бог здоровья всем, кто с нами делит эту радость. Раз свадьба, на ней будут веселиться, танцевать, ну и пить, наверное: что за свадьба, где не пьют! Но не все люди одинаковые. Кто-то может пить, а кто-то не может. В зависимости от этого напитки делают одного веселым, а у другого пробуждают старые обиды. Среди вас, видимо, есть и смелые, мужественные, и горячие, вспыльчивые. Так вот, прошу всех: если кто-то из вас не уверен в себе, если кто-то, выпив немного, начнет ссориться, ругаться, не обижайтесь, таких прошу оставить этот двор. Мне не хочется, чтобы моя радость для кого-то обернулась горем. Не хочу, чтобы, если спросят, где убили или ранили, говорили: «У такого-то на свадьбе». Может, мои слова не все услышали. Так передайте их тем, кто подъедет с опозданием». Такова просьба старейшего. А на эту свадьбу приехал кровный враг князя – кунака Дж. Белла. Спутнику Дж. Белла ничего не оставалось, как попросить извинения у своего гостя и, поручив заботу о нем знакомому, уехать. Таково было хабзэ. Поэтому, случись что-нибудь – вся вина легла бы на не исполнившего его кунака Дж. Белла. Но и на этом дело не кончилось, как свидетельствует автор. Другой кровник, узнав обо всем, тоже оставил торжества, несмотря на то, что по хабзэ он мог этого не делать, так как приехал раньше. Однако он был младше

спутника англичанина и потому, уважая старшинство своего врага, покинул свадьбу. Встретятся же они в другом месте, ни о какой уступке не могло быть и речи.

Нечто подобное наблюдал у тех же западных адыгов соотечественник Дж. Белла журналист Дж. Лонгворт. Он с любопытством следил за поведением кровников. По его словам, отважные, богатырского сложения мужчины избегали места, где они могут встретиться, а если случалось такое, то робко, боязливо отступали или уступали друг другу дорогу, расходясь по обочинам. Все это верно. Но так поступали в случае, если произошло несчастье, а старейшины села еще не собрались и не выяснили, какая сторона виновата, а какая стала жертвой несправедливости. Пока это не станет известно, взрослые мужчины обеих фамилий, между которыми возникла кровь, собирались со своими старшими и договаривались: по этому делу еще нет решения, избегайте встречи с представителями наших кровников, а если случайно столкнулись где-то, уступайте дорогу. По свидетельству Докшуко Кярова из с. Чегем II, между такими кровниками делили даже улицы: пока не выяснится все, вам ходить по этой улице, а им – по другой.

Именно такой случай имел в виду Дж. Лонгворт. Далее он писал, что невозможно не удивляться, когда наблюдаешь подобное: куда делся тот храбрый черкес, который всегда восхищал своим мужеством? Но оказывается все очень просто – старейшины еще не рассмотрели и не вынесли свое решение, во-первых. Во-вторых, виновные в крови должны всем родом возместить ее стоимость. Это обычная обязанность всех кланов. Исходя из этого, родственники виновного должны разделить с ним весь ущерб, нанесенный другой фамилии. Если без заключения старших кто-нибудь со стороны потерпевших убьет кровника, то, как бы он ни был виноват, за него будут мстить уже его родственники. Получается, добавляет Дж. Лонгворт, что только родной клан убийцы может его судить и вынести приговор, как с ним поступить. О том, как одному убийце члены его же фамилии привязали к шее камень и утопили в море, здесь часто рассказывают.

Подобные эмоциональные описания не раз вводили в заблуждение как в прошлом, так и в совсем недавние времена людей: будто бы горцы, в том числе и адыги, всякими правдами и неправдами покрывали убийц, более того, их защищали по принципу «свой своего». Но это не соответствует действительности. Непременным правилом адыгэ хабзэ по воспитанию молодых было, чтобы родители и близкие гораздо строже наказывали провинившегося. Обычно так и происходило: если подросток или юноша с кем-то подрался, как бы он ни был прав, родители ругали и наказывали именно его, а не виновного. Естественно, родные и другой стороны поступали так же, а не иначе. Такой метод воспита-

ния заслуживает внимания, особенно когда наши молодые родители на какое-либо замечание, касающееся их детей, отвечают: «Занимайтесь своими, а это не ваше дело».

Случай же, о котором поведал Дж. Лонгворт, был очень редким. Об этом он сам же свидетельствовал, говоря, что в течение года, пока он находился среди черкесов, подобного дела, со смертельным исходом, он не видел. Получая кинжал с семилетнего возраста, адыгские мальчики очень рано узнавали, что такое кровь, как она дорога и какую ответственность накладывает на человека наличие на его поясе оружия.

В подтверждение правдивости наблюдений Дж. Лонгворта и большой ответственности за право ношения оружия можно привести такой пример. Тот, кто видел адыгский кинжал хотя бы один раз, не мог не обратить внимания на желобки, прорезанные вдоль клинка. Их адыги называли жуд, или джуд. Были кинжалы без жуда, гладкие. Такой кинжал дарили мальчикам, которые находились у аталыков (быфыкъуэ адэ) на воспитании. Они могли получить его, как отмечалось, уже в семилетнем возрасте. Гладкие кинжалы являлись как бы учебными. С их помощью мальчики учились не только правильно владеть этим суровым оружием, но и осторожности в обращении с ним. Тренировки не были направлены исключительно на выработку мастерства. Даже оно не представляло такой важности. Главным было, чтобы подростки и юноши с раннего возраста научились терпению, выдержке, чтобы по любому поводу не хвататься за рукоять кинжала. Адыги говорили: по вспыльчивости не вынимай клинок из ножен, а если вытащил, не вкладывай обратно.

Воспитанные на таком строгом принципе молодые люди и мужчины уже самостоятельно приобретали кинжалы с жудами, настоящие мужские кинжалы. Клинки таких кинжалов были с одним, двумя и даже тремя жудами. Если подростки и юноши, не сдержавшись, вынимали клинок с гладким лезвием, их строго предупреждали, более того, могли на время лишиться этого обязательного атрибута мужского достоинства. Дальше наказание вынувших клинок без серьезной на то причины молодых людей и мужчин зависело от количества жудов на их кинжалах. Тем более если кинжал пустили в ход, ранили кого-то. Адыг приобретал кинжал с тремя жудами только тогда, когда он сам был уверен в том, что он может быть обладателем такого кинжала. Это было не только предметом особой гордости, но большой ответственностью. За такой кинжал мужчина не хватался понапрасну. И если адыг вынимал из ножен клинок с тремя жудами, он его просто так не вкладывал обратно. И, видимо, из-за такой огромной ответственности очень редко встречаются кинжалы с тремя жудами. Относительно владения кинжалом существовало и такое непереносимое хабзэ. Большим позором для адыга считалось пырнуть кинжалом

противника. Если его пускали в ход, то только держа острием вниз, то есть нижняя часть рукоятки кинжала должна была быть обращена к мизинцу, а не наоборот – к большому пальцу.

Дети с малых лет, наблюдая, познавали все это. Таким образом, в повседневной жизни они учились не только уважать и слушаться старших, но и дорожить честью, положением членов своего рода, родителей, везде и всюду стараясь быть достойными их, оправдать их ожидания.

Можно заметить, что роль старших во всех вопросах адыгского быта была огромна, их мудрые советы очень много значили. В то же время в этом не было ни неволи, ни насилия. Это – традиционное, верно поставленное воспитание. Причем авторитет старшего держался не на формальном возрастном превосходстве, а на том, как он знает и следует хабзэ, как может объективно разрешать конфликты, насколько справедлив и мудр в своих решениях. Отличительная черта характера старшего – умение предвидеть, предусмотреть. В их поступках не было предвзятости. Огромный жизненный опыт помогал безошибочно оценивать обстановку и действовать сообразно с нею, а если потребуется – быть строгим и суровым. Вспомним хотя бы слова шапсугского старика, сказанные в самом конце русско-кавказской войны во время встречи с царем. Такие старики были как бы адвокатами адыгэ хабзэ, выразителями воли народа (жылакӀуэ), выступали в роли присяжных, их поручительство снимало с обвиняемого все подозрения.

Многие исследователи всерьез считают, что институт уважения старших имел место у всех народов в прошлом, а потом у одних он сохранился как пережиток, а у других – забылся. Думается, роль старших в жизни не в прошлом, а в будущем. К институту старшинства придут все этнические общности, если они не станут жертвами пьянства, наркомании, токсикомании и т. д. Речь не идет о государствах, речь идет о жизни этнических ячеек, фамилии, семьи, из чего, собственно, и составляются народы, государства. Семья сильна своими традициями, умением старшего организовать ее жизнь. Государство сильно не оружием, не милицией, а счастливыми семьями, во главе которых стоят мудрые старшие.

Адыг мог сам в зависимости от личных качеств, от самооценки выбирать, какой кинжал – с одним, двумя или тремя жудами его больше устраивает. Но чтобы быть настоящим, достойным старшим, влияние которого выходило за пределы семьи, одного желания было явно недостаточно. Станет ли старший выразителем воли народа (жылакӀуэ), членом третейского суда, поручителем (тхьэрыӀуэ щыхьэт) по сложным делам – зависело от доверия, оказываемого ему, от его ума, знания адыгэ хабзэ и т. д. Иначе говоря, авторитет и положение старшего зарабатывали всей жизнью, своим адыгагъэ, порядочностью семьи,

жизнедеятельностью и поведением ее членов. При этом ясно, что большую роль играли традиции и опыт, перенимаемые из поколения в поколение.

На первый взгляд, старшинство определяли чисто формально: кто родился раньше, тот и старший. Но в военном быту старшинство отдавали более храброму, умелому мужчине. А среди братьев, друзей, попутчиков верховенство принадлежало старшему по возрасту. Из близнецов старшим считался тот, кто позже появился на свет. Между сестрой и братом последний являлся старшим, если даже он был фактически младшим на два, а то и три года. Этому правила адыги придерживались и после принятия ислама, хотя по шариату признавалось, что девочки взрослеют раньше, чем мальчики. Однако если решался вопрос о женитьбе или замужестве, ничего зазорного не было, если при старшем неженатом брате замуж выходила младшая сестра. Между братьями же строго соблюдалось, впрочем, как и между сестрами, старшинство.

Все было так рассчитано, что если младшего брата спрашивали про старшего: «Он твой брат», – то младший обязан был поправить: «Нет, я его брат». Точно так же отвечал и старший, только наоборот: «Он мой брат». Эти детали и уточнения вроде бы не имеют принципиального значения, но только не в адыгэ хабзэ. Именно с таких мелочей начиналась необязательность соблюдения обычаев и традиций, нарушение адыгэ хабзэ. Более того, если рассуждать таким образом: «Кому это нужно, подумаешь, какая важность», – то не только адыгэ хабзэ, все в жизни можно свести к одной формуле – сытно поесть и сладко поспать.

Современные японцы числятся в ряду самых преуспевающих народов мира и в технических достижениях, и в социальных отношениях. При этом они свято берегут свои древние обычаи и традиции, особенно все, что касается семьи, взаимоуважения, дисциплины, нравственных принципов, считая их национальным достоянием. Потому что этнос не делает этносом автоматика, компьютеры, электроника, наоборот, успехи людей в немалой степени зависят от организованности, обязательности, умения с уважением относиться ко всему, что создавалось веками. Взять хотя бы такой простейший пример: традиционные японские палочки для еды. Если исходить из того, что основными продуктами питания японцев являются рис и рыба, то, казалось бы, блюда из них легче всего есть не палочками, а теми же ложками, вилками и т. д. Однако японцы «носятся» со своими палочками, упорно передают этот обычай своим детям, не желая потерять его как элемент своей национальной культуры. Помимо всего, эти палочки вырабатывают манеру красиво кушать, относиться к употреблению пищи как к священнодействию. Это не простое удовлетворение биологических потребностей, это священный ритуал, благодарение Всевышнего за еду, за достаток, изобилие, это внутренняя культура, которую берегут и совершенствуют японцы.

Можно позавидовать народам, которые бережно относятся к своим обычаям и традициям, не борясь с ними как с пережитком прошлого, а отбирая и приумножая все ценное. Разумное отношение к хабзэ способствует сохранению индивидуальности и национальной самобытности народа. Хабзэ – это не самоцель, а благо, вклад в мировую культуру. Оно никогда никому не вредило. Наоборот, отказ от традиций и замена их директивно вводимыми новациями разрушали психику людей, развивая в них равнодушие, высокоглядство, вседозволенность. Об этом говорят и пословицы: «Не знающий хабзэ ведет себя безобразно», «Без хабзэ придешь к позору», «Не признающий хабзэ лезет на почетное место» и многие другие.

К сожалению, в наше время появилось немало интеллектуальных нигилистов, которым кажется, что жить без хабзэ и легче, и лучше. Конечно, если у человека только утробные интересы и внешняя мишура, такой проживет, сколько проживет. Но тогда он обворовывает не только общество, но и самого себя. Без уважения к старшим, без любви к родителям, без верных друзей, без родного языка и хабзэ человек превращается в грубое животное. От него можно ожидать всякой подлости. Про таких адыги говорили: «Если негодник наступит тебе на полы черкески, отрежь их и уходи».

Адыгэ хабзэ и адыгагъэ выступали как мощная объединяющая и консолидирующая сила. Надо обратить внимание и на то, что, подобно термину «адыгэ хабзэ», с эпитетом «адыгский» в быту адыгов было множество других выражений: «адыгский намыс», «адыгская совесть» (напэ – букв.: лицо), «адыгское слово»... Таких сочетаний, характеризующих образ мысли адыгов, в языке масса. К слову, «адыгский дом», «адыгский костюм», «адыгское блюдо» и многое другое. Причем выражение «адыгский дом» обозначало не только жилье, помещение, но и удобство, гостеприимство, заботу, внимание, надежность и т. д. «Адыгский костюм» был синонимом красоты, статности, изысканности, вкуса. На них похожи «адыгская (кабардинская) лошадь», «адыгский мужчина». «Адыгский мужчина» – это правдивость, смелость, преданность, верность, а «адыгская лошадь» – выносливость, сила, неприхотливость, мечта для каждого, по словам М. Ю. Лермонтова, уважающего себя «кавказца», то есть офицера, который служил на Кавказе.

Перечень подобных сравнений можно продолжить. Но самыми главными являются искренность, человечность, правдивость, глубина и разносторонность самого адыгэ хабзэ. Именно на таких принципах учили детей, такими их хотели видеть старшие. По правде сказать, в наше время в процессе воспитания появились и проблемы, что имеет свои причины, и немалые.

Во-первых, как и всё в этом мире, изменения претерпевает и адыгэ хабзэ, и сам образ жизни адыгов. Отдельные, бывшие в прошлом хабзэ устаревали и превращались в антихабзэ. Во-вторых, трагические исторические перипетии, через которые прошел народ за несколько веков, оставили глубокий след не только в численности населения, хозяйственном быту и материальной культуре, но и разрушили нравственные, моральные принципы. Безжалостно изуродованы и изувечены многие институты адыгэ хабзэ.

За примерами далеко ходить не надо. Не так давно некоторые наши руководители говорили: «Зачем нам нужны родной язык, наши хлопотные обычаи и обряды, все это – пережитки старого, прошлого, и чем быстрее народ избавится от них, тем лучше: надо строить светлое будущее без этой обременительной возни и фанатичной преданности своим хабзэ». Они находили поддержку и среди рабоче-крестьянского люда, многие из них становились проводниками и первопроходцами новой жизни, сторонниками так называемых безрелигиозных обрядов и т. д. А тем немногим, когда они робко заявляли, что в хабзэ не все так уж и плохо, а язык – не так беден, им, образно говоря, затыкали рты, обвиняя в отсталости, непонимании современной политики, а иные же расплачивались за «инакомыслие» работой, должностью. Такой подход, ясное дело, не способствовал сохранению обычаев и традиций, успешному сбору и изучению материалов по адыгэ хабзэ. Более того, в быт вносились такие «новации», к которым адыги всегда питали неприязнь, относились с презрением. При таком положении, когда фактически запрещалось проведение традиционных обрядов, устроителям свадеб или похорон приходилось изощряться по-всякому, идя на разного рода уловки. Особенно жалким выглядело поведение «номенклатуры» во время похорон близких. Как известно, похоронные обряды проходили по шариату. А это было «противопоказано» атеистам при должностях. Иногда доходило до анекдотического фарисейства: украдкой, через огород, окольными путями пробираться в собственный дом, чтобы попрощаться с отцом или матерью наедине. Войти на виду у всех во двор означало вместе со всеми, воздев руки по-мусульмански, делать дыуэ, просить Аллаха, чтобы он отпустил грехи покойника. А это – пропаганда религии со стороны официального должностного лица, а значит, в лучшем случае, получай выговор, в худшем – прощайся с партийным билетом. Все это способствовало тому, что каждый придумывал то, во что горазд. Тут не до обычаев и традиций, не до хабзэ.

Но, к нашему большому счастью, память мудрых стариков сохранила многие духовные ценности народа – систему адыгагъэ, намыс, нравственные принципы, мировоззренческое кредо. Их воспоминания, архивные и нарративные материалы, а также многочисленные описания путеше-

ственников, ученых, военных, миссионеров прошлых веков, дополняя и уточняя друг друга, дают достаточно подробную картину о жизни и быте адыгов минувших времен. Особого уважения и признательности заслуживают наши адыгские ученые, просветители: Хан-Гирей, Шора Ногмов, Адиль-Гирей Кешев, Талиб Кашежев и др.

В «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмов, например, приводит много фактов, касающихся хабзэ. По его данным, впервые упорядочением обычаев и традиций народа занялся князь князей (пщы я пщыж) середины XVI века Беслан Кайтукин, прозванный за чрезмерную полноту Бесльэн ПцIапцIэ (Беслан-студень). Ш. Ногмов в приложении к своей книге приводит ряд нормативных положений адыгэ хабзэ. Как недавно выяснил этнограф Х. М. Думанов, эти материалы принадлежали Я. Шарданову и были составлены для упорядочения адыгэ хабзэ в 1807 году.

Если сравнить и проанализировать эту работу с адатами, опубликованными в 1882 году Ф. Леонтовичем, то первое, на что обращаешь внимание, это то, что в обоих трудах под видом адыгэ хабзэ (адатов) приводятся главным образом взаимоотношения и взаимоотношения между сословиями в социальной структуре общества. В этом нет ничего неожиданного и неестественного. Все в соответствии с адыгским бытом того времени. Если бы было не так, а иначе, тогда это оказалось бы более интересным и занятным.

Не раз отмечалось, что хабзэ не придумывают, оно является следствием социальных, жизненных изменений, событий, явлений, процессов. А в то время общество состояло из господ, князей и уорков, и их подвластных, взаимоотношения между которыми регулировались хабзэ. Общественный строй адыгских этнических подразделений в тот период имел две формы правления. К одной из них, так называемой «аристократической» общности относились кабардинцы, бесленеевцы, темиргоевцы, бжедуги, егерухаевцы, жанеевцы, адемиевцы, управляемые князьями. К другой – относились «демократические» общности: абадзехи, шапсуги и натухаевцы, не имевшие князей.

Социальная организация первых была более сложной и разнообразной как в регулировании взаимоотношений, так и в значительном расслоении с четкой дифференцированной иерархией. Кроме всемогущих князей, сюда входили первостепенные уорки: тлекотлеши, дыжиниги, а также второстепенные и другие уорки: беслан уорки, уоркшауатлигусы, пшичеуи, бейголы. Ближе к привилегированной части населения стояли, хотя и особняком, культовые религиозные служители, несмотря на то, что по своему происхождению они были выходцами из низших слоев. В зависимом положении находились тхокотлы, азаты, оги, лагунотипы,

унауты и др.¹. Относительно бейголов, причисляемых к господствующим классам, следует сказать, что они также происходили из трудовой массы, но выступали в роли распорядителей и управляющих делами князей и первостепенных урков, контролируя исполнение крестьянами своих обязанностей перед господами. Естественно, в силу занимаемого положения, угодничество и подобострастие бейголов не имели предела. И когда хабзэ выступало как долг, обязанность нижестоящих перед своими хозяевами, они были безжалостны. Кому сколько следует отработать князю, кто какое угощение должен принести в княжеский дом, кто какую часть калыма за дочь должен отдать князю и т. д. решали именно бейголы и обязательно в пользу князя.

Точно так же хабзэ предусматривало, в какой роли и в каких отношениях находились все другие сословия в социальной структуре – тлакотлеши, дыжиниго, беслан уорки и пр. До второй половины XVIII века в Большой Кабарде имелись три княжеских фамилии: Джамбулатовы, Атажукины и Мисостовы. Впоследствии Джамбулатовы разделились на две ветви: Бекмурзины и Кайтукины. В то время в Малой Кабарде было два княжеских рода: Талостановы и Джилахстановы. Бесленеевские Канокоты к середине XIX века также разделились на две княжеские фамилии: Шолоховы и Бекмурзины. Среди махошевцев был известен княжеский род Бахгарсоко. Влиятельной темиргоевской княжеской фамилией была Балатоко. Бжедуги имели три княжеских рода: Черченей, Химишевы и Батоко².

Кроме князей, большой вес и влияние в обществе имели тлакотлеши. Особенно это было заметно среди кабардинцев. Естественно, оно основывалось на каких-то причинах. Одной из них является постоянное соперничество между кабардинскими князьями за верховенство. Междоусобицы, непрерывные стычки, ссоры, раздоры были типичными их спутниками. Мало чем от них отличались княжеские роды и других адыгских общностей, но пальму первенства всегда удерживали кабардинские феодалы. И в этом соперничестве, можно сказать, тлакотлеши выступали как арбитры, регулирующие отношения между враждующими княжескими фамилиями.

Среди кабардинских тлакотлешей наибольшей известностью пользовались Анзоровы, Куденетовы и Тамбиевы. Эти три фамилии имели такой авторитет, что иногда их власть намного превосходила власть

¹ Более подробно см.: *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967; *Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990. С. 131 и др.

² *Хан-Гирей*. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1958.

самых влиятельных князей. Так, только они могли мирно разрешить любые конфликты, включая и кровную месть, даже между князьями. Кровник или князь-изгой под их покровительством был гарантирован, что с ним ничего не произойдет. Примером является случай с Касаем Атажукиным, который сделался гостем даже не своих вассалов Тамбиевых и Куденетовых, а Анзоровых – вассалов Бекмурзиных, врагов Касая Атажукина¹.

Таким образом, покровительство этих тлакотлешей не подвергалось сомнению, оно не оспаривалось. А вот при кровной мести даже княжеское имя не всегда спасало виновника. При этом если к князю обращался кровник, князь должен был ему пообещать безопасность. У тлакотлешей достаточным являлось сделаться их гостем. Князья обязаны были оберегать своих подопечных. Другое дело у Анзоровых, Куденетовых и Тамбиевых. Тут достаточным считалось, что такой-то кровник гостит у них. После чего начинались переговоры о цене крови, о мирном разрешении конфликта.

Кроме того, Тамбиевы выступали арбитрами при земельных спорах. По хабзэ их решение являлось окончательным. Точно так же Анзоровы разрешали проблемы, связанные с кровной мездью, а Куденетовы – различные хозяйственно-бытовые споры.

Наивность этих, когда-то серьезных, порядков в наши дни у многих вызовет улыбку. Но это – факты, которые имели место в жизни народа. И когда люди стремятся вернуться к такой чисто человеческой сути, это не регресс – возвращение к прошлому, а самый настоящий прогресс разума. Человечество не может жить вечно обманом и хитростью, подкрепленными силой оружия. Без согласия и доверия оно обречено на гибель.

Нельзя, конечно, сомневаться и в том, что прекрасные адыгские нравственные институты не нарушались. Однако одно дело, когда нарушения происходят в своей естественной среде, и они преодолеваются с помощью тех же норм, и совсем другое – когда это делается под давлением, которое нарушение превращает в норму. У адыгов это произошло, видимо, с началом планомерной колонизации и введением чуждых народу форм правления. Обычаи и традиции, которые основывались не на силе и власти авторитета, а на уважении, на принципах адыгагъэ, на умении обуздать свои звериные инстинкты, подчиняясь заведенным в народе правилам, чтобы не стать объектом презрения общества, в новых условиях превращались в свою противоположность под натиском внешних сил. И они, обескровленные, уступали место насилию.

¹ *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 192, 193; *Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1993. С. 235.

Как должно быть ясно, для того, чтобы пользоваться таким высоким авторитетом не только среди простого народа, но и князей, тлакотлеши из фамилий Анзоровых, Куденетовых и Тамбиевых обязаны были знать безупречно адыгэ хабзэ и следовать им. Соблюдение хабзэ всегда должно было быть взаимным. Разумеется, встречались, наверное, и такие, кто допускал ошибки и среди этих фамилий. Как говорится, в семье не без урода. Но молва, прочно закрепившаяся в народе за Анзоровыми, и до сих пор бытующая, вызывает сомнение и недоумение. Речь идет о так называемом праве первой ночи, которым вроде бы насильственным образом пользовались члены анзоровской фамилии, когда женились их подданные. Это полностью противоречит тому адыгэ хабзэ, блюстителями которого они выступали. Более того, это претит самому духу адыгов, и, кроме этого единичного случая, нигде и ни у кого подобное не зафиксировано. И, тем не менее, об Анзоровых ходит такая легенда. Она даже удостоилась опубликования. Но легенды сочиняются, их можно выдумать. Особенно тогда, когда есть заинтересованные в этом люди.

Среди тех, кто в прошлом (да и после тоже) посещал и знакомился с обычаями и традициями народа, были, конечно, и такие, которые хотели бы опорочить, извратить адыгэ хабзэ. Мало того, иные только и преследовали эту цель: смотрите, мол, какие дикие обычаи у этого народа, с таким хабзэ они не похожи на разумных существ, в них больше от животных, чем от людей, их надо срочно приобщить к цивилизации, какой бы крови это ни стоило. Если народ сам не понимает, что ему выгодно, что ведет к прогрессу, его надо насильно принудить к этому. Для того, за что отсталый народ может впоследствии благодарить, не грех использовать и оружие, пожертвовать определенным количеством жизней, согнать людей с насиженных мест, на то дает свое благословение и Всевышний. Таким образом, для оправдания подобной политики ее идеологи действительно выискивали и находили давным-давно устаревшие обычаи и традиции, от которых народ уже отказался.

Вот так «изучались» обычаи и традиции очередных жертв, выявлялись не только отрицательные стороны, но и положительные, с которыми приходилось вести борьбу иными способами и методами: подкупом, натравливанием друг на друга, заигрыванием. Все годилось для достижения экспансионистских целей, ничего не стоило присочинить и придумать унижающие человеческое достоинство дикие обряды, и чем их было больше, тем лучше.

К радости недоброжелателей (пусть не у объекта насилия), у некоторых народов или даже у самих себя находили действительно диковинные, а порой и жестокие обычаи: каннибализм, скальпирование, кувада, снохачество и т. д. У одних – несколько братьев брали только одну жену, а у других было заведено многоженство. На самом деле были народы, у которых обычаем являлось право первой ночи. Эти обычаи имели свои

объяснения. Индийский махараджа, например, не хотел «пачкаться» и отдавал девственницу своему конюху, у небольшого тибетского народа из-за малоземелья братья женились на одной девушке, высокий уровень детской смертности стал причиной многоженства у жителей пустынь. Постепенно такие «правила» оформлялись (не у всех) как обычаи, которым следовали общности.

Приезжий, которому были известны факты из жизни других народов, с милой улыбкой, весьма заинтересованно расспрашивал простодушных стариков или старух о подобных хабзэ (именно хабзэ, а не сказках, легендах и т. д.). В таких случаях старики за редким исключением не говорят, что им такое хабзэ не известно. И начинают придумывать. Перебивать их – это значит не получить никакой информации: раз сам знаешь, зачем пришел спрашивать? Вот так, если стариков спросили о том, есть ли у их народа право первой ночи, они, вместо того, чтобы признаться, что не знают, пытаются удивить своими познаниями в хабзэ и с готовностью отвечают: «Как же, а помнишь, про Анзоровых что-то рассказывали?» И больше ничего не надо. Возможно, был какой-то подобный случай. В жизни все бывает. И у Анзоровых, наверное, не все являлись сущими ангелами. Но случай – это не хабзэ, чтобы из него делать далеко идущие выводы, порочащие целый народ, тем более, оценив чистосердечность и гостеприимство своих хозяев.

В связи с этим вспоминается рассказ коллеги. Он был переводчиком исследователя, который работал над очень популярной в свое время темой – межнациональные браки. Гость интересовался отношением одного старика к этой проблеме. Почтенный достойно ответил: «Все нормально, это жизнь». – «Ну а если бы ваш племянник или внук женился, к примеру, на русской?» – «Что же, и на это – воля Всевышнего». И добавил: «Жениться на девушке своей национальности – это значит, образно говоря, посадить ее себе на плечо». Ученый спросил: «А если девушка другой национальности?» – рассчитывая на явное одобрение мудрым стариком межнациональных браков. Старик, немного выждав, ответил: «Тогда ты ее сажаешь себе на шею, а она скрещивает свои ноги замком у тебя на груди». Это шутка, конечно, но подобным способом нельзя исследовать такие серьезнейшие проблемы, как межнациональные браки.

Так вот, возвращаясь к случаю с Анзоровыми, следует добавить: недоброжелателей и злопыхателей имели многие, тем более, если род, фамилия преуспевающие. А в недавнем прошлом принята была такая точка зрения: когда вопрос касался князей и уорков, все они назывались извергами, негодьями, насильниками, живодерами, кровопийцами и т. д. Ныне поется в старинной песне: «Чтобы бесплодными стали князья и уорки» (однако ее-то пели совсем иначе: «Чтобы бесплодными оказались царские жены»). Несомненно, среди адыгских князей встречались и жестокие, и яростные, и кровожадные. От правды никуда не денешь-

ся. Но одно неоспоримо: своей известностью адыгэ хабзэ в древние времена обязано в большей мере именно князьям и уоркам. Они были более мобильными, коммуникабельными, с ними, главным образом, встречались, у них гостили все те, кто в прошлом посещал и наблюдал жизнь и быт адыгов.

Когда князей и уорков не стало, только благодаря трудовому народу удалось сохранить то малое, что осталось в адыгэ хабзэ. Можно в этом не сомневаться, настоящие адыгские мужчины, в том числе князья, уорки, были готовы на все, чтобы хабзэ торжествовало. Иначе и не мыслилось. Будь то адыгэ хабзэ или уэркъ хабзэ – они верховодили, их мнение было священо.

Отметим еще раз: для того, чтобы исполнять и следовать хабзэ, требовалось не только серьезное духовное воспитание, но и достаточная материальная основа. Князя делало князем, конечно, его родословие, происхождение. Но сохранность титула в не меньшей степени зависела от ума, доброты, сдержанности, внимательности, мужества и т. д. Можно было родиться князем, но умереть, лишившись этого звания. В рассказах Жабаги Казаного встречается такой случай, когда пренебрегшего адыгэ хабзэ князя лишают почестей на хасэ (княжеском совете).

Один-единственный пример. Адыги – как уорки, так и тхокотлы – обычно князей не убивали. Эта персона была неприкосновенной для представителей нижестоящих сословий. Хабзэ запрещало. Князья между собой могли враждовать, устраивать поединки, дуэли, убивать друг друга, но только не те, кто по социальной лестнице находился ниже. Даже в адатах, опубликованных Ф. Леонтовичем, не оговаривалась плата за кровь князей. Другим подтверждением неприкосновенности князей является прокламация А. Ермолова 1822 года, где он призывает уорков разных степеней, а также крестьян отказаться от старого глупого обычая княжеской неприкосновенности и агитирует беспощадно расправляться с ними, за что те получают свободу.

Табу не убивать князей не означало, что они не наживали врагов среди уорков и простого населения. Были и униженные, и оскорбленные. Литература об адыгах и архивные материалы изобилуют такими фактами. Имеются они в достатке и в устном народном творчестве. В основном кровные враги князей становились абреками. Но это не было обычным абречеством. Их называли специальным термином «жасар». Перед тем как уходить в абреки, такой человек прилюдно объявлял: «Князь, отныне я твой жасар». Некоторые информаторы их именовали «кулхашхан».

Разумеется, на отчаянный шаг был способен не каждый. Многие терпели обиду, иных отговаривали старшие обычным в таких случаях выражением: «Хорош князь или плох – как Бог даст. Надо терпеть». Но объявить себя жасаром князя при свидетелях означало: «Остерегайся меня, не попадайся один, врасплох, убить я тебя не убью, но заставлю

бояться даже собственную тень, сделаю так, чтобы ты стал из-за своей трусости посмешищем у людей». Таким образом, жасар начинал преследовать своего обидчика. Конечно, если князь никуда не выезжал без свиты (пщыгъусэ) и особенно без личного ординарца (къуэдзэ), застать его неожиданно одного было нелегко. Но когда представлялся такой случай, жасар внезапно нападал на него, сбивал с коня, отбирал шапку, оружие, наносил кулаком синяки и т. д.

Вернуться с похода или наезда без своего коня, оружия, без шапки было позором, что было хуже смерти. Так на это смотрел не только сам князь, но и все, в том числе близкие и родные, включая и жену. Оправдается, предположим, князь один раз, что он потерял шапку, в другой раз – убили коня, а оружие, дескать, отдал (хотя личное оружие адыг никогда никому не дарил) очень уважаемому человеку. Но если это повторялось неоднократно, такому князю переставали верить. Как свидетельствовал столетний Касбот Темиров из Карачаево-Черкесии в 1981 году, таким образом жасар вынуждал своего врага бояться всего: предпринимать какие-либо наезды или просто выезжать в поле или в гости. Он становился «живым трупом», ибо, по словам Яна Потоцкого, если адыгский князь не хотел прослыть трусом, он не мог оставаться дома больше недели. Князь считал себя обязанным большую часть своей жизни проводить на коне, в разъездах, делая визиты своим друзьям или участвуя в войне в числе первых. Для этого он, князь, носил такое высокое звание.

Хабзэ не допускало, чтобы князь нарушал данное слово, был вспыльчивым, легкомысленным; поступки, недостойные его имени, должны были претить ему. Ниже достоинства князя считалось заниматься физическим трудом, сельскохозяйственной работой, уходом за скотиной и т. д. Правда, во время наезда, если добычей становились животные, князь мог за ними присмотреть, постеречь, а то и погонять. Но этим опять-таки занимались в основном спутники, а его роль состояла в том, чтобы дать распоряжения, что и как делать. Единственным физическим занятием, которое не ущемляло престижа князя, являлся уход за личным конем и собственным оружием. На это он мог потратить сколько угодно времени.

Не только князья, но и уорки, и тхокотлы, и любой адыг с самого детства усваивали, что унижает их человеческое достоинство и что поднимает авторитет. Тех, кто забывал или не считался с этим, пренебрегал мнением окружающих, общество наказывало жестоко, не физически, конечно, но морально.

Приведу два характерных примера. Именуемый сельским князем, уорк по происхождению, Бабуг Эльмурза в ярости стал избивать плетью своего холопа. Оказавшиеся тут старики попросили его не опускаться до такой низости, не позориться, не совершать в гневе поступок, о котором потом придется сожалеть. Однако Эльмурза пренебрег их советом и бил

свою жертву пуще прежнего. Тогда старики, не зная, как остановить взбесившегося уорка, объявили, что отныне его дом бойкотируется, никто из сельчан в него не зайдет, никто не будет хоронить умерших из этого дома (Унэ имыхьэ, хьэдэ имых). И начиная с того времени все обходили стороной дом Эльмурзы, даже гости не спешили к нему во дворе. А когда умерла мать, никто не пришел хоронить ее, включая и родственников. И Эльмурза упросил нескольких стариков из соседнего селения предать покойницу земле. Отвергнутого таким образом Эльмурзу впоследствии изгнали из села, он, говорят, сошел с ума. Никто не знал о его дальнейшей судьбе; одни утверждали, что он подался к хаджеретам, другие – к казакам.

О подобном происшествии рассказал упомянутый Касбот Темиров. Седельника Тамбиевых ранил кинжалом Наурузов. Тогда Тамбиевы потребовали, чтобы он организовал для пострадавшего щэпшаклуэ (по-адыгейски: *чати*) – обряд для раненого – у себя в кунацкой, нанял лекаря и, пока не выздоровеет больной, содержал его семью. Требования Наурузов отверг. Тогда по настоянию Тамбиевых дому Наурузова объявили бойкот. И он был отменен только после того, как старейшины Наурузовых приняли все условия Тамбиевых и исполнили их до конца. Таковым являлось хабзэ, через которое трудно было переступить.

Однако в силу самых различных причин все чаще и чаще хабзэ нарушались. Как заметил Ш. Ногмов, «нравы испортились». Иссякли мужество и рыцарство князей, а простой народ от постоянных беспокойств, то с одной, то с другой стороны, изнемогал. Во второй половине XIX века усилилось махаджирство, а среди оставшихся появилось много предателей, шкурников, которые только тем и занимались, что доносили друг на друга: тот обокрал казаков, этот оклеветал царя, а иной подстрекал народ на бунт.

По словам Дохшуко Кярова из с. Чегем II, много безвинных людей пропадало в конце прошлого столетия. Настоящими их заступниками и защитниками в то время выступали Куденетовы. Тогда Дохшуко был дворовым у Куденетовых и часто слышал в их адрес упреки: мы тех-то ссылаем, а вы – вызволяете. На что Куденетовы отвечали: «Особого мужества не требуется, чтобы засадить невинного человека, мужество – высвободить его из неволи».

Эти слова, видимо, не означали, что Куденетовы были неразборчивы и помогали всем. Можно думать, что они следовали традициям своей тлакотлешской фамилии мирить даже князей. Верность родовым хабзэ Куденетовы сохраняли, сколько могли. Благодаря таким людям и жило адыгэ хабзэ.

Павел СИДОРУК,
зам. председателя ТПП КБР,
председатель Кабардино-Балкарского
общественного движения «За единение «Сябры»

РЖЕВСКИЙ МОНУМЕНТ

Приближается 75-я годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Указом Президента Российской Федерации 2020-й год объявлен **Годом памяти и славы**.

Одним из главных событий юбилейного года станет торжественное открытие в Тверской области, под Ржевом, крупнейшего в стране Мемориала советскому солдату. С января 1942 года по 21 марта 1943 года здесь, на Калининском фронте, шли кровопролитные бои. Это сражение не зря называют «ржевской мясорубкой». Разные источники приводят свои цифры о количестве погибших и раненых советских солдат и офицеров – от 500 тысяч до 1 миллиона.

Ржевская битва – одна из тех в Великой Отечественной, про которую старались умалчивать. И это действительно так. Кто из нас, школьников, студентов той поры, об этом особо слышал? А нынешнее поколение?

В лучшем случае мы знали какие-то строчки из большого стихотворения Твардовского «*Я убит подо Ржевом*»:

*...Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.*

*Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наши ли Ржев наконец?*

*Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было всё на кону...*

А ведь здесь, на участке фронта в 200 км, на Ржевско-Вяземском выступе, были скованы отборные дивизии немцев, которые командование вермахта могло перебросить под Сталинград. И шла волна за волной в наступление наша пехота, часто по трупам своих погибших товарищей,

зная, что в живых останутся единицы, чтобы не дать фашистам оттянуть силы на другие участки фронтов. Здесь были удержаны и обескровлены силы гитлеровской группы армий «Центр».

Российское военно-историческое общество установило имена 66 тысяч погибших в Ржевской битве солдат и офицеров. Это в память о них на насыпном 10-метровом кургане появится 25-метровая фигура красноармейца. Столь масштабных монументов в современной России еще не возводили. Это будет масштабный памятник, один из самых крупных в России и Европе.

По итогам конкурса победил проект молодого белгородского скульптора Андрея Коробцова и архитектора Константина Фомина: бронзовый солдат вознесется над землей, уносимый клином журавлей, в который превратились полы его шинели. Скульптура состоит из 600 деталей. В России всего несколько мастерских, которые могли бы выполнить такую масштабную работу. Выполняет её мастерская Александра Рукавишников из подмосковного Солнечногорска.

Ведется и строительство музейного павильона, в котором разместится филиал Музея Победы. Но уже существует восстановленный энтузиастами из Российского военно-исторического общества «Домик Сталина». Крестьянская изба, в которой верховный главнокомандующий остановился летом 1943-го во время единственной своей поездки на фронт, чтобы убедиться: Ржев взят, он наш. Со временем появится музей военной техники тех времен, под открытым небом, а также экспозиция, состоящая из находок поисковиков на местах боев на Калининском фронте. Помимо главной фигуры воина и музейного комплекса на стенах, облицованных плитами из кортеновской стали, будут выгравированы фамилии солдат и офицеров, погибших в Ржевской битве.

Мемориал строится благодаря народным пожертвованиям. Но их недостаточно для столь масштабного проекта. На платформе ДАР. ИСТОРИЯ, РФ (<https://dar.histrf.ru>) уже аккумулировано более 265 миллионов рублей. Из бюджета Союзного государства России и Беларуси (20-летие со дня подписания Союзного договора мы отмечали в декабре 2019 года), перечислено 200 миллионов рублей. Это один из основных проектов Союзного государства и Российского военно-исторического общества (РВИО). Идея его появления принадлежит ветеранам Великой Отечественной войны. Замысел поддержали Министерство культуры и Министерство обороны РФ. Президент России идею одобрил.

Торгово-промышленная палата Российской Федерации обратилась к своим региональным подразделениям с предложением о финансовой поддержке Ржевского мемориала. ТПП КБР уже внесла свой посильный взнос.

Проект может поддержать любая организация и любой гражданин. Никаких ограничений по сумме нет. Пусть это будет хоть сто рублей. Кто сколько может.

Все чаще и чаще жертвователи указывают не только свое имя, но и добавляют, в память о ком эти средства направляются. Дело не только в средствах – важно, чтобы как можно больше неравнодушных людей почувствовали свою сопричастность к большому делу и в момент открытия этого величественного монумента ощутили, что в камне есть частица их души. Это не менее значимо, чем техническая или художественная часть работ. Это единственное, чем мы можем оплатить счёт и сказать «спасибо» тем поколениям, что отстаивали нашу свободу, – увековечить память о них.

Реквизиты в ТПП КБР. Назначение: пожертвование на создание Ржевского Мемориала Советскому солдату (*Реквизиты счета Мемориала в ОД «Сябры»*)





Залимгери МИРЗОЕВ

Залимгери Мирзоев – инструктор Нальчикского горкома ВЛКСМ, инструктор, зав. сектором учёта и статистики, зав. отделом пропаганды и культмассовой работы Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ в 1968–1978 гг. Работал в отделе пропаганды обкома КПСС – зав. сектором культуры (1982–1983) и начальником политотдела – в ранге заместителя министра МВД РФ по КБР (1983–2003). Член президиума Совета ветеранов органов внутренних дел КБР, полковник милиции в отставке, с июня 2017 г. – заместитель председателя Совета ветеранов комсомола КБР. Член Союза писателей России.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОЖИТОЕ

К 100-летию комсомола Кабардино-Балкарии

Я, можно сказать, потомственный комсомолец. Моя мама, Афаунова Мария Туловна, работала секретарём Кубинского райкома ВЛКСМ задолго до моего рождения. Пришла война, и она со своей младшей сестрой Тамарой добровольно ушла на фронт медсестрой – спасать и лечить раненых солдат.

Я вступил в ряды комсомола в 1958 году. И этот день в апреле, в канун дня рождения В. И. Ленина, как яркий маяк, осветил дорогу всей моей дальнейшей жизни. Я и по прошествии 60-ти с лишним лет хорошо помню, как это происходило.

В то время я учился в Северокавказском Краснознамённом суворовском военном училище в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Тогда в нашем училище принимали в комсомол два раза в год: весной, в канун дня рождения В. И. Ленина, и осенью, в день рождения комсомола. 20 марта мне исполнилось 14 лет, и я, не мешкая, на второй день подошёл к комсorghу нашего взвода и заявил, что созрел для вступления в комсомол.

Долговязый парень с шеей жирафа и ногами цапли с опаской посмотрел на меня сверху вниз и со словами: «Не выйдет!» – быстро отступил на шаг. Это было весьма предусмотрительно с его стороны, так как на уроках физкультуры по боксу я нередко поколачивал его на радость низкорослым болельщикам. «Это почему же?» – спросил я снизу вверх. Он отступил ещё на шаг и выпалил: «Во-первых, ты опоздал и не по-

пал в список, во-вторых, ко дню рождения Владимира Ильича Ленина, принимают только отличников!»! Он так и сказал: «Владимира», потому что был родом из Вологодской области и безбожно окал. Я сделал два решительных шага вперёд и оказался прямо у него под носом, отчего он сник и, похоже, прилип ногами к паркету.

«Во-первых, – сказал я, подчёркнуто вежливо окая, – я не опоздал, так как до приёма в комсомол ещё целый месяц, во-вторых, я выучил устав ВЛКСМ наизусть и нигде не встречал положения о том, чтобы в комсомол принимались только отличники учёбы. В-третьих, – добавил я, – знаешь ли ты, что у самого Владимира Ильича в аттестате была одна тройка!»

Ужас, отразившийся в глазах комсорга, был сродни глубокому нокауту.

«Ты что говоришь? – выдохнул он, запинаясь. – Этого не может быть. По какому предмету?»

Я трижды перекрестил его сверху вниз и слева направо и ответил елевым голосом: «По закону божьему, сын мой! А у меня – всего три четвёрки и ни одной тройки. Ну как? Примешь заявление?»

«Нет, – отрезал он, – не могу. Это надо согласовать с комитетом комсомола».

Я радостно хлопнул комсорга по плечу и сказал: «Молодец, очень хорошо! Вот она, дверь комитета. Пошли, Гена!»

Секретарь комитета комсомола оказался, к счастью, на месте. Это был молодой офицер, старший лейтенант, работавший на освобождённой должности. Он с кем-то говорил по телефону, но привстал и жестом пригласил нас присесть. Закончив разговор, за руку поздоровался с нами и спросил: «Чем могу помочь, товарищи бойцы?». Выслушал он нас спокойно, но в конце не сдержал лёгкой улыбки.

«Знаешь, Геннадий, – сказал он, – а у Владимира Ильича действительно имелась тройка по закону божьему, но это не помешало ему стать гением общечеловеческого масштаба. И тебе, комсоргу, надо бы лучше знать и биографию Ильича, и, конечно же, устав ВЛКСМ».

Тут он повернулся ко мне: «А с вами, молодой человек, давайте знакомиться. Меня зовут Сергей Муромцев».

Я вскочил, как положено по суворовскому уставу, и доложил: «Суворовец Мирзоев Залим! Первый взвод, восьмая рота».

«Вы из роты подполковника Акопяна? Толковый ротный. И суворовцы у него под стать. Что ж, Залим Мирзоев, пиши заявление в первичную организацию. Я верю, что ты станешь хорошим комсомольцем».

Он пожал мне руку. Крепко. По-мужски. И я по сегодняшней день чувствую силу и тепло этого рукопожатия.

А через месяц состоялось комсомольское собрание, на которое пришел и секретарь комитета Сергей Муромцев. Он рассказал всю нашу с

комсоргом историю и лично порекомендовал принять меня в комсомол. Все от души посмеялись и проголосовали единогласно.

Как я стал комсомольским работником? Когда мне задают этот вопрос, я, как правило, отвечаю: «Весело»! И это чистая правда. Дело в том, что поводом для приглашения меня на работу в горком ВЛКСМ послужил КВН, да-да, именно «Клуб весёлых и находчивых». А было так...

В середине ноября 1967 года я вернулся домой после демобилизации из Советской Армии, прослужив три полных года в заполярном городе Мончегорске Мурманской области. Через неделю восстановился на отделении иностранных языков историко-филологического факультета КБГУ.

Общественная, культурно-спортивная жизнь в университете была ключом. И я, конечно, старался не отставать. Участвовал в художественной самодеятельности, играл в студенческом театре эстрадных миниатюр. Со своим близким другом Амурбеком Гобашиевым, ставшим впоследствии режиссером киностудии имени Горького, создавал молодёжную театральную студию при шефской помощи областного Совета профсоюзов республики, где он в то время работал. Кстати, именно в связи с этим мне выпал удачный случай познакомиться с председателем облсовпрофа, очень уважаемой в республике Розой Каншумасовой Сабанчиевой.

Кроме того во Дворце культуры «Долинск» я сотрудничал в качестве конферансье и сопостановщика концертных программ с прекрасным музыкальным ансамблем «Долитон» под руководством светлой памяти замечательного музыканта Владимира Косовского. А ещё подрабатывал внештатным корреспондентом на телевидении, радио и в местных газетах, стал членом Союза журналистов СССР.

В сентябре 1968 года меня пригласили в нальчикский горком ВЛКСМ. Позволю себе напомнить тем, кто забыл или не мог знать по возрасту, что словосочетание «горком ВЛКСМ» у молодёжи того времени вызвало некое уважительно-трепетное чувство, ибо это действительно был главный штаб руководства молодёжным движением на подведомственной территории. Явившись по вызову, я увидел в приёмной девушку-секретаря за столиком с пишущей машинкой и кучей каких-то документов. Не успел я сесть на стул и скрестить ноги, как девушка-секретарь, юркая, как птичка колибри, вынырнула в приёмную и прошептала: «Проходите, пожалуйста, Юрий Шурдумов ждёт вас». «Без отчества, по-комсомольски!» – отметил я для себя.

За двойной дверью оказалась просторная комната под высоким лепным потолком и стенами, выкрашенными в бело-голубые пастельные тона. За большим столом сидел не юноша, но вполне ещё молодой, с плотной фигурой, круглым и приятно удивившим меня добрым, улыбающимся лицом человек. Он легко встал из-за стола и со словами: «Так, очень хорошо, что вы пришли, проходите, проходите!» – пошёл навстречу.

Поздоровался, пожал руку. И тут же обратился ко мне по имени, да так, как будто всю жизнь мы были знакомы. Мы разместились за длинным столом для заседаний.

«Ну что ж, давайте перейдём к делу, – сразу начал он. – Нам предстоит принять участие в зональном фестивале молодёжи столичных городов республик и автономных областей Северного Кавказа, который состоится в Грозном. Программа фестиваля обширная. По многим программам мы можем оказать достойную конкуренцию. Но есть у нас и ахиллесова пята. В обязательную программу включены команды КВН, а у нас, к сожалению, нет такой конкурентоспособной команды. Если не выставим своей команды КВН, можем потерять много очков. Значит, нам предстоит её создать. Мне рекомендовали вас. Возьмётесь?»

Я счёл возможным задуматься и скромно помолчать. Юрий Хапагович как интеллигентный человек не стал сверлить меня глазами и торопить с ответом. Я, со своей стороны, видя, что пауза затягивается, ответил вопросом на вопрос: «Это очень интересная, сложная, но, в принципе, выполнимая задача. Вопрос в том – сколько у нас на это времени, какими людскими и материальными ресурсами мы сможем располагать?»

«Времени очень мало, на подготовку максимум десять дней, затем генеральный прогон программы и через три дня должны быть в Грозном, – с некоторым сожалением в голосе прояснил ситуацию Юрий Хапагович. – Что касается людских ресурсов, – продолжил он, – привлекайте всех, кого сочтёте нужным, освободить их от текущих обязанностей мы вам поможем, так же как и материально, разумеется, в пределах разумного. Составьте примерную смету».

Заметив в моих расширившихся глазах лёгкое недоумение, он с шутливым пафосом добавил: «А когда перед комсомолом ставили легкие задачи?»

Сразу по возвращении в общежитие я созвал своих друзей, участников университетской художественной самодеятельности и студенческого театра эстрадных миниатюр. Ещё до армии мне довелось пожить два года в Грозном, поработать электриком на Центральном механическом заводе и окончить первый курс факультета английского языка пединститута. А потому я хорошо знал город, местные традиции и то, чем там гордились и над чем можно было пошутить. Мне удалось за сутки написать вполне актуальный сценарий, подобрали хороших девчат и ребят, репетировали денно и нощно. Хочу особо отметить Ирину Бедину, которая в то время работала в Музыкальном театре, вела молодёжную театральную студию.

Нам удалось в установленный срок выехать в Грозный. Так получилось, что, несмотря на цейтнот, в котором велась подготовка команды, выступили мы вполне успешно и заняли второе место среди

восьми команд, уступив, как водится, хозяевам, а я победил в конкурсе капитанов.

Через неделю меня снова пригласили к Юрию Шурдумову. По дороге, сидя в маршрутном автобусе, я гадал, что ещё так срочно понадобилось горкому комсомола? «Может быть, мне предложат организовать конкурс красоты?» – неловко пошутил я над собой, так как прекрасно знал, что нашей идеологии были чужды тлетворные буржуазные мероприятия. А жаль! У нас было море красивых до головокружения девушек-комсомолок.

И вот сижу перед первым секретарём горкома ВЛКСМ. Он даёт высокую оценку нашей работе на фестивале, задаёт общепринятые вопросы о делах, здоровье, планах на жизнь, всё такое прочее. И вдруг спрашивает: «А как ты смотришь на то, чтобы прийти на работу к нам, в горком комсомола?» Мне даже показалось, что я ослышался. Заметив моё смятение, он, улыбаясь, сказал: «Ты всё правильно понял. Ну как?» «Да... не знаю, справлюсь ли?» – промямлил я. «Решайся, я уверен – справишься! Или тебе не нравится моё предложение? – хитро добавил он. – У нас как раз вакантна должность инструктора отдела пропаганды и культмассовой работы».

Я попросил несколько дней, чтобы обдумать предложение, посоветоваться с родителями. Но уже по дороге домой не сомневался в том, что решение принял.

9 сентября 1968 года я приступил к работе в нальчикском ГК ВЛКСМ. И следующие 10 лет стали одним из самых интересных периодов моей жизни. Я не стану перечислять, сколько больших и малых дел мы совершили в комсомоле. Это тема отдельного разговора и, возможно, целой книги.

Комсомолу я обязан тем, что обрел большое число друзей. Среди них – старшие, у которых я учился: Борис Мустафаевич Зумакулов, Александр Азаматович Жигатов, Юрий Хапагович Шурдумов, светлой памяти Александр Иванович Петренко и Хабас Талустанович Келеметов. И сверстники, с которыми обменивался опытом: Фатима Кауфова, Лукьян Елеев, Мухамед Хутов, Анатолий Жигунов, Агнесса Хамбазарова, Хабиль Карданов, Михаил Герандоков. И младшие, которые трудились с нами на равных: Хасан Чеченов, Тахир Кульбаев, Феликс Эфендиев, Мухамед Карданов, Роза Отарова, Нина Карачаева, Жираслан Вологиров, Игорь Ищенко, Арсен Каров, Борис Кочесоков, Александр Хашхожев, Мурат Ксанаев, Валерий Нартоков, Анатолий Шарданов, Александр Капитанов, Слава Тарчоков, Раиса Ашхотова, Михаил Дзахмышев, Жанна Баразбиева, Галя Трегулова, Шарабутдин Борчаев, Мурат Табухов.

С большим уважением вспоминаю наших замечательных комсомольских тружеников в городах и районах республики. Такие вожаки комсомольских горкомов и райкомов, как Юрий Шурдумов, Юрий Ха-



Аппарат обкома ВЛКСМ

гов, Хасанби Емкужев, Соня Жабоева, Хамид Зеушев, Адиб Кашежев, Махти Гулиев, Далхат Байдаев, Галина Новосельцева, Заудин Гоплачев, Зоя Оракова и другие, опираясь на удачно подобранных ими секретарей и активистов первичных организаций, таких как Хадис Пхешхов, Ахмат Зумакулов, Анатолий Губжоков, Сулейман Алиев, Нина Байчекуева, Валентина Барсагова и ещё многие, которых помню и кем горжусь, на практике осуществляли задачи, стоявшие перед комсомолом Кабардино-Балкарии.

В этом контексте не могу не назвать светлой памяти имена друзей, не доживших до наших дней: Аси Дышековой, Хабаса Келеметова, Александра Махотлова, Бориса Настуева, Бориса Панина, Валерия Хутуева, Володи Бекалдиева, Магомеда Магомедханова, Алексея Кушхаунова, Бориса Берова, Махти Кучукова, Александра Жарникова, Хизира Тюбеева, Валентина Бликанова, Олега Жарикова, Валентины Дарагань, Людмилы Соховой, Кази Алтуева, Хасанби Емкужева, Хадиса Пхешхова, Лукьяна Елеева, Агнессы Хамбазаровой, Раисы Ашхотовой, Мухамеда Карданова.

Увы, этот список неполный, завершить его и поставить точку невозможно...

После работы в комсомоле мне предложили должность первого заместителя председателя правления Кабардино-Балкарского отделения Всесоюзного общества «Знание». По действовавшему положению председателем правления избирался кто-либо из видных ученых, который работал на общественных началах. Мне посчастливилось четыре года поработать под началом проректора КБГУ, доктора филологических наук, профессора Бориса Хазешевица Балкарова, у которого многому научился. Я бережно храню память об этом замечательном, добром и мудром человеке, безвременно ушедшем из жизни.

Затем я был приглашён на работу в областной комитет КПСС, заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации, по совместительству – заведующим сектором культуры отдела.

И тут я снова попал в свою комсомольскую среду. Секретарём обкома партии по идеологии работал один из наиболее ярких комсомольских работников – Борис Мустафаевич Зумакулов, бывший первый секретарь обкома ВЛКСМ. Не перестаю восхищаться его высоким профессионализмом и интеллигентностью во всём, что он делает, изяществом стиля работы и дипломатичностью обращения с людьми.

Моим непосредственным шефом снова стал Юрий Хапагович Шурдумов, профессионал и неутомимый труженик, честный и верный человек во всём: в работе, дружбе и в семье.

Не могу не помянуть добрым словом и своего коллегу по отделу пропаганды, в прошлом активного комсомольского работника Юрия Ивановича Бабина. Он был энергичный, с широкой душой и добрым юмором человек, который успел сделать много полезного в своей до боли короткой, но яркой жизни.

В обкоме КПСС довелось поработать недолго, всего год с небольшим. Но эта работа позволила мне значительно расширить диапазон своих взглядов на жизнь и происходящие в ней процессы, научиться масштабно, по государственному мыслить, видеть, слышать и понимать людей.

За это время мне повезло познакомиться, а в ряде случаев сотрудничать со многими замечательными людьми, деятелями культуры, литературы и искусства. Дорогого стоит для меня знакомство с такими культовыми людьми, как легендарный министр культуры республики Килостан Касимович Эфендиев, министр здравоохранения Мухадин Лякович Беров, министр просвещения Роза Османовна Батчаева, ректор КБГУ Владимир Калиметович Тлостанов, наши большие поэты и писатели Алим Кешоков, Кайсын Кулиев, Адам Шогенцуков, Максим Геттуев, Валентин Кузьмин, лауреаты премии Ленинского комсомола Зубер Тхагазитов и Ахмат Созаев. А как интересно было общаться с председателем правления Союза композиторов КБР Хажбекиром Хабаловичем Хавпачевым, замечательными композиторами Зарамуком Кардангушевым, Хасаном Кардановым, Владимиром Моловым, Мустафиром Жеттеевым, всенародно любимыми певцами Ахмедом Пачевым, Омаром Отаровым, лауреатом премии Ленинского комсомола Сергеем Бепшаевым, Зауром Тутовым, талантливейшими театральными актёрами Александром Яраловым, Али Тухужевым, Куной Жекамуховой, Магомедом Кучуковым, Борисом Кулиевым, великими мастерами национального танца Соней Шериевой, Каншао Соттаевым, замечательными скульпторами Хамзатом Крымшамхаловым и Михаилом Тхакумашевым, художниками Анатолием Сундуковым, Владимиром

Глуховцевым, Виктором Абаевым, Германом Паштовым, Заурбеком Бгажноковым и многими другими.

К сожалению, даже для простого перечисления всех прекрасных имён творческой интеллигенции, с которыми мне выпала удача знакомства и дружбы, не хватит и целой книги.

В 1983 году в моей биографии произошёл новый поворот. По решению ЦК КПСС в органах внутренних дел стали восстанавливать политотделы в целях улучшения воспитательной работы, укрепления дисциплины и законности в деятельности сотрудников милиции. В связи с этим я по направлению обкома КПСС был назначен министерством внутренних дел СССР на должность начальника политотдела – заместителя министра МВД по КБР. Я понимаю, что в выборе моей кандидатуры, конечно же, сыграла свою роль и моя комсомольская биография.

Горжусь тем, что своё напутствие на эту работу мне в личной беседе дал мудрейший из руководителей республики Тимбора Кубатиевич Мальбахов. Стоит ли говорить, что я старался изо всех сил не подвести его. И здесь мне в полной мере пригодился опыт партийной и комсомольской работы. Я благодарен судьбе за то, что мне довелось принять деятельное участие в руководстве многотысячным коллективом, долгие годы служить плечом к плечу с людьми, в подавляющем своём большинстве мужественными и честными. Они постоянно доказывали, нередко ценой собственных жизней, свою готовность защитить законные интересы, безопасность граждан и государства.

Хочу особо отметить, что с переходом в органы внутренних дел мои связи с комсомолом не прервались. Политотдел под моим руководством активно сотрудничал с обкомом ВЛКСМ по вопросам патриотического, идейно-нравственного и правового воспитания как молодых сотрудников внутренних дел, так и комсомольцев и молодёжи республики.

После выхода на пенсию МВД по выслуге лет довелось поработать в администрации Нальчика: сначала в должности начальника управления технической инвентаризации и приватизации недвижимого имущества граждан и юридических лиц, а затем – основателем и директором Федерального унитарного предприятия «Ростехинвентаризация» по КБР.

Выйдя на пенсию, я расстался со своими взглядами и пристрастиями. Я и сегодня продолжаю свой путь по вектору, определенному моей комсомольской юностью.

На общественных началах тружусь «многостаночником»: являюсь членом президиума Совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск МВД по КБР, руководителем объединением поэтов в погонах при МВД КБР, какое-то время членом надзорной комиссии при общественной палате РФ по КБР.

Конечно же, с огромным удовлетворением принимаю участие в создании и становлении Совета ветеранов комсомола Кабардино-Балкарии.

Что ж, подведу некоторый итог сказанному. Главное я вижу в том, что комсомол, как камертон, задал ритм и чистую, без фальши, ноту моему мировоззрению и жизненному пути. На этом пути я обрёл способность определять верные цели и опыт их достижения, а также обрел много интересных, талантливых и верных друзей. Это и есть большой и надёжный жизненный капитал, который никогда не девальвируется и не утрачивается.

НЕ ЗАБЫВАЙ МЕНЯ, ОТЧИЗНА!

Не забывай меня, Отчизна!
Я сын твой верный – Комсомол.
В беде и в радости по жизни
Всегда с тобой я в ногу шёл.

И в боевые лихолетья
Я за тебя стоял стеной,
И смерти хладные объятья,
Презрев, вступал в священный бой.

И даже если отступали,
В свой час мы побеждали всех!
В любви к отчизне мы черпали
Единство, волю и успех.

Мы столько жизней положили,
Стонала матушка Земля!
Но возрождались мы и жили,
Чтобы страна была жива.

И после всех победных войн,
Не ведая часов и даты,
На фронт огромный, трудовой
Мы шли, как верные солдаты.

Надев рабочие перчатки,
Вся многоликая страна
От гор Кавказа до Камчатки
В великих стройках ожила!

Мы день и ночь лечили раны
Войной истерзанной страны.
Нам утро наступало рано,
И ночь нам торопила сны.

И задышали вновь заводы,
Заколосилась целина,
По рекам плыли пароходы,
И в космос вырвалась страна!

А во дворах резвились дети,
И шла учиться молодёжь,
И интернет раскинул сети,
Чего там только ни найдешь!

Нам зазнаваться не пристало,
Но были мы окрылены:
На комсомольском стяге алом –
Шесть высших орденов страны!

Мы жили мирно, плодотворно
Десятки лет после войны.
Но вдруг хлестнул по сердцу больно,
Позорный акт – развал страны!

Союз советский наш распался,
И распустили комсомол!
Но комсомольский дух остался
И будет жить, пока живём!

Мы свято верим в наш народ
И в племя, что идёт за нами!
Мы вам, родные, отдаём
Наш гордый дух и наше знамя!



Джамбулат КОШУБАЕВ,
поэт

В этом году исполняется 110 лет со дня рождения Адильгерия Хаджимуссаевича Соттаева (1910–1979).

Адильгерий Соттаев – ученый, педагог, спортсмен, воин, героически сражавшийся на фронтах Великой Отечественной войны. Он бесстрашно боролся за честь и свободу балкарского народа, подвергшегося депортации в марте 1944 года. Но даже сталинские лагеря не смогли сломить его.

Данная статья посвящается его «Письмам»¹ – записям, которые он вел в лагере. Это потрясающий по силе духа документ, доносящий до нас голос человека-легенды Адильгерия Соттаева.

АДИЛЬГЕРИЙ СОТТАЕВ. «ПИСЬМА»

«Ценные сокровища любви»

Уникальный документ человеческого мужества и стойкости – самодельная тетрадка из оберточной бумаги. Записи в ней принадлежат Адильгерию Соттаеву – человеку-легенде, и сделаны они в верхоянском лагере, судя по единственной дате, в 1953 году.

На первой странице обложки имя автора: «А. Кавказский». Выбор псевдонима не случаен, за ним – Балкария, ее незыблемая стойкость, устремленность к небу, свободе.

Далее – эпиграф: «Письмо – это сама душа, эхо того, кто говорит, настолько точное, что люди тонкой души относят письма к самым ценным сокровищам любви».

И название: «Письма».

Это потрясает! В немыслимых условиях А. Соттаев пишет о... любви. Трудно сказать, насколько реальны адресаты его писем. Скорее всего, они такой же плод его фантазии, как те девушки, которых он «приглашал» на танец в карцере: он провел сутки в ледяном гробу, и танцевал, пока хватало сил, представляя себе, как приглашает на танец самых красивых девушек. И охранники были поражены, когда обнаружили его без сознания, но живым! Он оказался первым и единственным, кто выжил – сутки в зимнем карцере означали смертный приговор.

Невольно думаешь о том, какие чувства должен был испытать Адильгери Соттаев, когда у него появилась такая возможность – сшить

¹ См.: Адильгерий Соттаев. Жизнь и творчество / Сост., предисл. А. Т. Додуевой. Нальчик: Эльбрус, 2019. С. 337–351.

тетрадку, найти чернила, перо, отыскать место и время, чтобы можно было записать несколько строк.

Его внутренняя свобода, а свободен он был всегда, обрела материальное выражение.

«Я хочу найти и ищу правду...»

За что же был осужден А. Соттаев? Его судили за любовь и верность своему народу, своей малой родине.

Д. В. Шабаетов в книге «Правда о выселении балкарцев» пишет, что при аресте в 1949 году у Адильгерия Соттаева были изъяты рукописи его произведений, написанные в 1945–1949 гг. Среди них очерки, рассказы, стихи, произведение «Прощай, родная Балкария!». Заключение для судебной коллегии дал некто Георгий Самарин, кандидат филологических наук: «В своей рукописи Соттаев идеализирует прошлое балкарского народа, восхваляет его мужество, отвагу, любовь к свободе, восторгается красотой Балкарии, ее природой и народом. И одновременно с этим Соттаев высказывает мысль о том, что весь народ Балкарии постигло большое горе – переселение из родных мест в район Средней Азии, где балкарцы распланы и перестали существовать как самостоятельная нация.

Далее Соттаев пишет о желании посвятить свою жизнь счастью народа, помочь балкарскому народу вновь обрести утраченные права в связи с переселением.

Так, на стр. 27 рукописи он пишет: «Нашлись отдельные выродки, которые подвели нас и вас. Не хочется, чтобы вы окончательно заблудились и погибли. Я хочу найти и ищу правду...»

«Эксперт» Г. Самарин заключает, что рукописи А. Соттаева носят антисоветский характер.

Также А. Соттаеву инкриминировалось, на показаниях «свидетеля Холаева», что он в 1935 году в Педагогическом институте в Пятигорске рассказал антисоветский анекдот о хлебных карточках.

Фрунзенский областной суд Киргизской ССР приговорил Соттаева Адильгерия Хаджимуссаевича по ст. 58 – 10 ч. 2 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на двадцать пять лет, с поражением в избирательных правах после отбывания меры наказания сроком на 5 лет, с конфискацией всего имущества.

Адильгерий Соттаев был сослан в Верхоянский район Якутской области, в самый северный лагерь ГУЛАГа.

«За моими плечами стынет солнце в сияньи штыка...»

Когда А. Соттаев в первом письме из самодельной тетрадки пишет: «привалившись к ледяной стене крайнего севера и полюса вечной мерзлоты», – это не метафора.

Надо представить, хотя бы приблизительно, что такое расположенный в Якутии Верхоянск, самый маленький населенный пункт России, имеющий статус города.

Именно здесь, недалеко от Верхоянска, находится Полюс холода Северного полушария, максимально низкая температура была зарегистрирована в феврале 1892 года – 67,8°C.

Народный писатель Республики Саха (Якутия) В. С. Яковлев, который тоже был репрессирован, в своем романе «Судьба моя» пишет: «В Верхоянске же первые лагеря появились в 1940 году. Самым известным был Эге-Хайский. Зеков сюда привозили из портов Находка и Нагаево по северному морскому пути и выгружали в Батагае. Так что в центре Якутии о них никто не знал. Да и сегодня не все знают, что Батагай, Депутатский, Зырянка были построены зеками».

В 1973 году в Париже вышел роман А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Рой Медведев в книге «Солженицын и Сахаров» приводит запись очередного заседания политбюро, на котором «премьер Алексей Н. Косыгин предложил сослать Солженицына в Верхоянск – в самый холодный район страны, куда ни один западный корреспондент не сможет и не захочет поехать».

Но такая печальная слава этого места на карте – заслуга не только советской власти, она лишь воспользовалась дореволюционным опытом, значительно его усовершенствовал и расширил.

В Верхоянске и поблизости отбывали ссылку генерал-майор, действительный статский советник, самый старший из декабристов, живших в Якутии, С. Г. Краснокутский (1826–1827), декабрист М. М. Муравьев-Апостол (1828), П. Ф. Дунцов-Выгодский (1857–1871) – последний умерший в Сибири декабрист, участник польского восстания 1863 г., поэт В. Пужицкий, писатель и философ Н. Г. Чернышевский (1871–1883), один из первых рабочих-революционеров П. А. Алексеев (1884–1891), писатель В. Г. Короленко (1881–1885), поэт, переводчик П. А. Грабовский (1894–1895).

И в ряду этих имен – имя Адильгерия Хаджимуссаевича Согтаева (годы заключения 1950–1956), ученого-филолога, писателя и поэта, гвардии капитана, спортсмена.

На судебном процессе рабочий-революционер Пётр Алексеев произнес речь, которая разлетелась по всей России: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и ярмо деспотизма, огражденное штыками, разлетится в прах». Действительно, рука миллионов поднялась, но спустя семьдесят лет Адильгерий Согтаев напишет: «за моими плечами стынет солнце в сиянии штыка...»

Если представить себе ГУЛАГ в виде кругов дантовского ада, то Верхоянск – это последний круг, вечная мерзлота озера Коцит:

*Мы шли вперед равниною покатой
Туда, где лежа навзничь, грешный род
Терзается, жестоким льдом зажатый.*

*Там самый плач им плакать не дает,
И боль, прорвать не в силах покрывала,
К сугубой муке снова внутрь идет;*

*Затем, что слезы с самого начала,
В подбровной накаплиаясь глубине,
Твердеют, как хрустальные забрала.*

Эти строки, созданные поэтическим гением Данте, будут фактически и поэтически подтверждены Варламом Шаламовым, который отбывал свой срок в тех же местах, что и Адильгерий Соттаев, и писал свои стихи и рассказы в таких же самодельных тетрадках из оберточной бумаги:

*И бронхи рвет мои мороз
И сводит рот.
И, точно камни, капли слез
И мерзлый пот.
«Я беден, одинок и наг...»*

«Но и здесь моя родина»

Но какой суд, какие «экспертизы» и лагеря могли сломить волю этого железного человека? Никто и ничто.

«Я люблю аул, в котором родился и рос, товарищей, с которыми играл и учился в школе, и я знаю – нигде на свете нет таких сел и городов, таких преданных и сердечных друзей, как в моей стране».

«Я чувствую, что в моей жизни произошло огромное несчастье. Я необычайно остро, по-новому почувствовал, что такое Родина. Я понимаю, что родина моя не только высоко к небу поднятая, блестящая, розовая с голубыми складками шапка Эльбруса, где над ней быстро плывут легкие, пестрые облака, сквозь узорчатую сетку террасы, аул, раскинувшийся с разноцветными крышами и высокими стройными сосновыми деревьями, но и здесь моя родина».

«Я даже, умирая невинно в заполярье, и не представляю себе жизни без любви к этой родине и народу».

«Р о д и н а! (разрядка А. Соттаева. – Дж. К.) Если тебе нужен я, если тебе нужна моя жизнь – возьми ее. Я все отдам, лишь бы тебе было хорошо».

Это цитаты из второго письма Адильгерия Соттаева. Ясность и поэтичность слога, краткость и мощь выраженных чувств и мыслей – буквально обескураживают. Представим на мгновение: автор этих тек-

стов – представитель репрессированного народа, да еще несправедливо осужденный на двадцать пять лет лагерей – пишет не просто о любви к Родине, он говорит: «если тебе нужна моя жизнь – возьми ее. Я все отдам, лишь бы тебе было хорошо». Если бы эти слова были адресованы исключительно Балкарии – понятно, но они-то обращены к СССР, и более того, о месте своего заключения А. Соттаев пишет: «но и здесь моя родина». Он абсолютно не утратил способности ясно мыслить и анализировать происходящее. Личное «огромное несчастье» не ослепило его – он не ищет виновных, не сломило – он не жалуется, не озлобило – он не призывает к мести.

Его понимание реальности и любовь к большой и малой Родине – не могут не восхищать своей глубиной, искренностью и чистотой. Адильгерий Соттаев не мыслит счастья одного человека за счет несчастья другого, равно как и свободы одного народа за счет несвободы и унижения другого.

«Я бы сказал неправду, если бы стал доказывать, что мне безразлично – жить или умереть. Мне, как и каждому страстно хочется жить. Да и как не хотеть? Ведь я познал радость большого захватывающего творческого труда. Я познал самое лучшее и благородное чувство – любовь к родине, которой нельзя изменить, потому что она моя на всю жизнь. Я узнал счастье битвы и радость победы. И разве после этого я хочу нелепо умереть!

Но и страха смерти у меня нет, потому что смерть за счастье народа, за истину означает б е с с м е р т и е (разрядка А. Соттаева. – *Дж. К.*)».

Гвардии капитан в отставке Адильгерий Соттаев, участник битвы за Сталинград, сражения на Курской дуге, кавалер трех медалей «За отвагу», знал цену жизни и смерти. Он начал воевать в составе 115-й кавдивизии – командиром эскадрона 316-го кавполка. В одном из донесений по результатам боев с 26 июля по 22 августа 1942 года говорилось: «Из всех командиров, их заместителей и политруков строевых подразделений осталось лишь 6 человек, остальные убиты или ранены».

Страха смерти у него не было. Но и бездумная, нелепая смерть – не для него. Лишь смерть за счастье народа, за истину имеет высокий, бессмертный смысл.

В целом второе письмо из тетради А. Соттаева – это яркий пример патриотизма и любви к Родине, пример убежденности в торжестве правды. А в самом авторе удивляет и восхищает органичное сочетание истинного патриота балкарского народа и интернационалиста, для которого все люди – братья: «Судьбу мою решили великий Ленин и его партия. И если можно сказать, что учеба, книга, воспитание изменяют человека, переворачивают его душу, то именно это случилось со мной».

Ликвидация безграмотности и всеобщее бесплатное образование – одно из выдающихся достижений большевиков. Именно это позволило стране сделать колоссальный индустриальный и культурный рывок,

и – что особенно важно – победить фашизм. И говоря о Ленине и партии, А. Солтаев акцентируется именно на этой стороне: учеба, книга, воспитание. Он был не только свидетелем, но и участником этих колоссальных сдвигов в жизни народа и страны, освобождения огромной энергии масс, направленной на построение первого в мире государства рабочих и крестьян.

Следует все-таки заметить, что не каждая душа откликнется, изменится и перевернется. Необходима особая восприимчивость и отзывчивость, а они у А. Солтаева были, более того, читая его письма, понимаешь, насколько тонко чувствующим он был человеком.

«Воспитывать в людях стойкость, упорство, веру!..»

Здесь, в Верхоянске, где тоже родина, сколько было рядом с Адильгерием Солтаевым невинно осужденных, таких же, как и он сам?

А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет, что рано или поздно, но все задавались мучительным вопросом: за что?

«Да, ты посажен в тюрьму зряшно, перед государством и его законами тебе раскаиваться не в чем.

Но – перед совестью своей? Но – перед отдельными другими людьми?..»

И далее А. Солженицын приходит к следующему заключению: «Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, – она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами. Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наилучшем сердце – неискорененный уголок зла.

(...) Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить».

А. Солтаев тоже задался этим вопросом: за что?

Во втором письме он пишет: «Вот бывает так. Споткнулся честный человек. И если его хоть немного подтолкнуть – и покатится он в пропасть. А вот стоит такого человека вовремя поддержать – он крепко встанет на ноги и уверенно пойдет вперед. Меня удивляет то, что в такую роковую минуту никто не поддержал и решили подтолкнуть в пропасть. Почему над моим дальнейшим воспитанием поставили точку? Мне кажется, что нужно каждый день, каждый час, каждую минуту, особенно в трудную, воспитывать в людях стойкость, упорство, веру!.. Почему большие люди перестали заниматься моим духовным ростом, моим политическим воспитанием, моей квалификацией? Может быть, я впал в чванство, начинал о себе много мнить, прекратил работу над собой, перестал дерзать... в результате отстал от своих товарищей? Нет».

Он не признает своей вины – он осужден, как и его народ, *безвинно*.

Адилгерий Соттаев был носителем не только идеальной советской идеологии – это во вторую очередь, а в первую – он был носителем балкарского этического кодекса Тау адет. И на утверждение А. Солженицына, что в каждом сердце есть островок зла, он с полной уверенностью и правом возразил бы – нет! Есть абсолютно добрые, честные и чистые сердца! А на второе утверждение автора «Архипелага», что в самом злом сердце есть островок добра, ответил бы своим стихотворением «Желание» Варлам Шаламов, который знал о существовании абсолютного зла:

*Я хотел бы так немного!
Я хотел бы быть обрубком,
Человеческим обрубком...*

*Отмороженные руки,
Отмороженные ноги...
Жить бы стало очень смело
Укороченное тело.*

*Я б собрал слюну во рту,
Я бы плюнул в красоту,
В омерзительную рожу.*

*На ее подобье Божье
Не молился б человек,
Помнящий лицо калек...*

Думается, что на это стихотворение А. Соттаев ответил бы В. Шаламову просто: «Со злом надо сражаться».

«С древа жизни – ветвь живая»

В первом письме, письмах «Галочка», «Милая Аринка!», «Асият» Адилгерий Соттаев создает шедевры эпистолярной лирики.

«После каждого дня, удлинявшего разлуку, после каждой новой грёзы, твой образ становится все окрылённее, все нежнее и воздушнее, даже и сейчас, привалившись к ледяной стене крайнего севера и полюса вечной мерзлоты, я, умирающий, осыпаю тебя словами любви» (Письмо № 1).

«Тогда (...) я бы (...) на все Заполярье крикнул, – да так крикнул, чтобы наши сопки и горы раскололись, чтобы не только люди, но весь лес тайги, вся природа почувствовали мою радость» («Галочка»).

«Я обнимаю вас в своих песнях, обвиваю ваш нежный стан сладкой тоской звенящего своего голоса. Кто может выжечь мою любовь к вам? Скорей темные леса моей необъятной Родины опрокинутся корневища-

ми в небо, а вершинами вращут в землю, чем выжгут из моего сердца вечную, неискоренимую любовь к вам...» (Там же).

Невозможно не повториться – это потрясает: **такие** тексты пишет человек, находящийся на грани жизни и смерти.

Для А. Соттаева образ женской красоты, любовь к женщине – жизнеутверждающая константа бытия, равная Истине.

В письме «Милая Аринка!» он высказывает очень глубокую и многое объясняющую в его характере мысль:

«Я всегда чувствовал, что созерцание красоты природы сделалось необходимостью в моей жизни. Надо видеть и понять, что такое правда и красота».

Для его мировосприятия, для его философии – Правда и Красота нераздельны.

Вторая часть письма «Милая Аринка!» стихотворная – проза плавно переходит в стихи. Они не разбиты на строчки, что вполне объяснимо – из экономии бумаги и чернил. Представляется правильным сделать разбивку и привести стихотворную часть полностью:

*«Ты мне грудь облей водою.
Труп же видя пред собою,
Плачь, стеная надо мною,
Ибо ты – любовь! Родная!
Мысль моя! Виденье рая!
С древа жизни – ветвь живая.
О свет высокий, пронизавший синеву!
Луноликое свеченье,
лишь вас хочу в гореньи.*

*Стих пожар. Я снова с вами.
Я до сего не верил, что живу.
Мысль о вас, меня волнуя
нежно жжет меня. Не сплю я.
Ночь в любви светлее дня.
Милая, мятежен мрак души.*

*Чтоб я не был безнадежен,
часто вести посылай
и не делай перерыва.
Сердце будет тем счастливо,
лишь водой живится ива.
Влагу жизни не скрывай.*

*Мне дали твое посланье.
Там луны сиянье.*

*Ко мне ты не безучастна,
милая, все в тебе прекрасно.
Дай мне твое украшеньё
и ощутишь ты наслажденье.
Нам обоим будет счастье.
Чуя нежное участие,
в ночь не будешь ты томим
и я буду вечно твоим.*

*Луч твой, в сердце упавая,
Поразил меня, и тая
мой смелый дух попался в плен.
Я безумен, я тоскую.
Решена моя дорога.
Но горю я весь в огне.
Без тебя мне где отрада?
Ничего душе не надо.
На чужбине иль в отчизне,
но без друга нет мне жизни.
Только ты есть радость взгляда.*

*Я с тобой в разлуке, –
ты люби меня без муки –
кто в любви, с ним зоключенье,
в жизни знает огорченье.
У любви свои законы:
в смерть ведет и будит стоны».*

А в письме «Асият» два фрагмента восточной поэзии Адильгерия Соттаева:

*«Что мне кипарис и роза, если я не вижу той,
Кто стройнее кипариса, роз прекраснейших милей!»*

*«Твои сияющие глаза – свет моего сердца.
Твое радостное лицо – гордость моей души.
Мед твоих уст – для меня источник жизни.
Ты для меня – радуга небес, нежный цветок полей,
украшение моей книги жизни. Я твой...»*

А. Соттаев не просто видит красоту, он извлекает, высекает красоту из своего мужественного, израненного сердца.

Сложно комментировать такие тексты. У автора не было возможности обдумывать каждое слово, искать рифмы, да и цели такой не могло быть. Слово изливается естественно, свободно, и то, как проза переходит в поэзию, говорит о незаурядном таланте, а сами тексты потрясают силой и искренностью чувств.

Во втором письме А. Соттаев пишет: «Я горжусь, что моим вторым родным языком стал язык – тот, на котором говорили Ленин и Пушкин».

Смело можно утверждать, что Пушкин для А. Соттаева важнее. Он овладел русским в совершенстве, что позволяло ему выражать самые тонкие психологические нюансы. Пятое письмо и письмо «Мать» подтверждают это в полной мере.

В письме «Мать» Адильгерий Соттаев создает образ мальчика, потерявшего мать и ищущего близости с душой отца. Страдания обоих тяжелы и мучительны. Переживания отца даны через наблюдения сына:

«Порой, спрятавшись, я наблюдал за ним, я видел, как он шагал по аллеям, все ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце загоралось жалостью и сочувствием.

Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись неопределенному побуждению, толкнувшему меня к этому человеку.

Но он, пробудясь от мрачного и безнадежного созерцания, сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

– Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтоб отец не прочел его в моем смущенном лице. Убежав в чащу молодого сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С этого времени я испытываю ужас о д и н о ч е с т в а (разрядка А. Соттаева. – Дж. К.)».

Это удивительный по емкости и содержанию психологический этюд о взаимоотношениях трёх самых близких людей, о допустимой мере любви. Автор говорит от имени сына об отце: «Он слишком любил ее, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжелое горе».

Пятое письмо без всяких натяжек – шедевр, стихотворение в прозе:

«Случалось ли вам тихим зимним вечером, сидя у домашнего очага, предаваться сладостным воспоминаниям о любви и о юности, и смотреть, как огонь исчерчивает дубовое полено?»

Сколько заключено истинной поэзии в этом одном предложении! И какая драматичная и неожиданная концовка у этого письма!

Художественный стиль Адильгерия Соттаева близок прозе К. Чехидзе и Г. Газданова своей легкостью и прозрачностью, романтизмом и

мужественностью. Невольно приходит мысль, что им вполне мог бы быть написан роман, равный по силе «Оводу» Л. Войнич, или «Как закалялась сталь» Н. Островского.

«Единственное, чего я жажду – это свобода»

Адильгерий Соттаев всякий раз, в той или иной форме, в своих письмах возвращается к теме Родины, и, даже говоря о любовных пе-реживаниях, он говорит о Балкарии. В письме «Асият» он пишет: «...Ибо твердо знаю, что постоянство и совершенная красота существуют только в свете солнца, в волнах морей, в величественных твердых гор, в трепете листьев».

Эти «величественные твердыни» – Кавказ, омываемый двумя морями, залитый щедрым солнцем, утопающий в изумрудной зелени.

В своей книге «Правда о выселении балкарцев» Д. В. Шабаетов приводит цитату из письма А. Соттаева, адресованного его самым близким друзьям Ж. Залиханову, У. Алиеву, С. Шахмурзаеву, К. Кулиеву и К. Отарову: «Единственное, чего я жажду – это свободы. С помощью мужества, терпения и упорства я, в конце концов, добьюсь ее. Когда возвращусь, я не знаю. На грани между жизнью и смертью я всегда сохраняю ясность рассудка и твердую уверенность в то, что все кончится благополучно».

«Письма» Адильгерия Соттаева вернулись к нам с Полюса холода Северного полушария, из лагерей ГУЛАГа. Вернулись не все. Последняя страница самодельной тетради обрывается на полуслове. Значит, были еще записи, ведь впереди, за этой тетрадкой, простирались бесконечные три года лагеря.

Во втором письме он писал: «Когда человек обречен ждать и когда вопрос идет о жизни и смерти, и он не знает, чем кончится ожидание, и сколько оно продлится, месяцы или годы, – он начинает изобретать самые странные способы не замечать времени. Он будет считать дни и часы, тут же забывая о них. Он попытается остановить время и возведет плотину, и будет вновь и вновь затыкать скважины, хотя время давно уже хлынуло поверх нее».

Адильгерий Соттаев вышел победителем из неравной схватки со сталинским режимом, и он победил время, которое, хлынув поверх плотины, смыло лагерь и спецпоселения, и донесло до нас его голос. Живой голос, чувства и мысли человека-легенды Адильгерия Соттаева.

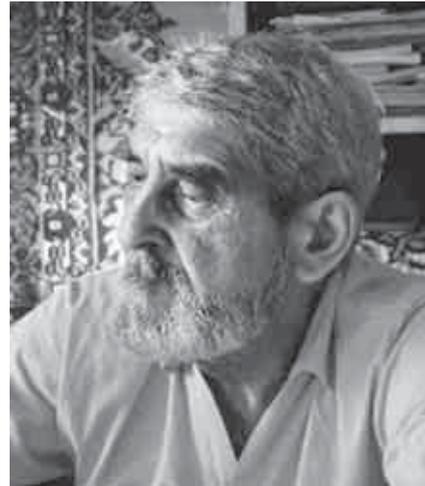


*Мадина ХАКУАШЕВА,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
сектора кабардинской литературы
ИГИ КБНЦ РАН*

КОСТЕР НА АСФАЛЬТЕ

О творчестве Ю. Х. Шидова

Шидов Юрий Халидович (1949–2019) – черкесский поэт, прозаик, драматург. Родился в ауле Кызыл-Кала Усть-Джегутинского района Карачаево-Черкесской Республики. Дед писателя по отцу черкес Шидов Атажуко был родом из аула, который ныне называется Алибердуковский. Дед по матери – ногаец Кумуков Ислам.



Семье приходилось часто переезжать из-за отсутствия жилья, поэтому школьное обучение будущего писателя проходило в разных местах и школах.

После завершения общего среднего образования поступил в Серноводский сельхозтехникум Чечено-Ингушской Республики, по окончании получил специальность «Техник-механик по тракторам и автомобилям». Работал трактористом в колхозе, позже поступил на вечернее отделение в Черкесский филиал Краснодарского политехнического института (нынешний КЧГТУ), затем работал слесарем на заводе РТИ.

Первые рассказы были опубликованы в областной газете «Ленинское Знамя»; публикация рассказа «Ахмат солдат» появилась в литературном альманахе «Дон».

Прервав учебу в политехническом институте, Ю. Шидов, будучи семейным человеком, поступил на заочное отделение Литературного института и окончил его с дипломом литературного работника. Продолжая творческую деятельность, почти тридцать лет проработал в сфере культуры заведующим отделом культуры Черкесского горисполкома, директором киноvideообъединения.

В 1986 году вышла первая книга «Дорога в мой аул», в которую вошли рассказы и повесть, отражающие ранние детские впечатления писателя. Центральными темами Ю. Шидова становятся кризис села, традиционного образа жизни адыгов, послевоенная жизнь; в центре внимания автора – старые фронтовики, прошедшие Великую Отечественную войну.

«Литературная кинематографичность» – синтетическое начало художественного дискурса – характерно для зрелого творческого периода Ю. Шидова. Киноповесть «Давай улетим на облаке» – своеобразный художественный манифест «эпохи безвременья», переходного периода 90-х годов. Автор останавливает свой выбор на стариках и детях; в их образах, как в зеркале, отражаются все пороки и издержки новой системы.

Ю. Шидов – автор драматургических произведений, которые вошли в книгу «Остров надежды» (2006). Часть пьес автора была успешно театрализована.

За свою трудовую деятельность Ю. Шидов отмечен знаком Министерства культуры России «За достижения в культуре», удостоен звания «Заслуженный деятель искусств Карачаево-Черкесии».

Адыгская литература постсоветского периода отмечена не только совмещением нескольких видов литературных жанров, но разных сфер искусств. В частности, получает развитие сочетание литературы и игрового кино как весьма близких друг другу способов художественного выражения, – в первом случае имманентным средством является слово-образ; в кинематографии – визуальный образ. Так получают развитие синтетические формы искусства и литературы. В этом смысле театральное искусство и кинематограф являются показательными, представляя собой синтез музыки, живописи, литературы. Появившийся термин «литературная кинематографичность» применяется для отражения «зримости» художественного произведения или вербального обозначения литературных приемов.

Подобное синтетическое начало художественного дискурса характерно для творчества кабардинских русскоязычных авторов, таких как А. Макоев («Натюрморт с чайкой», «Потешный круг»), А. Балкаров («Реквием по нарисованной жизни») и др.

Творчество черкесского русскоязычного писателя Юрия Шидова оказывается в русле обозначенной тенденции. Его произведения вошли в сборники прозы писателей Кавказа «Война длиною в жизнь» (2007), «Цепи снеговых гор» (2009), выпущенные в Москве Всероссийским Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (ФСЭИП).

Киноповесть «Давай улетим на облаке» стал своеобразным художественным манифестом «эпохи безвременья» – именно такова для автора новейшая отечественная история после дезинтеграции Советской империи. Автор останавливает свой выбор на представителях самых уязвимых социальных групп переломной эпохи российского анархического капитализма: стариках и детях, на которых, как в зеркале, отражаются все пороки и издержки новой системы.

Главные герои повести: дед Хамид, обитатель «Дома престарелых провинциального кавказского городка», и Владик, мальчик из детдома. У Хамида – амнезия неясной этиологии: он помнит лишь свое имя. Фами-

лия, происхождение, национальность, профессия, семейное положение, детали своей жизни для него потеряны. На все вопросы встретившегося незнакомого мальчика он отвечает рефреном «ничего не знаю». Владик сбежал из детдома, скрываясь от преследователей (истинных или мнимых); узнав об этом, дед Хамид отправляется с ним в путешествие. Основной целью обоих героев становится поиск собственной семьи, о которой каждому из них ничего не известно.

Заведомая, на первый взгляд, бесцельность, бесперспективность их поиска, отсутствие рационального мотива снимаются, когда по мере развития сюжета в силу входят иные иррациональные побуждения, лежащие в основе метафизического квеста, который постепенно обнаруживает себя: «Ай, сынок, – говорит Владиду дед Хамид, – человеку нельзя ничего не делать. Он должен куда-то идти, что-то искать. А найдет – ему надо снова идти...» [8:681]. Так совместному путешествию старика и ребенка задается некая метафизическая цель. Когда мальчик признается, что его часто обижали и он ни за что не вернется назад, старик успокаивает его и предлагает идти дальше со словами: «Если так, внучек, то поднимайся, и пойдём *искать себя* (курсив мой. – М. Х.)» [8:696]. Таким образом, путешествие героев сразу приобретает экзистенциальный оттенок, превращаясь в поиски «самих себя».

Развитие композиции построено собственно на путешествии, на архетипическом мотиве странствия, который воплощается через преодоление препятствий, во время которых герои проходят через ряд испытаний. Метафизическая цель предполагает активное вовлечение в повествование концепта пути, дороги. Дорога – метафора жизненного пути человека, это постижение самого себя через познание мира. Из повести видно, как в разных ситуациях раскрываются герои, как проявляется сила их нравственно-душевного состояния [5].

Хамид делает намаз: выясняется, что кроме своего имени он помнит еще молитвы, которые регулярно произносит. Мальчик и старик вскоре осознают, что необходимы друг другу, эта встреча определяет новый смысл их жизни. «За долгие годы скитаний в одиночестве он (Владик. – М. Х.) почувствовал себя защищенным рядом с этим взрослым, добрым человеком» [8:686]. Хамид со своей стороны убежден, что Владик – ангел-спаситель, посланный ему Аллахом за терпение: «А я молился и просил Аллаха дать мне терпения. И он послал ко мне тебя как ангела-спасителя» [8:695].

Важно, что общая цель и ее мотив обретаются после встречи старика и мальчика. «Значимым является концепт встречи, чрезвычайно важный для понимания архетипичности всей киноповести. В нем заключен... внутренний смысл содержательно-концептуальной информации. М. М. Бахтин, исследуя мотив встречи как важнейший сюжетобразующий композиционный прием, определяет, что он выполняет необхо-

димую функцию соединения пространства и времени. В различных произведениях, по М. М. Бахтину, мотив встречи получает конкретные оттенки, в том числе – эмоционально-ценностные. Он может получать «полуметафорическое или чисто метафорическое значение, может, наконец, стать символом» [2:134].

Одним из важных выразительных художественных средств становятся сны старика и мальчика. Сон Хамида в экспозиции повести – о вороне, чье перо сжигает молодой солдат. Птица требует свое перо обратно, без него она не может лететь к своим птенцам.

Сон деда Хамида в начале повествования является предвестником реальных событий и использован автором как иносказание. Он приобретает характер короткой вставной новеллы-притчи, отражающей современную ситуацию межэтнических конфликтов, терроризма, гражданских войн на Северном Кавказе. Нетерпимость, ксенофобия, перерастающие в радикальные формы экстремизма, получают отражение в прозрачном аллегорическом подтексте, который в основе своей несет сон-притча как художественная квинтэссенция повести.

Сон Владика в конце повести отражает сверхидею, на которую «работает» семиотика подтекста, «именно сон мальчика настраивает читателя на оптимистическое предвидение: создается ощущение, что путники добьются своей цели» [3:73-74].

В киноповести сон выполняет смысловую и композиционную функцию, воплощает в себе семантическое ядро главной нарративной идеи. Примерно такую же функциональную нагрузку он несет в творчестве А. Макоева, А. Балкарова и других современных русскоязычных авторов.

Характерно, что во вставной новелле автор использует известный мотив, широко распространенный в русском фольклоре: Иван-Царевич сжигает перо жар-птицы, и та остается прекрасной девушкой, похищенной драконом. Другим вариантом может быть шкура лягушки (жабы), которая тоже служит защитой заколдованной принцессы – наутро ей следует обернуться в животное, чтобы не быть похищенной; данный инвариант широко распространен в фольклоре народов мира, в основе его лежит ритуал инициации. «В... киноповести явственно обнаруживаются фольклорные традиции на разных уровнях», – отмечает Л. Мурнаева [3:71]. В основе сюжета лежит оппозиция «свое-чужое», которая становится одной из самых острых насущных идеологических и внутрисполитических проблем новейшей российской истории.

Тема межнационального кризиса получает продолжение по мере развития художественного повествования, в частности, в сцене встречи с возмущенными жителями села, возле которого оказались путники. В присутствии агрессивной толпы сельчан Хамид совершает намаз, его принимают за террориста, похитившего ребенка. Старика угрожают

вилами, жестоко избивают, и если бы в конфликт не вмешался Владик, Хамид мог поплатиться жизнью: «Не бейте его! Он не крал меня! Это мой дедушка!». У недоверчивых сельчан находятся веские контраргументы: ведь Хамид – «черномазый», а Владик – «белобрысый». «Я тоже черномазый», – настаивает мальчик.

Стиль автора – ясный, яркий, афористичный, максимально приближенный к разговорно-простонародному. В подтверждение заявленному жанру киноповести художественное повествование преимущественно выстраивается на диалогах. Уже в экспозиции оно приобретает притчевые интонации. Так, рефреном повторяется образ человека-дерева, лишённого корней:

– Мне кажется, Владик, что мы с тобой два каких-то дерева.

– Одно большое, а другое маленькое, да? ...

– И стояли мы когда-то в одном большом саду, пока не налетел ураган и не вырвал нас с корнями и зашвырнул в это поле [8:691].

– Без памяти я не человек, а просто бродячее по миру дерево без корней...

– Я тоже дерево, – тихо прошептал Владька, – но только маленькое [8:699].

Большой сад, в котором все деревья росли вместе – еще одна метафора, когда под «садом» авторская интенция обнаруживает устойчивое общее место коллективного бессознательного – универсальную утопию всеобщего благоденствия минувшего золотого века.

Пространственными ориентирами двух бездомных обездоленных людей становится вода как очищающая, примиряющая, направляющая спасительная стихия. Старик и Владик доходят до реки Кубань, останавливаются на берегу, а наутро обнаруживают, что старые деревянные ворота, на которых они заночевали, подхватило приливной волной и понесло по течению.

«Можно полагать, что потеря памяти Хамидом, а затем постепенное её возвращение – прием инициации, которая нередко совершается при помощи воды или огня. В конце повести Владик научил Хамида плавать. Концепт воды, выступающий как полисемантический образ, одновременно является важным структурообразующим и мыслеформирующим компонентом. Вода – это жизнь, это движение, это очищение. Вода очищает, смывает все ненужное, нейтрализует мир несовершенного бытия. Концепт река появляется к концу повести, выполняя важную композиционную роль Рубикона, Стикса – старой метафоры границы между мирами: миром живых и мертвых, восходящей и к античным, и к адыгским мифам. Неслучайно в конце повести подчеркивается значение данного концепта, обозначающего финал, рубеж, переход героев в иное качество. Река – своего рода способ переправы в желаемый мир. Так через воду старик и мальчик очищаются, обретая новый опыт и

силы для дальнейшего пути. Герои, таким образом, проходят водную инициацию и становятся открытыми новым духовным горизонтам бытия» [3:70].

Постепенно к деду Хамиду возвращаются неясные обрывки воспоминаний. Так, он вспоминает верблюдов, ласковый голос матери, который успокаивает его: «Не плачь, мой мальчик... Это все когда-нибудь кончится, и мы вернемся в наши горы, на наш благословенный Кавказ» [8:699]. Таким образом, читатель получает возможность активно воссоздать возможный сценарий жизни героя, репрессированного во времена сталинского террора, когда его семья была выслана в Среднюю Азию.

Воспаленное воображение деда Хамида рисует его самого участником трагических событий в Беслане, во время которых он потерял сына, затем вспомнил «тот черный день, когда взорвали наш дом, где прятались от «зачистки» мои сестры, брат, дети, их мать и моя старенькая мама. Тогда я был бессилён и не сумел их защитить». Возможно, он воображает себя и свою погибшую семью жертвами чеченской войны.

Так амнезия Хамида выполняет амбивалентную функцию, являясь, с одной стороны, сюжетным структурным элементом, с другой – художественным приемом, с помощью которого автор сообщает герою функцию «всемирной отзывчивости», когда старик представляет себя соучастником всех трагедий, произошедших на Северном Кавказе: Северной Осетии, Чечне, Дагестане... Хамид, старый, больной, потерявший память, тем не менее, готов нести всю тяжесть ответственности не только за Карачаево-Черкессию, свою предполагаемую родину, но за каждый акт насилия, за каждый трагический случай, в какой бы точке мира он ни случился. Так формируется весьма важный идейный концепт, характерный для всего творчества Ю. Шидова – ответственности каждого перед всеми и всех перед каждым, – идея, подходящая к понятию соборности.

Одним из главных источников зла в новом мире становится взаимная нетерпимость, в большей степени этническая. Однако индивидуальные и межэтнические различия главным героем снимаются как иллюзорные. Так, Хамид говорит дезертиру Марату:

– Запомни, Марат, у каждой птицы своя ветка на дереве.

– На каком дереве, деда? – спросил Владька.

– На огромном дереве, где они живут, – неспешно заговорил тот. –

И у каждой птицы – свои песни и своя нация [8:719].

Птицы, каждая из которых имеет свою ветку, – аллегория народов мира, каждый из которых занимает свою уникальную нишу в мировой культуре. В повести эта тема получает свое дальнейшее сюжетное развитие: «Главное, дети, – обращается дед Хамид к Марату и Владьке, – это не ветка, на которой сидит птица, а то, чтобы она летать умела» [8:721].

Дешифруя символическое высказывание главного героя, можно понять, что автором национальная (этническая) принадлежность воспринимается как некая важная отправная точка, от которой следует оттолкнуться, чтобы перевоплотиться в «летающее» существо, то есть в духовную субстанцию. Этническое сознание, по мысли автора, – стадия, которую необходимо усвоить, а затем в известном смысле преодолеть как необходимый этап эволюции в достижении свободы через обретение универсальных духовных качеств, которые помогут в освоении общечеловеческих ценностей.

Так, через аллегорические образы, диалоги и символы нарратор артикулирует наиболее важные проблемы современности. В повествование вводятся персонажи, с помощью которых автор воспроизводит конкретную социально-историческую ситуацию постсоветского периода России.

После встречи с сельчанами Хамид и Владик сталкиваются с косарем, который накормил, напоил уставших, голодных путников, отдал им продукты, флягу с водой. Так автор утверждает существование подлинных гуманистических основ в самые мрачные времена очевидной дегуманизации. Другой путник – Марат-дезертир – представляет большой социальный слой беспринципных уклонистов, единственной целью которых становится простое физическое выживание.

Герои встречают не только неприкаянных обездоленных людей, но и животных – заблудшего теленка, ягненка. Страх, одиночество, растерянность, нищета становятся, по мысли автора, не только уделом человечества, но и всего живого. При этом появление Хамида с ягненком на руках визуализируется художественным текстом с кинематографической ясностью; читательское воображение рождает библейские ассоциации Спасителя с жертвенным агнцем, который символизирует его самого. На онтологическом уровне эта короткая сценка формирует основной лейтмотив киноповести: дед Хамид, похожий на библейского пророка, становится олицетворением мудрости и доброты, невинным страдальцем, не помнящим зла (метафора амнезии). Только такие, как он, спасут погибающий мир, полный злобы и ненависти.

Киноповесть может быть отнесена к жанру повести-путешествия, которая структурирована по принципу литературной целостности, состоящей из разных семантических уровней, включающих соответственно: путешествие в целях найти семью, как спасение от опасности; поиски самих себя, высшей цели жизни.

«Сюжет повести универсален для эпоса любой культуры и любой эпохи: люди в мифах и преданиях, в том числе адыгских, всегда отправляются за неуловимым счастьем в надежде обрести то, что принесет покой душе: вернуть или встретить невесту, найти мать или отца, обнаружить волшебный предмет.

Их путешествие к дому, отдаленно напоминающее долгое возвращение Улисса домой, становится метафорой современной жизни среди новых, трагических реалий. На Кавказе беспокойное время, поэтому герои повести идут полем, по бездорожью, чтобы не попадаться на глаза людям, но избежать встреч не удастся. На пути странников, как и принято в мифологических дискурсах, возникают многочисленные препятствия, отражающие ту или иную нравственную или социальную проблему» [3:65].

Причины «плохой жизни» становятся предметом размышлений пытливого Владьки:

- О чем задумался мой внук, глядя на звезды?
- Почему люди так плохо живут друг с другом, деда?
- А это, малыш, самый необъяснимый вопрос на земле.
- А звездочки так красиво светят, – вздыхает Владька, – и каждая по-своему, и одна другой не мешает. Вот если б и люди так жили [8:710].

Безотчетная вера в высшую справедливость и добро персонализируется искренней верой: мусульманин Хамид сумел привить названному внуку уважение и любовь к христианскому Богу в религиозной традиции народа, к которому принадлежит мальчик, научил молиться. Этому соответствуют две сцены, в которой герои молятся каждый своему Богу. В первом случае – после убийства с вертолета Марата-дезертира его преследователями, второй раз в финале, когда плотик с героями сплавляется по разлившейся реке, на одном берегу которой остается мечеть с минаретами, на другом – православная церковь; между ними река как символ жизни с атрибутами высшей веры и веротерпимости, которые примиряются рекой-жизнью.

«В... киноповести отчетливо используются архетипические элементы, характерные для северокавказской прозы. Концепты: встреча, путь / дорога, дерево, река-вода, церковь / мечеть отражают... их связь с содержанием, формирует... смысл текста и составляет его когнитивную структуру» [3:70-74].

Автор применяет нестандартные композиционные, лексико-семантические, синтаксические средства, которые меняют привычную модель нарратива, в том числе стереотип диалогических построений, что отражается на хронотопе, точке зрения, когда субъект и объект меняются местами, смещаются виртуальные границы художественного повествования.

«Многочисленные элементы архетипического становятся основой для создания идиостилевой модели киноповести, которая по жанровым характеристикам ближе к сценарию, чем к обычной прозе. Киноповесть находится на стыке художественной прозы и кино. Обращение Ю. Шидова к этому жанру оправдано структурой произведения, смыслом, языком персонажей, способом реализации этнокультурных аспектов» [3:63].

Ю. Шидов определяет жанр своего произведения как киноповесть, что важно учитывать при анализе произведения. Обращаясь к тому или иному жанру, автор тем самым уже предопределяет конкретный формат своего произведения, приводит содержание в соответствие с ним.

Для читателя, зрителя или слушателя тот или иной жанр имеет смыслообразующее значение, настраивает на восприятие содержания, свойственного жанру (карикатура, драма, фильм ужасов и т. п.), стремясь найти в самой структуре искомый смысл. Тем самым жанры связаны со смыслотворчеством, с формой произведения, с характеристикой персонажей» [там же].

Сон Владика в финале как сублимация его мечты определяет название киноповести: «А вот бы нам полететь на облаке! Вот на таком. Мы бы сидели на нем, свесив ноги, и плыли медленно, и смотрели б сверху на землю, на людей». Сидя на облаке, мальчик видит всех спутников, которые повстречались ему и деду Хамиду, и даже маму, которой он никогда не знал. Сон Владика в открытом финале задает жизнеутверждающую направленность всему произведению, несмотря на неопределенность предполагаемых будущих судеб главных героев.

Апелляция к мифофольклорным образам и мотивам, их выраженная архетипическая структура, аллегоризм и символическая насыщенность позволяют определить жанр киноповести Ю. Шидова как повесть-притчу.

Тяготение к архетипическим образам симптоматично для большинства современных авторов Северного Кавказа, в том числе карачаевских и балкарских. «В большинстве текстов, восходящих к фольклорным формам, авторы обращаются и к этническим архетипам, выстраивая апелляции к ним на базе фольклорной образности или же традиционной эмотивности и морально-нравственных постулатов» [4:68].

Два важнейших аспекта в творчестве Ю. Шидова – индивидуальный и социально-политический – оказываются в нерасторжимом единстве. Кроме киноповести «Давай улетим на облаке», другим воплощением этой темы стал рассказ «Ужин на двоих». Главный его герой Аким Ильич, бездомный, встречает импозантного господина лет сорока, который не пожелал назваться. Аким пожалел его, пригласил к себе; гость принимает приглашение и между ними завязывается беседа. Содержание блатной песенки, которую процитировал гость, проясняет его собственную ситуацию: он совершенно одинок и никому не нужен, вероятно, в результате регулярных сомнительных финансовых махинаций, которые обеспечили ему баснословное богатство. «Денег у меня, папаша, немеренно...» – признается он Акиму [7:713]. Со своей стороны, старик на предложение объяснить причину «беды, которая его так низко опустила» отвечает просто: «А никакой беды не было... Я по собственной воле выбрал себе этот уютный уголок».

Ситуация Акима оказывается весьма типичной для пенсионеров постсоветского периода: «...после смерти супруги между детьми начался раздор из-за жилплощади. А я, как человек мирный, обеспеченный стандартным пенсионным пособием, покинул их» [7:713]. Одна эта фраза открывает глубину драмы Акима Ильича: потерю супруги, алчность детей, которым, по всей вероятности, он отдал все, что имел.

Аким Ильич предлагает гостю разделить скромный ужин: соевое консервное пюре, разогретой на примусе, разведенный спирт, настоянный на гранатовой кожуре; гость украдкой вытирает горлышко и угощается. Диалог между ними выглядит достаточно странно: бедняк сочувствует богачу, обездоленный нищий Аким успокаивает гостя:

«Вы успокойтесь, – говорил он, – в этой жизни всегда найдется выход. Попробуйте-ка братец, вывернуться наизнанку и заглянуть в свою душу изнутри. И тогда вы поймете, что все, чем жили прежде, – это прах и тлен. А самое главное – быть независимым от мирской суеты, недолговечных благ и мелочных удовольствий» [7:715].

Герой рассказа Шидова – не чужак, а человек с твердой осознанной позицией, который видит в материальной зависимости не только иллюзию, но и корень зла. Не случайно он наивно советует гостю принять единственную возможную, на его взгляд, позицию отказа от угнетающего материального начала, ограничив зависимость от него лишь жизненно необходимым. За этой позицией стоит российская история нестяжателей – монашеского движения в русской православной церкви конца XV – первой половины XVI веков, появление которого было связано со спором о монастырском землевладении, против которого они выступали. Эта идеология не только повлияла на формирование целого направления в русском православии, но во многом определила дух русской интеллигенции, основанный на идее нестяжательства. Образ юродивого, блаженного в исконной русской культуре ассоциируется со страстями Христа, поэтому столь популярны литературные образы в классической русской литературе (а также в советской как ее непосредственной преемнице), такие как князь Мышкин из романа Ф. Достоевского «Идиот», Платон Каратаев из романа Л. Толстого «Война и мир», Юшка из одноименного рассказа А. Платонова и др., в которых угадывается прототип Спасителя. Образ Акима – манифестация преемственности традиций русской литературы в творчестве черкесского писателя Ю. Шидова.

За нищетой Акима Ильича – выстраданная глубокая философская система, превратившаяся в твердую мировоззренческую установку, которую, разумеется, не способен понять случайный гость. Аким держится очень просто, но с большим чувством собственного достоинства: «Я живу в своем колодце, как король в своем замке, и каждый колодец

в этом городе – мое пристанище. И везде мне уютно, тепло и свободно. Я счастлив и горд этим...

– Ты что, счастлив своей собачьей жизнью?» – спрашивает гость с презрением [7:715].

– А разве не вы этой ночью завидовали собакам?.. Это же вы скулили, как бездомная псина, над моим люком, пока я не позволил вам подняться ко мне.

– Как это подняться? – Пришелец задрал голову и глянул на чугунную крышку колодца, слегка надвинутую на круглый вход над головой. – В эту преисподнюю я спустился, а не поднялся [7:716].

Удивительной кажется совершенно спокойная реакция Акима Ильича на свое тяжелое положение; глубокое смирение в сочетании с внутренним величием – качества, которые роднят героя с лучшими героями классической русской литературы, высокий гуманизм которых ставит их на грань юродивых и святых.

Между хозяином и гостем нарастает конфликт, который вряд ли можно было избежать: ведь они выразители противоположных мировоззренческих установок. Гость не понимает лексику Акима, который употребляет ее в иной нравственной парадигме. Так, слово «подняться» он воспринимает буквально, тогда как старик имеет в виду понятие духовное.

Автор не уточняет подробностей убийства, совершенного гостем, а лишь констатирует, что старика наутро нашли убитым. Гость же в это время шел уверенной быстрой походкой. На ходу он достал «сигарету с золотистым фильтром, прикурил и, пахнув дымом, тихо пробормотал: «Поезда катят дальше, а колодцы остаются» [7:718]. Таков неутешительный финал рассказа, в котором гость выступает символическим образом анархического капитализма с повадками хладнокровного убийцы. Оказываются поверженными, «убитыми» прежние непреходящие ценности: доброта, духовность, сочувствие, бескорыстие, то есть все, что входит в понятие гуманизма, воплощаемого Акимом Ильичом.

Остается лишь догадываться, что явилось причиной жестокого убийства: далеко зашедший конфликт или нежелание оставлять свидетеля какой-нибудь лишней информации, которую гость поведал старику спяну. Не исключено убийство из садизма. В любом случае, финал трагичен и не оставляет никаких иллюзий относительно каких бы то ни было возможных компромиссов между классом «новых» – нуворишей, и нищими – огромной массой стремительно беднеющего населения. Антагонизм, по мысли автора, не только и не столько в имущественном неравенстве, сколько в противоречии нравственных понятий, которое разделяет крайние классы.

Рассказ столь же визуально отчетлив и сенситивен, как и киноповесть. Так, например, автор описывает передвижения главного героя:

«...Ступая по арматурным скобам, поднимается к люку и осторожно сдвигает его в сторону. Высунувшись из колодца по плечи, он вглядывается во тьму, туда, откуда доносятся странные звуки» [7:711].

Автор использует образы-символы, которые усиливают общую тональность, обостряют драматизм повествования: березка, сваленная недавней бурей, «очки с треснувшим окуляром и нитяной тесемкой вместо дужки», оставшиеся лежать возле тела – свидетельства хрупкости, незащищенности гуманистического начала, не способного противостоять сокрушительному напору финансового капитала, грубой животной силе, воплощенной в его носителях.

Социально-экономические, политические процессы 90-х, отраженные в творчестве Ю. Шидова, предвосхитили начало распада общественно-экономической формации и соответствующей эпистемы с последующим зарождением и формированием анархических капиталистических отношений и «свободного» рынка. Негативные тенденции в северокавказских регионах в канун «перестройки», отраженные в художественном пространстве черкесского писателя, актуализируют исторический аспект общего кризиса Юга России.

Одним из магистральных тематических направлений творчества Ю. Шидова становится мир детства. Он воспроизводится как яркие зримые картинки воспоминаний в раннем сборнике «Дорога в мой аул».

Знаменательно, что нарратор, ведущий ретроспективное повествование, отмечает реакцию на зло как одно из самых ярких ранних переживаний главного героя – мальчика. Носителем «естественного», бессознательного зла становится его сосед Хазрет. Например, для собственного удовольствия он заложил камнями лисью нору с лисятами, чтобы посмотреть, как «лиса-мать камешки откатывать будет. Каждый по пуду – не меньше!» [6:4].

«Глупый ты человек, ум твой на ногте уместить можно», – повторяет мальчик слова дедушки Хаджи, пытаясь протестовать против зла. Дед не одобряет мальчика, это, как бы ни было, – нарушение адыгского этикета. Он говорит о том, что в лисьей норе всегда есть другой выход, о котором он ничего не сказал глупому Хазрету.

«...У всякого поступка взрослого мужчины имеется причина, как есть причина каждого зеленого листика. Она – в корне его дерева. А причина поступка Хазрета... в глупости» [6:14]. Таков один из авторских «диагнозов» зла, озвученный одним из главных героев.

Другой раз мальчик залюбовался низко парящим орлом, которого позже подстрелил сосед. После этого убийства дед артикулирует другую причину зла, которое несет в себе Хазрет – она «в недобром сердце» [6:17]. Гибель орла контекстуально приобретает гораздо более глубокое, метафорическое значение – одним из центральных детских

воспоминаний главного героя становится разговор с орлом, который каждый раз прилетает к мальчику. После одной из таких встреч ему снится сон, что он сам превратился в орла: «Той ночью снился мне сон, будто стал я большим и шел по равнине гладкой, твердой, как сковорода. И не было на равнине ни травы, ни деревьев, и была она черной, как земля, но очень горячей. Равнина эта обжигала мне ноги, и я бросился бежать. Бежал я, едва касаясь земли, и вдруг заметил, что лечу, взмахивая руками, словно крыльями... Я подлетел к одной из вершин и опустился» [6:12 – 13]. Превращение ребенка в орла воспринимается, с одной стороны, как некий инсайт генетической памяти о родовом тотеме, с другой – орел, которым ощущает себя мальчик, эмблематичен как символ силы, независимости и свободы, – главных духовных ценностей народов Кавказа. Таким образом, формируется цепь символической идентичности: орел – мальчик, наделенный орлиной природой, – адыгский народ, сформированный под знаком орла. Такой художественный подтекст усиливает трагические интонации убийства птицы, приобретающего поливалентный характер.

Автор «вписывает» своего героя в стихию привычного социума, природы, в мир животных и растений совершенно органично, «без швов». Так, воспоминания о родном Байталчапхане (художественный аналог старого названия Черкесска – Баталпашинск) выстраиваются в единый визуальный ряд, который равноправно включает улыбку деда, образы искрящегося снега, «долгих ночей, теплых ласковых губ телят» [6:20].

Именно дедушка Хаджи поддерживает первые писательские опыты внука, уважая, поощряя любой вид творчества.

Выразительные художественные средства автора типичны для современных адыгских авторов – это архетипические образы-символы, симптоматичен авторский прием параллелизма, включающий кольцевую композицию. Так, постаревший главный герой возвращается в родной аул из города, и дети при виде его кричат:

– Эй, смотрите! Это же дедушка Хаджи. Нам про него рассказывал учитель.

– Как? Тот же давно умер.

Я оглянулся и вижу ватагу ребят. Дети с удивлением рассматривают меня.

– Да, дети, я дедушка Хаджи. Я жив и никогда не умру».

Так внук «превращается» в деда Хаджи для детей, для которых снимается условность, метафоричность этой художественной «метаморфозы». Сюжет таким образом «сворачивается», снова открывая цикл жизни дедушки Хаджи, но уже нового – в образе его внука. Одновременно им утверждается непреходящий образ умудренного человека земли, в художественном дискурсе превращенный в литературный архетип старца.

Этот фрагмент непосредственно предшествует другой художественной параллели, связывающей медный таз с солнцем: «Катится, катится под гору медный таз. Я гонюсь за красным алым кругом, похожим на солнце, задыхаюсь, падаю, разбиваю коленки в кровь, вновь поднимаюсь и с грустью смотрю, куда скрылось придуманное мною чудо. А в это время за спиной медленно уплывает само солнце, настоящее солнце». Так, двойная параллель (дед – внук; катящийся и исчезающий медный таз – заходящее солнце) реализует основную метафизическую авторскую идею быстротечного брэнного времени.

Гораздо более зримые признаки брэнности обретают другие объекты, которые видит постаревший герой много лет спустя: «Я состарился, встретил седину свою в городе. Покосившиеся дома земляков и сгорбленные ровесники встретили меня; тропинки, по которым мы бегали детьми, забиты стеблями высохшей крапивы. Посох дедушки Хаджи валялся у прогнившего плетня. Я поднял его, и, словно обуглившийся ореховый прутик, рассыпался он, а на моих ладонях остался лишь прах дерева» [6:27].

Так, метафорически емко отражается в рассказе жизненный цикл, приходящий к своему исходу, который завершается автором в ироническом ключе: в финале несколько раз появляется некий дядя Хадис и каждому предлагает купить колесо, которое никто не покупает (как символ изжившего себя года, человеческой жизни, жизненного, исторического цикла и пр.).

Другим архетипическим полисемическим образом становится камень, который всегда был знаковым образом для народов Северного Кавказа.

Автор отмечает большой камень у дома, в котором «предок дедушки высверлил много отверстий для того, чтобы гости могли привязывать своих лошадей. Посредине в камне выдолблены две чаши: для овса и воды. Дети очень любят играть у этого камня» [6:9]. Тот же камень, по представлению бабушки, на самом деле – Уснувший Ягненок. «Он никогда не проснется, так как только сын Хаджи знал слово, чтобы его разбудить. Теперь сына нет... Он пропал в тридцать седьмом году» [6:10]. Так, вскользь обозначенной фразой автор будто бы пунктиром очерчивает трагическую историю семьи, народа... Истинным немым, древним свидетелем происходящего становится большой камень, похожий на уснувшего ягненка. Поэтому дедушке Хаджи непременно надо, чтобы камень попал в кадр, когда приезжий фотограф делает для жителей аула первые фотоснимки. Герой отдыхает под тенью серого камня, похожего на птицу.

Дед Хаджи собирает «на тропе упавшие со скал камни и складывает их у обочины. Из года в год росла стена, но скалы будто насмехались над человеком, каждый день осыпали дорогу новым градом камней»

[6:29]. Образ камня так или иначе сопровождает все функции и детали жизни человека. Именно поэтому, по мнению деда Хаджи, люди обретают черты камней.

– Дада, а правда, что ты можешь говорить со своими камнями? – спросил я однажды...

– Нет, не могу. У камней свой язык. Но на людей камни все равно похожи.

– Чем же?

Лицо его стало серьезным. Видно, давно ему хотелось поведать кому-нибудь свое, не раз обдуманное.

– У них глаза есть, и уши, и язык, как у нас, и твердость наша, и слабости наши.

В художественном тексте камень приобретает не только социальные, но и антропоморфные функции, например, их символическим значением наделяется каменная стена, за много лет сложенная дедом Хаджи, каждый камень в ней отождествляется с отдельной личностью: «Стена эта похожа на наш аул... Видишь этот шершавый, словно из печки слепленный, камень? Он ровен и стену украшает. А вот белый задира-гранит. Бока у него острые. Пройдешь рядом и оцарапаться можешь, но лежит он, смотри, надежно, как прибитый к своему месту. А теперь скажи, который из них важней в этой стене? Один вытащишь без труда, стена едва шелохнется, но красоту потеряет. А без другого... накренится все строение и может даже завалиться. Есть еще камешки поменьше, поневзрачней. О такие даже не споткнешься, но и они необходимы: то под этот корявый крепыш его подсунешь, а то просто щель заткнешь. Вот так, джигит, держится стена, и в основном на твердых породах. Пусть некрасивых, кривых, но твердых [6:30].

Тауджан, главная героиня рассказа «Имена на камне», стоит возле валуна, знакомого с детства, когда провожает на фронт мужа и старшего сына. Она приходит к камню, когда они погибают на фронте. Младший сын обещает матери, что выбьет на камне имена тех, кого она потеряла. Уже в старости Тауджан, потерявшая зрение, «стоя на коленях, водит рукой по каменной плите. Лицо ее обращено к солнцу. Четыре имени выбиты на камне» [6:55]. Автор не сообщает, кого еще потеряла героиня, но можно предположить, что отца, деда, у людей короткий век, но бессмертные камни хранят бесконечно длинный список людских потерь.

Камни-надгробья сохраняют память о каждом человеке, становятся свидетелями трагедий, хранят целую историю народа: «Вот надгробья далеких предков, чьи имена, наверное, не каждый может вспомнить. Камни ушли в землю настолько, что среди густой травы их едва можно заметить. А вот памятник со звездочками. Первые пятиконечные звезды на мусульманском кладбище – это двадцатые, тридцатые годы... Могилы сороковых годов, могилы войны. Здесь и

дети, умершие от голода, и женщины, и старики... Могилы кладбища – будто годичные кольца на срезе дерева, по которым можно сосчитать все невзгоды села» [6:124].

Аналогия человека с камнем, повторяясь явно и латентно в контексте цикла рассказов, приобретает художественно-зримый образ человека-камня. Тамаз, главный герой рассказа «Чолох», присев на камень возле реки, вспоминает валун, похожий на человека: «Он вспомнил, как где-то здесь недалеко лежал у воды когда-то необычный камень. Formой своей он походил на человека, склонившегося у воды для омовения перед молитвой. Но рука каменного человека не могла коснуться прозрачных струй: вода неслась шагах в пяти-шести от него. Старики называли этот камень Молящимся Грешником» [6:110].

Другой раз Тамаз снова мысленно возвращается к человеку-камню, в котором он видит пример мужества, мудрости, молчаливого терпения: «Он сидит почти у самой воды и простирает вперед свои каменные руки. Ни стоны, ни мольбы никто от него не услышал. Молчит, как молчал всегда. А ведь знал многое и мог поведать, отчего, может быть, люди жили бы... лучше...» [6:139].

Так автор постепенно расширяет семантический диапазон образа камня, который выступает многофункциональным структурообразующим символом.

Приоритетной авторской темой становится послевоенная жизнь, главными героями – старые фронтовики, прошедшие Великую Отечественную войну; им посвящен целый цикл рассказов: «Абрикосовое дерево», «Костер на асфальте», «Имена на камне», «Солдат», «Чолох» и др.

Как адаптируются к мирной жизни люди, ежедневно наблюдавшие смерть, как вынесли ужасы войны, завоевали победу? Художественные интонации полны горечи и глубокого сочувствия. Так, в рассказе «Абрикосовое дерево» вернувшийся с фронта Ислам обнаруживает пустой дом. Он ведет разговор с абрикосовым деревом, от которого узнает, что члены его семьи – «все за курганом». И абрикосовое дерево, с которым старик научился говорить, и аул приобретают те же характеристики, что и старый фронтовик. Белое весеннее цветение, традиционно знаменующее начало жизни, автор ассоциирует с сединой, признаком старости: «Разрослось новое селение. Каждую весну, будто обнажая седую голову, цветет оно белыми садами» [6:33]. Абрикосовое дерево тоже пострадало от войны, на его теле – ожоги, раны, очевидно, такие же, как у Ислама: «Давно обновилась обугленная кора...».

Автор использует прием параллелизма: главный герой узнает в дереве себя, свое одиночество, оно повторяет судьбу старика.

Потерявший родных старик больше всего желает, чтобы дерево принесло новые побеги, ему важнее всего – продолжение жизни человека, растения; символична смерть героя под абрикосовым деревом.

Тоска по новой жизни, по ее продолжению, прерванному войной, проходит рефреном практически во всех рассказах Ю. Шидова. В образе старого фронтовика Ануара (рассказ «Солдат») автор снова вводит типичные характеристики образа блаженного, юродивого. Главный герой – «странный старик», который так и не смог адаптироваться к мирной действительности; это проявляется в беглой характеристике деталей его образа. Его становление прошло на войне, очевидно, именно поэтому он на всю жизнь так и остался солдатом, морально и физически искалеченным войной. Из обрывочных монологов героя читатель узнает о его героическом прошлом: ушел на фронт в тот год, когда начал брить бороду; на фронте похоронил друзей и близких, попал в плен, испытал все его ужасы. Но после войны оказался на задворках реальности: над ним смеются дети и взрослые, он стар, немощен, одинок...

Странный «маленький» человек, маргинал, чаще всего так и не нашедший своего места в жизни, не оцененный, не признанный обществом – таков главный герой Юрия Шидова. Асоциальная личность бомжа в рассказе «Ужин на двоих» – не единственная в творчестве писателя; главный персонаж рассказа «Осенью» тоже бездомный, ночует на вокзале. Представители милиции и городской администрации его отовсюду гонят, но безобидный чудаковатый Максим снова появляется, чтобы помогать всем, кто нуждается в его помощи – одиноким женщинам, старикам и детям, которые его всегда находят, хотя редко благодарят за бескорыстную помощь. Судьба Максима трагична: он помогает пожилой женщине перенести багаж через реку, несмотря на то, что не умеет плавать, и тонет. «Не расслышала старуха, что ответил человек, а увидела, как Максим, крикнув: «Сейчас, братушка! Сейчас подмогну!», зашагал к лодке. Идет неторопливо, видно, боится оступиться. И когда уже далеко удалился от берега, баба в ужасе заметила, что Максим ступает по воде, будто по льду. Он уходит все дальше и дальше, вздев руки к небу, а *над головой его алеет заходящее солнце* (курсив мой. – М. Х.)» [6:166-167]. В приведенной цитате присутствует прозрачная аллюзия образа Христа, идущего по воде с нимбом над головой (в виде заходящего солнца). Важной особенностью поэтики Шидова становится использование столь распространенного, популярного в русской литературе образа нищего (блаженного, юродивого), который в христианско-православной традиции воплощает в себе священное, божественное начало.

Во время войны Ануар и его земляк Пата, герои рассказа «Костер на асфальте», стали свидетелями гибели солдата, при котором не оказалось документов. Но под гимнастеркой бойцы увидели рубашку, вышитую украинским узором. Красноармейца похоронили, обозначив вместо фамилии «сын Украины». Тогда-то у Ануара родилась мечта заказать себе черкеску: «Может, напомним старая одежда молодым побегам, что и их начало в корявом корне, скрытом под землей» [6:38].

Уже после войны Ануар решил навестить своего однополчанина Пату и заодно осуществить свою мечту. Он ходит из одной пошивочной мастерской к другой, но повсюду шьют только европейские костюмы, кто-то предлагает ему сшить итальянский: «Зачем мне итальянский? Я черкес». Единственный портной, который обещал сшить черкеску за полторы тысячи, оказался аферистом.

С большим трудом найдя нужную квартиру, Ануар узнает, что его друг Пата умер. Вечером, где-то в городе, Ануар разводит поминальный костер на асфальте: «Маленький костер на асфальте пылает все ярче и ярче, а вокруг, будто громадные скалы, высятся многоэтажные дома».

Горестное путешествие старого фронтовика отмечено глубоким кризисом национального, начиная с неоправданных поисков мастерской по пошиву национальной одежды, кончая костром на асфальте, – красноречивый факт, сам по себе кажущийся грустным гротеском, абсурдом. Автор отмечает детали, которые для носителей аутентичной адыгской культуры являются особыми маркерами, свидетельствующими о ее постепенном нивелировании:

«Дверь открылась, и перед Ануаром предстал мужчина средних лет в каком-то длинном мохнатом халате. Старик поздоровался с незнакомцем.

– Мне сказали, что здесь Накяховы живут. Это правда?

– Живут здесь и такие, – ответил мужчина, не выходя из прихожей, но и не приглашая войти» [6:49]. Вскоре оказывается, что это – зять Паты, которым продемонстрировано явное нарушение норм адыгского этикета: хозяин должен был выйти навстречу гостю и пригласить его в дом.

Автор отмечает признаки начального периода разложения сельского традиционного уклада, которое, по сути, определило и сформировало основное содержание и структуру любой народной культуры. Адыгский аул как таковой, в прежнем классическом определении этого понятия утратил свои характерные черты, но наряду с этим не успело создаться сколько-нибудь значимой городской культуры. О трудностях адаптации к чужеродной среде, городской жизни упоминает один из персонажей повести «Назову это командировкой»: «Помнишь ли ты село, где ты родился?.. Земляки переезжают в город... устраиваться начнут многодетные крестьяне. Ссоры, склоки... Вспомнился Хранитель, село. Вспомнилось, что там никого не осталось из родных...» [6:217 – 218].

Городская среда воспринимается автором не только как отчуждающая, изолирующая в своем собственном личном пространстве, но и агрессивная. Так, главный герой повести Тэй бежит из города, так как регулярно сталкивается с внешней агрессией не только на улице, но и дома.

Мотивы эскапизма вообще характерны для героев прозы Ю. Шидова: жители села стремятся в город, горожане – в село; общие настроения

персонажей черкесского писателя – в житейской, профессиональной и психологической неустроенности, ощущении дисгармонии, одиночества, не востребоваемости, ностальгии, – комплекса ощущений, характерного для постмодернистского чувствования. Однако эти характеристики имеют определенную социально-психологическую мотивацию.

В произведениях Ю. Шидова отражается кризис колхозной аграрной системы, непосредственно связанной с урбанизацией: автор обозначает одной из причин социального дискомфорта своих героев ослабление и умирание колхозов, падение животноводства, потерю работы сельскими жителями на фоне небывалого общего кризиса села. Безработица и деградация аграрной культуры гонят сельчан в города, они превращаются в горожан, которые постепенно отрываются от земли. Земля, покрываемая асфальтом, – бездушным панцирем, – символ современных процессов, происходящих в экологии, что в метафорической форме экстраполируется автором на общество, традиционную культуру, на все сферы жизни.

Главный герой рассказа «Чолох» Тамаз Трамов вернулся с войны кавалером двух орденов Славы, и ему сразу же предложили «восстановливать колхоз в своем селе». Автор описывает варварские государственные реформы с впечатляющей прямолинейностью: «Для восстановления народного хозяйства был объявлен заем, ввели налоги на плодовые деревья. Вот тогда в селах начало твориться небывалое. Не каждый находил средства, чтобы оплатить свою яблоню или грушу. Люди по ночам, будто воры, крались в свои сады, заложенные еще их дедами, и губили деревья: заливали корни керосином, выкорчевывали». Трамов сопротивляется варварским установкам советского режима как может: «По весне носился председатель по дворам, ругался, грозил землякам судом. Бывало, чуть ли не в ноги падал, уверяя, мол, пройдет тяжкое время. Не убивайте деревья! Что вы детям своим завтра скажете?!» [6:118].

Та же преступная политика велась по отношению к живой тягловой силе: со стороны райисполкома было объявлено о решении ликвидировать лошадей и ослов: «...кому-то из вышестоящего начальства, видно, пришло в голову, что сельчанам иметь свой гужевой транспорт только во вред». В результате джигиты-охотники, мобилизованные милиционерами, расстреливали ослов, а лошадей отправляли на бойню. Старый верный осел Чолох, который прослужил своему хозяину всю жизнь, тоже должен стать жертвой преступной политики. Хозяин уводит его в город, где Чолох внезапно сбегает. Позже Тамаз находит преображенного осла, работающего «фотомоделью». *Harpu end* рассказа не обманывает читательской интуиции: финал полон горькой иронии и неутешительных выводов в отношении перспектив развития села и связанной с ним традиционной культуры.

Через углубленное художественное «зондирование» проблем, с которыми повседневно сталкивается обычный человек, косвенную, «отраженную» репрезентацию разложения социально-политических функций государственных институтов власти, бюрократизации и коррупции чиновничьего аппарата на всех уровнях, нравственно-психологических характеристик отдельных типичных представителей общественности автор выставляет неутешительные «диагнозы» самому обществу, государственному аппарату, его исполнителям и законодателям; порочности и несостоятельности государственной системы перед самыми насущными потребностями и нуждами простого человека и всего народа.

Социально-экономические, политические процессы, отраженные Ю. Шидовым в небольшом сборнике художественных произведений конца 80-х годов, предвосхитили начало тотального развала сельскохозяйственной системы в рамках государственного слома прежней социально-экономической формации с последующим зарождением и формированием анархических капиталистических отношений и «свободного» рынка. Негативные тенденции северокавказских регионов в канун «перестройки», отраженные в художественном пространстве черкесского писателя, актуализируют исторический аспект весьма симптоматического процесса распада колхозов и совхозов Юга России, в которых аграрный сегмент в советское время являлся приоритетным и наиболее развитым.

Общая особенность художественного метода Ю. Шидова – «литературная кинематографичность» – нашла воплощение в драматургии, еще одной важной сфере его писательской деятельности. В 2009 году вышла книга «Остров надежды» (по одноименной пьесе), в которую вошли драматургические произведения автора, такие как «В чужой рубашке», «Остров надежды», «Лицедеи с Бродвея», «Первомайский тупик», «У истоков империи», «И наступит светлый день». В 2010 г. Ю. Шидовым была написана пьеса (в соавт. с М. Шаковым) «Звезды венского неба» о Герое Советского Союза Умаре Хабекове, погибшем при освобождении Австрии во время Второй мировой войны. По пьесам Шидова «Разве мы чужие?», «Перевал», «И наступит светлый день» поставлены спектакли. Пьеса «И наступит светлый день» вошла в альманах пьес драматургов Северного Кавказа, изданный в 2009 г. в Париже на французском языке. Пьеса «У истоков Империи» (2007) посвящена историческим связям народов Кавказа с Россией; в настоящее время она включена в репертуар Республиканского черкесского драмтеатра.

Ю. Шидовым подготовлен к изданию роман «Спасибо, что ты есть», сборник поэзии и прозы «Окно с видом на жизнь», драматургические произведения.

Для Ю. Шидова, как и для большинства современных адыгских авторов, характерно использование традиционных сюжетов, классиче-

ских тем; их поэтика отмечена «явной и скрытой цитацией, аллюзиями, заимствованиями; пародируются «известные» произведения и авторы; используются элементы древнейших видов литературного искусства, актуализируются мифы» [1:136]. Творчество Ю. Шидова, оставаясь неповторимым оригинальным феноменом национальной словесности, сохраняет характерные тенденции русскоязычной адыгской литературы.

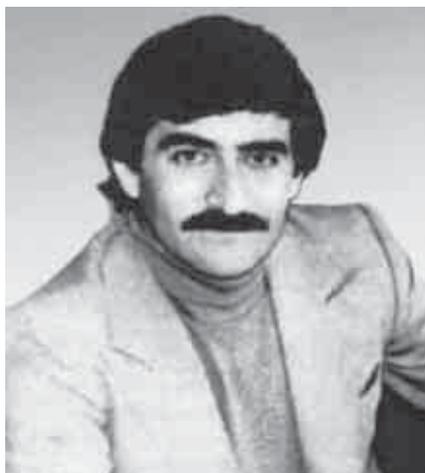
Литература

1. *Абакарова О. М.* Современная русскоязычная проза Кабардино-Балкарии: поэтика стилей и жанров: дисс. ... на соискание уч. степ. к.ф.н. (на правах рукописи). Нальчик, 2005.
2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Литературно-критические статьи. М., 1986.
3. *Мурнаева Л. И.* Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной прозе: дисс. ... на соискание уч. степ. к.ф.н. (На правах рукописи). Пятигорск, 2016.
4. *Узденова Ф. Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии. Этнокультурный контекст. Нальчик, 2017.
5. *Хакуашева М. А.* Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик, 2007.
6. *Шидов Ю. Х.* Дорога в мой аул. Черкесск, 1986.
7. *Шидов Ю. Х.* Ужин на двоих. // Война длиною в жизнь. Сборник рассказов северокавказских писателей. М., 2007.
8. *Шидов Ю. Х.* Давай улетим на облаке. // Цепи снеговых гор. Повести писателей Северного Кавказа. М., 2009.



Тамара БИТТИРОВА,
доктор филологических наук

МИР ЧУВСТВ ГИРИХАНА ГАГИЕВА



Судьба известного ингушского поэта конца XX – начала XXI века (1945–2017) Гирихана Гагиева – яркий пример творческого пути и судьбы представителя поколения, появившегося на свет в годы выселения на чужбине. Он родился 14 апреля 1945 года в городе Целинограде Казахской ССР. Сам факт его рождения был неординарным событием в жизни не только его семьи, но и окружающих, ибо в первые годы выселения количество умерших детей у депортированных народов в разы превышало число ново-

рожденных. И каждый появившийся в эти трагические годы ребенок воспринимался как дар судьбы, и такое событие вселяло надежду на сохранение этноса. После возвращения на Родину семья будущего поэта поселилась в Назрани, где Гирихан в 1964 году окончил среднюю школу. Несколько лет он работал в редакции районной газеты «Путь Ленина», с 1970 года начал свою деятельность в Гостелерадио Чечено-Ингушетии и переехал в г. Грозный. С 1971 по 1973 год служил в рядах Советской армии. В 1975 году окончил заочное отделение Чечено-Ингушского государственного университета. Был участником пятого и шестого Всесоюзных совещаний молодых писателей. В 1976 году его приняли в Союз писателей СССР. В 1991–1993 годах Гирихан Гагиев учился на Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР. С 2000 года Гирихан Гагиев является Почетным гражданином Назрани. В 2001 году указом Президента Республики Ингушетия ему присвоено почетное звание «Народный поэт Ингушетии». Всемирная ассамблея общественного признания удостоила Гирихана Аюповича Гагиева звания «Человек мира 2002». Издано около двух десятков сборников поэта в разных городах страны, а также в Казахстане. Стихи Гагиева включены во все школьные и вузовские хрестоматии по ингушской литературе. Его сказки и лирика публикуются в многочисленных журналах

Творческая деятельность Гирихана Гагиева началась задолго до его прихода в профессию. Он с детства сочинял стихи. Некоторые из них были настолько совершенны, что впоследствии вошли в его «взрослые» поэтические сборники. И начинал Гирихан как детский

поэт и в последующем не раз творил для детей. «16 февраля 1964 года в Назрановской районной газете «Путь Ленина» появилась подборка его стихов с предисловием редактора этой газеты Михаила Зангиева «Гирихан взялся за перо». Это и была первая публикация юного поэта. В том же году на республиканском литературно-краеведческом конкурсе Гирихан завоевал первое место за цикл стихов о Назрани. Надо отметить, что, начиная с 1964 года, стихи, сказки и поэмы Гирихана Гагиева печатаются не только на страницах наших республиканских печатных изданий – газете «Сердало», альманахе «Утро гор», журнале «Литературная Ингушетия», но и в таких центральных изданиях, как журналы «Дон», «Октябрь», «Подъем», «Дружба народов», «Пионер», «Мурзилка», «Колобок» и т.д. Довольно часто они появлялись и в таких еженедельниках, как «Литературная Россия», «Собеседник», «Семья», «Сын Отечества...» (К. Муратов – 02.07.2015 15:52. Вести Малгобека).

Стихи Гирихана Гагиева переводились на русский, чеченский, украинский, венгерский, казахский, киргизский, аварский, кумыкский и балкарский языки. В 2013 году его стихи прозвучали по японскому телевидению в одном из японских документальных фильмов. Гирихан Гагиев сам также занимался переводами. Так, в «Литературной Ингушетии» были опубликованы переводы стихов А. С. Пушкина, осуществленные им к 200-летнему юбилею поэта. Также издан переведенный Гагиевым на ингушский язык сборник стихов чилийского поэта Пабло Неруды, неоднократно печатались в периодике переводы стихов Кайсына Кулиева, Раисы Ахматовой и других.

Известными композиторами республики Ингушетия создан целый ряд песен на стихи Г. Гагиева. Среди них «Назрановский вальс», «Гучаяла», «Сона дезац дошо гувнаш», ставшие поистине народными. На текст его стихотворения «Моя нана спит» тремя разными композиторами – Раей Евлоевой, Русланом Зангиевым и Айной Гетагазовой созданы сразу три песни, что говорит о близости творчества Г. Гагиева как к народной поэзии, так и его мелосу.

Гирихан Гагиев был не только талантливым поэтом, но и активным общественным деятелем, не равнодушным созерцателем исторических обстоятельств, а вершителем судьбы родного народа вместе со своими единомышленниками. Его стихи и выступления в самые трагические дни 1992 года помогали многим выжить, а в последующем – не озлобиться, пройдя через тяжелейшие испытания, искать пути дальнейшего налаживания отношений с соседями.

Поэзия Герихана Гагиева – это особый чувственный мир, первозданный и ясный, как детский взгляд, и потому его стихи, посвященные детям, нашли такой живой отклик и у детей, и взрослых. Его призыв ко взрослым вынашивался годами и является поэтическим кредо автора:

*Давайте в мир смотреть глазами маленьких,
И мы увидим мир намного краше.
И то, что лишь вчера еще ругали мы,
Легко, светло войдет в сознание наше.
Исчезнут все запутанные сложности,
И в вас опять все лучшее проснется.
Мы будем рисовать на стенах солнце,
Как будто мы великие художники.
Заговорим красиво, как стихами,
Что удивятся даже и поэты.
И самый что ни есть холодный камень
Растает, вдруг слова услышав эти.
Какими б ни шагали параллелями,
Не встретимся ни с завистью, ни с ложью...
Не так уж безнадежно повзрослели мы,
Что в мир глядеть по-детски мы не сможем!*

Это стихотворение не только характеристика мира детства, оно является своеобразным манифестом и программой, с которыми пришел в ингушскую литературы новый поэт. Он пришел с чистыми помыслами, готовый творить добрые дела. И Гирихан Гагиев творил добро до самых последних дней своей жизни.

Первые детские стихи начинающего поэта написаны, как определил сам автор, в 1964-1968 гг., то есть в те годы, когда он начинал свой творческий путь. Поэта в последующем вдохновляло и то обстоятельство, что его детские стихи стали известны всей стране, благодаря книгам, изданным большими тиражами в Москве.

По свидетельству известного ученого Абу Мальсагова, поэзия Г. Гагиева значительно повлияла на развитие ингушской детской литературы: «Говоря же о произведениях Гирихана Гагиева, написанных им для детей, было бы справедливым отметить то, что на них училось не одно поколение нашей детворы. Например, кто из нас сегодня не знает такие его сказки, как «Красавица муха» или «Деша безамбо ацабов»? Ведь имена многих его персонажей давно уже стали нарицательными».

Постепенность, поступательность постижения окружающего мира, знакомство с неизвестными реалиями в игровой форме, привитие константных понятий через вербальный опыт, то есть перекодирование зрительного образа в вербальную форму – основные положения народного опыта воспитания. И мы можем проследить, как Г. Гагиев умело пользуется обозначенными положениями народной педагогики.

Поэту интересно все, что окружает малышей с первых осознанных его шагов по жизни. Природа с его необычными красками и звуками – «Плакали вьюги, / Ревели метели», «Апрель замурлыкал как ласковый

кот», / «Кто-то над лесом / Повесил луну, / Посеребрил / В нашей речке волну», «Отчеканила весна / Множество монет, / И раскрасила весна / Их в зеленый цвет», «Все деревья досыта / Пили белый ливень»; любимые животные – «Родился теленок / У мамы-коровы...», «Я котенку Мурзику / Наступил на лапу...»; чарующий мир сказок – «В гостях у короля», «Волшебная палочка» и другие темы наполняют чудесный мир детства.

Несомненно, что Г. Гагиев опирался на народный опыт воспитания, который предлагает знакомство с миром через прекрасное, через множество оттенков бытия. «Захвалили девочку» – стих, в котором дидактика заложена в поэтике стиха – когда строке задается маршевый ритм, как бы ускоряющий дидактический процесс:

*Не боялась девочка
Ни мышей, ни кота.
Не боялась девочка
Никого, никогда!
Говорили взрослые:
– Молодец! Молодец!
Захвалили девочку
Наконец, наконец!
Строишь дом из песка –
Разнесет наверняка!
А игрушку ей дадут –
Поломает в пять минут!
То грозитя кулаком,
То притопнет каблуком!
Очень вредная она...
Ну и пусть сидит одна:
Мы играть не будем с нею,
Вот и всё!*

Поэт не только призывает смотреть на мир глазами маленьких, но и сам видит его через призму детского восприятия, через переживания, радость и счастье ребенка:

*Отметая сердцем пошлое,
Жил я светлыми делами,
Потому гляжу я в прошлое
Просветленными глазами.
Жизнь меня не исковеркала,
Непогодюю бушующая:*

*В будущее, словно в зеркало,
Взглядом солнечным гляжу я.*

Стихи Гирихана Гагиева, адресованные детям, полны жизни, радости бытия, радости познания окружающего мира. Поэт вместе с детьми готов совершать дальние путешествия, открывать новые для себя страны, узнавать своих сверстников, понимать язык трав и птиц. Отличительная особенность детской поэзии Г. Гагиева – умение передать мир ребенка через его поступки и высказывания.

Как и у всех горских поэтов, в творчестве Гирихана Гагиева мир личных чувств, если не аскетичен, то очень сдержан. Он не говорит прямо о любви, предпочитая создавать атмосферу любви, где угадываются контуры внешнего облика любимой, и раскрывается ее внутреннюю суть. В стихотворении «Вечер» вся природа, как и сам лирический герой, в ожидании появления любимой:

*Опустилась луна в синий омут –
Отдыхает, к коряге прильнув.
Лягушата расквакались, стонут –
Выгоняют из тины луну.
Бродят шорохи, тихие звоны,
Землю влажную клонит ко сну.
Майский ветер, играя, ладонью
С листьев клена роняет росу.
Уже звездами явственно вышит
Млечный Путь высоко над селом.
Одного не хватает: чтоб вышла
Та, что в мире прекрасней всего.*

Любовь, по мнению поэта, случается тогда, когда «в груди звезда зажглась», когда он хочет гореть и светиться и «заблудиться в золотой пурге волос!». Возможно, автор не смог найти сопереживание своим чувствам в родной поэзии, поэтому узнаваемы настроения есенинской поэзии:

*Опустилась луна в синий омут –
Отдыхает, к коряге прильнув.
Лягушата расквакались, стонут –
Выгоняют из тины луну...*

*Уже звездами явственно вышит
Млечный Путь высоко над селом...
Одного не хватает, чтоб вышла
Та, что в мире прекрасней всего.*

Преодолевая сдержанность, но не хладнокровие, автор в стихотворении «Тополя в цвету» пишет о нелегком пути к любимой, которую он искал повсюду – «и где вечный снег, и где вечный зной».

О любви к родине Г. Гагиев написал в каждой своей книге, но есть у него отдельный цикл под названием «Неразменное». Если исходить из творчества самого Гирихана Гагиева, то вполне закономерно, что любовь к родной земле поэт обозначил именно этим определением, ибо все его творчество – это признание в любви, это работа во имя этой любви. Любовь, неизменная и неразменная.

*Самое неразменное у меня, –
Сердце мое,
То, что в жизни
Самое драгоценное у меня, –
Сердце мое,
Целиком, безраздельно
Я отдал тебе,
Моя Родина!*

А судьба у поэта была трудной, как в силу рождения в неволе, так и тех испытаний, которые пришлось пережить ингушскому народу на стыке конца XX – начала XXI века. Чтобы передать свои заветные и неразменные чувства, поэт не устает знакомить с прекрасными чертами своей Родины и своего народа. Человек может быть счастлив только тогда, когда он находится там, где ему все знакомо и дорого. Для горца родина – это, прежде всего, земля на которой жили, творили, были счастливы или несчастны его предки, об этом и его стихотворение, неприхотливое, но истинное в своей простоте и невычурности:

*По земле родной идущий,
Я безмерно жизни рад...
Эти скалы, это небо,
Эти сосны, эти льды
Мне нужны не меньше хлеба
И не менее воды!*

Бродить по лесу, где за тобой следят «сотни глаз невидимых», под дождем и снегом, любоваться радугой и тополями в цвету, горной рекой и седыми вершинами, и при этом представлять миру красоту родной земли дано только настоящему мастеру слова, каким был Гирихан Гагиев.

Гирихан Гагиев – истинный сын Кавказа. Он был приверженцем кавказских обычаев и традиций, об этом свидетельствуют его стихи, посвященные своим друзьям, кавказским поэтам. Он неустанно пишет

о дружбе и братстве народов, об их многовековой солидарности перед лицом опасности, о гостеприимстве как главном компоненте коллективного этнического портрета горских народов.

В 1990-м году Г. Гагиев написал цикл стихов, навеянных поездкой в Кабардино-Балкарию, где он воспел дружбу и братство народов Кавказа, а самые проникновенные строки его обращены балкарскому народу. Его любовь взаимна, ибо:

*А хотели уйти – чабаны не пустили:
Специально для нас каравай испекли,
Угостили айраном, и тем причастили
Нас к извечному благу балкарской земли.*

*И насытившись хлебом, подумали все мы:
«Как его не хватало в изгнании нам!
Как вставали надгробья, кричащие немо!» –
Есть что вспомнить балкарцам и ингушам...*

Он благодарен Балкарии и за встречу на этой земле с другом Кайсына Кулиева, Поэтом и Человеком, осетином Нафи Джусойты. Гирихан не произносит громких слов, не славит поэта, он дает нам зарисовку с натуры – известный всему Кавказу Нафи берет у балкарца косу и начинает выводить строчки на летнем лугу:

*И косил, как будто бы просил
У земли прощенья за грехи,
Суть которых в том, что не косил
Столько лет, а лишь писал стихи...*

Автор раскрывает гармонию поэта и мира, их взаимосвязь:

*Он косил – и дивно молодец,
И в очах светилось торжество,
Словно трудной тайной овладел
Возвращенья детства своего...*

Название данного стихотворения говорит о побратимстве поэтов Кавказа, о благородной задаче нести мир и любовь – «Для поэтов нет чужих земель».

Зоркий глаз поэта в красоте Кабардино-Балкарии замечает самое главное – привлекательность и обаяние людей, ее населяющих. Приветствуя утренний Нальчик, поэт восклицает:

*Кабардинки и балкарки
Шли и шли навстречу мне...
А улыбки – как подарки...
Стал богаче я втройне!
Понял, взглядываясь в лица,
Что прекрасны и чисты:
Здесь всемирная столица
Нежной женской красоты!*

И, конечно же, Гирихан не мог обойти вниманием творчество Кайсына Кулиева, «ингушского зятя», посвятив ему несколько своих прекрасных стихотворений:

*Стихи Кайсына чисты и святы,
Стихи Кайсына – почти аяты:
Небесным светом они лучатся
И прямо в сердце тебе ложатся.
Влечет, чарует строка поэта,
Любовью к людям она согрета,
Любовью к людям исповедальной...
Мне не добраться до Мекки дальней,
Где сходят с неба на землю святость...
В Чегем поеду – познаю радость!*

Большое место в творчестве поэта занимают события конца XX века, когда Ингушетия оказалась втянутой в кровопролитный конфликт с соседней Осетией. Войну он переживал со всем своим народом, но в отличие от многих сердце поэта намного чувствительнее ощущало эту боль. Боль потерь и страха, боль потери надежды, боль разочарований и безысходности. Трудная судьба поэта усугубилась всенародным горем, и казалось, нет выхода из этой беспросветности!

*О горький час народа моего!
Неужто в мире правды больше нет?
Сижусь в потемках, не включая свет, –
Я и при нем не вижу ничего!*

*В глазах темно и тяжесть на душе,
И эту тяжесть мне не истолочь...
Светает... Тьма рассеялась уже,
Но для меня глухая длится ночь...*

19 декабря 1992, Москва

Начиная с трагических событий 1992 года до конца своей жизни Гирихан Гагиев пытался осознать, как такое могло произойти в современном мире, когда общегуманистические принципы сосуществования стали главными, когда каждый факт нарушения прав отдельного человека должен стать объектом пристального внимания человеческого сообщества. А здесь были нарушены права тысяч людей, оставшихся без крова, потерявших своих близких. В поэтических циклах «Ингушетия в огне» (1992-1996), «Чечня – боль Вселенной» (1995-1997) он осуждает войну, убийц и мародеров.

*Вижу снова: гибнут люди,
Вижу я, среди огня,
Их простреленные груди,
Защитившие меня.
Их немеющие губы,
Обращенные ко мне...
И трубят, я слышу, трубы
В этой мирной тишине!
Вижу черные разрывы
Там, где выросли цветы.
Ствол зенитки вместо ивы
Вижу в зеркале воды...
В синем пламени и гуде
Запрокинувшись им
Повторяю: «Не забудем...
Не допустим... Сохраним...
Под звездой голубой
Все останется навек:
Хлебом – хлеб, вода – водою
Человеком – человек!»*

Если Гирихан Гагиев старается сдерживать свои чувства, повествуя о масштабе трагедии своего народа, то вид истерзанных детей («Язык», «За что?»), доводит поэта до темноты в глазах:

*...Пишу... В глазах темно от боли
И в горе сгорбился Кавказ...
Но не проклятье, а молитва
На сердце у меня сейчас.*

Его зарисовки с театра военных действий не только реалистичны, они порой доходят до натурализма, вызывая у читателей массу эмоций.

*Его зовут Аслан. Ему лишь восемь лет...
А после, на тропе, в горах, где снег и лед,
Промазал по нему российский вертолет.
Но он остался жив, судьба его спасла...
С мальчишками в футбол сражается Аслан.
Румянец на щеках, в глазах – восторг и пыл,
Побоища кошмар, похоже, он забыл.
За что ж его убить хотели? Не пойму!
Ведь он не навредил на свете никому!
Он верит людям всем, он в целый мир влюблен,
Сияет изнутри, как Божий ангел, он...*

Несмотря на свое глубокое неприятие «вражеской стороны», он ищет и на той стороне людей, не обделенных совестью и способных на сопереживание. Он не теряет веру в людей и потому не раз в своих стихах восклицает: «Радоваться жизни!»

Значимое место в творческом наследии Г. Гагиева занимают ингушские пословицы, сбором, систематизацией которых он занимался с молодых лет, когда начал работать в районной газете. Гирихан был очарован ингушскими песнями, их красотой и величием, небывалой грустью и оптимизмом. В конце 60-х годов 20 века он неоднократно печатал свои переводы пословиц в «Грозненском рабочем». В книге «Тополя в цвету» (1969) Г. Гагиев опубликовал около 70 пословиц, а в 2000 году издал свои поэтические переводы фольклора.

В родном фольклоре поэт находит и мудрость веков, и реализованный в юмористических рассказах и стихах оптимизм, и жесткую сатиру, и веру в будущее. Как многообразна сама жизнь, так и многообразна душа ингушского народа – основной лейтмотив его фольклорных публикаций.

«Да здравствует жизнь!» – писал Гирихан Гагиев в предисловии к фольклорным публикациям, которые занимают большую часть второго тома его трехтомника. В этот же том вошли его сатирические стихи и басни, написанные по мотивам ингушского фольклора. Цикл «Разное» включает в себя короткие афористические стихотворения поэта. Они очень близки по своему художественному арсеналу образцам устного народного творчества и одновременно в них реализован яркий талант автора:

*Увы, человек не бывает
Совсем без изъяна...
Себя совершенством считает
Лишь обезьяна.*

*У одиночества –
Нет имени,
Нету отчества.*

*Лишь когда семья повзрослела,
Голова у отца поседела.*

Трудно определить жанр фольклорных реминисценций поэта, настолько они разнообразны. Они охватывают большой круг понятий, встречающихся в повседневности, а также философские размышления над вечностью. В этом отношении представляют большой интерес его сатирические басни и эпиграммы. Их немного, но каждое произведение наполнено большим философским смыслом. Житейские факты автор преломляет через нравственные проблемы современности. Здесь и труженик-горец, работающий не покладая рук, чтобы его сыновья могли в обед сходить в бар, а вечером – в ресторан, и гиперболизация одного из требований горской морали в «Пустячке», где молодая девушка довела родных до обмороков своей шуткой...

Поэт много размышлял над судьбой творческой личности, над судьбой созданных им произведений, – как они могут находить отклик у читателей, когда и каким образом. И приходит к выводу, что нужны только те стихи, что рождены в глубине души, в ее порывах:

*Стихи всегда рождаются в движеньи,
Стихи – как ветер – требуют простора.
Им нужно с кем-то говорить и спорить,
И побеждать, и ставить на колени.*

*Стихи, как дети, требуют заботы,
Сердечного тепла, сердечной ласки.
Стихи рождаются не в легкой сказке –
В бессонницах рождаются, в работе.*

Творчество Гирихана Гагиева, отмеченное несомненным талантом и мастерством, составляет значимую страницу в истории ингушской литературы. Он – тонкий лирик, глубокий философ в своей поэзии, но главное качество его творчества – раскрытие души народа, открытой истине, готовой к сопереживанию и участию. Его поэзия соткана из мира прекрасных чувств, прекрасных любовью к родине отцов, к колыбельной матерей Ингушетии, к ее труженикам и воинам, ученым и

музыкантам... После ухода поэта многие его строки воспринимаются как завещание потомкам:

*На свете гости мы, не более того...
Но жизни каждый миг – над смертью торжество.
И, уходя во тьму, оставить в жизни след
Обязывают нас идущие вослед...*

И еще:

*Жизнь – непрерывный, адский бой –
Не прав я разве –
За право быть самим собой...
И в этом праздник!*

Нет никакого сомнения, что Гирихан Гагиев вышел победителем из этого поединка, ибо создал бессмертные строки в трудный для Родины час. Строки, повествующие о необходимости сохранить человеческое в человеке и радоваться каждому мгновению бытия.



Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ



В год 75-летия незабываемой Победы в Великой Отечественной войне особенно часто вспоминают «поколение победителей», наших соотечественников, отстоявших с оружием в руках свободу и независимость своей Отчизны от фашистских захватчиков. В ряду победителей был и замечательный скульптор, заслуженный художник КБАССР Всеволод Петрович Славников, кавалер двух орденов Красной Звезды и ордена Александра Невского.

В Нальчике Всеволод Славников поселился в 1953 году после окончания Ленинградского художественного училища имени В. А. Серова и прожил здесь до переезда в Ленинградскую область в 1974 году, оставив заметный след в культуре Кабардино-Балкарии и как ваятель, и как общественный деятель, и как отец-основатель местного Союза художников. Значителен его личный вклад в подготовку обширной программы культурного развития республики, поскольку он был автором многих инициатив, касавшихся этой проблематики. Ему удалось раскрыть здесь и собственный художнический талант.

Родился будущий художник 26 мая 1925 года в Белоруссии в городе Могилеве, но вскоре семья переехала в Ленинградскую область в город Пушкин. В самом начале войны, пройдя курс подготовки в военном училище, Всеволод Славников ушел на фронт и воевал до конца войны, удостоившись за воинские подвиги двух орденов Красной Звезды и ордена Александра Невского. После демобилизации молодой человек не мучился выбором будущей профессии: тяга к художественному творчеству привела его в Ленинградское художественное училище имени В. А. Серова, которое он окончил в 1953 году, получив диплом с отличием. Как у бывшего фронтовика у него была возможность поселиться в любом городе Советского Союза, но, как человек, увлеченный альпинизмом, он выбрал Нальчик, чтобы быть поближе к горам.

В эти годы в Кабардино-Балкарии только начинался процесс формирования творческой организации художников, в котором он принял самое активное участие: в 1956 году возглавил бюро Союза советских художников Кабарды (балкарцы в это время еще находились в ссылке в Средней Азии), а в 1957 году был избран председателем правления вновь

организованного местного отделения Союза художников РСФСР, и более того, в качестве представителя нашей республики ему посчастливилось принять участие в работе Первого съезда СХ СССР.

Говоря о его роли в формировании Союза художников КБАССР, нельзя не сказать о сложившемся тандеме Всеволод Славников – Федор Калмыков (председатель и ответственный секретарь правления СХ Кабардино-Балкарии), позволившем решать серьезные творческие, социальные и организационные проблемы местного творческого Союза. При них сложился актив художников, а затем организованы Кабардино-Балкарское отделение Союза художников РСФСР и местный Художественный фонд. Правлению СХ республики под руководством В. Славникова удалось добиться многого: по его инициативе были построены Дом художников на улице Инессы Арманд и двенадцать творческих мастерских по улице А. Байсултанова, выделены десять квартир для семей членов СХ КБАССР, оборудованы мансарды для живописцев, начал функционировать скульптурный цех.

Особенно велика заслуга В. Славникова в возникновении в Нальчике музея изобразительных искусств и детской художественной школы. Эти вопросы не сходили с повестки дня руководящих органов республики с 30-х годов прошлого столетия. Длительная переписка Всеволода Петровича с искусствоведами – потенциальными сотрудниками музея, которых бы не испугала работа в провинциальном музее, привела к успеху. В Нальчик приехали два искусствоведа из Перми и, наконец, музей открылся. В дальнейшем правление СХ КБАССР активно сотрудничало с его директором и сотрудниками.

Особенно большая общественная нагрузка легла на плечи В. Славникова в связи с празднованием в 1957 году 400-летия присоединения Кабарды к России. Ему пришлось заниматься решением множества организационных проблем, в то же время он внимательно, ответственно относился и к просьбам художников. Его работоспособность, интеллигентность, чисто человеческие качества руководителя творческой организации подкупали всех, кто сталкивался с ним. Помимо общественной деятельности он успешно трудился над собственными произведениями для предстоящей юбилейной выставки: скульптурной группой «Октябрьская революция в Кабарде», портретом кабардинского князя Темрюка, скульптурой для фонтана, а также серией рисунков пером.

Одним из самых важных мероприятий юбилейных торжеств стало торжественное открытие художественной выставки в Нальчике. В отчете о ней сказано: «Выставка открылась 17 мая в 17 часов в г. Нальчике в удобных залах по ул. Инессы Арманд № 1. Состоялось торжественное открытие выставки, на котором присутствовали около 1000 человек, приехали художники Северной Осетии и Ставропольского СХ. В экспозиции было представлено 300 работ 33 участников выставки. За 10 дней

выставку посетило около 30 тысяч человек. 27 мая 1957 г. в 18 часов состоялось обсуждение выставки. Выставка имела большой успех, о чем свидетельствуют многочисленные положительные отзывы в книге отзывов. С 5 июля по 10 августа 200 работ, отобранных с выставки, экспонировались в Третьяковской галерее. Посетили выставку 10 тысяч человек. Затем эти работы экспонировались в районах республики».

О том, что к этому времени творческая организация кабардино-балкарских художников успела «стать на ноги», свидетельствует успех выставки в Москве, где многим произведениям местных художников была дана высокая оценка маститыми столичными мастерами искусств и искусствоведами. В газете «Советская культура» вышла статья научного сотрудника научно-исследовательского института искусствознания Н. А. Езерской о проходящей в те дни в Москве юбилейной выставке кабардино-балкарских мастеров искусств. Она высоко оценила ряд произведений художников из Нальчика, в том числе и работы В. Славникова.

По результатам выставки в Москве в члены Союза художников были приняты Всеволод Славников и Федор Калмыков. Экспертная комиссия по приобретению художественных произведений Министерства культуры РСФСР рекомендовала приобрести с выставки значительное количество произведений кабардино-балкарских художников, в том числе и новоиспеченных членов СХ РСФСР. Особо отличившиеся экспоненты Михаил Ваннах, Николай Гусаченко, Всеволод Славников, Федор Калмыков за большие заслуги в области искусства были представлены к правительственным наградам.

На заседании секретариата правления СХ СССР, прошедшем 1 июля 1957 года, был сделан отчет «Об итогах показа выставки изобразительного искусства КБАССР, организованной в связи с 400-летием добровольного присоединения Кабарды к России». «Организованная выставка, – говорилось в нем, – является первым творческим отчетом художников республики в Москве. До настоящего времени на республиканских выставках художников РСФСР экспонировались произведения лишь отдельных живописцев. Выставка является бесспорным свидетельством творческого роста и стремления коллектива художников углубленно работать над темами, связанными с жизнью республики». Выступившие на обсуждении художники, а среди них было немало признанных мастеров искусств, отметили «рождение живого реалистического искусства, еще робкого, нераскрывшегося», доброжелательно отозвались о работах наших художников. На обсуждении выставки было подчеркнуто, что изобразительное искусство Кабардино-Балкарии расцветает так быстро, что уже в сжатые сроки резко сократился разрыв между общесоюзным и местным уровнем живописи и графики. Столь стремительному взлету в искусстве способствовала вся организация художественной жизни республики, в чем была немалая заслуга и В. Славникова.

Творческая биография Всеволода Петровича также складывалась удачно. Еще в самом начале творческого пути ему удалось отыскать собственную нишу в изобразительном искусстве республики, и в числе немногих местных художников внедриться в общесоюзный художественный контекст. Он недолго пребывал в состоянии провинциальности и, начав участвовать в выставках самого высокого ранга, вскоре поднялся на российский уровень. Особенно удачно он выступил на Всесоюзной выставке графики 1957 года и Всесоюзных выставках «40 лет Советской власти» и «40 лет Октября», Международных выставках советской книги, прошедших в Индии (г. Бомбей, 1958 г.) и Японии (г. Токио, 1959 г.), нескольких выставках «Советская Россия». В частности, на Четвертой выставке «Советская Россия» он был награжден медалями Министерства культуры РСФСР и Союза художников РСФСР. Вот неполный перечень его произведений, которые демонстрировались на Всесоюзных и Всероссийских выставках: «Партизаны» (1957), «Музыканты» (1961), «Корейский мальчик» (1961), «Заурбек» (1962), «Урожай» (1963), «Портрет художника Н. Н. Гусаченко» (1960), «Зольское восстание» (1969), «Портрет комбайнера» (1969), «А. Мусукаев – секретарь Эльбрусского райкома КПСС» (1969).

Главная заслуга В. Славникова перед Кабардино-Балкарией в том, что он стоял у истоков пластического искусства нашего края, сумев вместе со своими коллегами заложить основы национальной скульптурной школы. Он всегда работал в рамках реализма, оставался верен традициям русской реалистической школы, но в то же время лояльно относился к художникам-оппонентам, никогда не проявлял нетерпимость по отношению к коллегам, чьи творческие установки были ему чужды, за что неоднократно подвергался нападкам со стороны Кабардино-Балкарского обкома КПСС. Так, в одной из справок от 10 сентября 1968 года, в которой дается оценка деятельности местного отделения СХ РСФСР, инструктор обкома П. Тажев напрямую обвиняет Всеволода Петровича в идеологическом попустительстве: «Правление СХ и прежде всего его председатель т. Славников не ведет борьбы с формалистическими проявлениями в творчестве отдельных художников (картина Абаева «Друзья», Вуколова «У окна»)). Неоднократно обком КПСС упрекал его в том, что он «превозносит» Вуколова, Абаева, Бжеумыхова. Председателю местного Союза художников приходилось писать объяснительные записки в обком КПСС, в которых он стремился защитить молодых художников: «Остаются незамеченными успехи молодых художников – Шекояна, Вуколова, Бжеумыхова. Почему-то творчество Вуколова и Абаева подвергается особым нападкам со стороны Глуховцева и Сундукова. Кстати, Вуколов недавно приехал из Дома творчества, где закончил две картины «Балкарское окно» и «Мои друзья» (портрет Героя Социалистического Труда чабана Салиха Атгоева с женой). Обе картины были приняты комиссией на всесоюзную выставку, посвященную 50-летию ВЛКСМ».

В те годы в стране активно боролись с «формализмом» на самых разных уровнях, в официальных и творческих кругах. Время было такое, что не поощрялись формальные поиски, художникам предписывалось придерживаться соцреалистических стиливых штампов и быть идеологически выдержанными. Потому сегодня при оценке произведений этого периода следует учитывать реальные обстоятельства, в которых приходилось работать художникам, ведь идеологические установки и запреты никак не способствовали творческим экспериментам, а значит, и новым творческим достижениям.

В 60-х годах прошлого века художники ощутили некоторое ослабление идеологического прессинга, в «социалистическом по содержанию» искусстве появляется возможность творческих поисков. В. Славников, оставаясь приверженцем реализма, в какой-то мере старался экспериментировать и сам, о чем свидетельствуют некоторые его работы, но, тем не менее, никогда не переступал границ реализма, считая, что для решения современных ему художественных задач вполне хватает классических приемов и методов создания скульптур.

Сильной стороной творчества Всеволода Славникова был портрет. Это отмечает и искусствовед В. А. Горчаков в книге «Художники Кабардино-Балкарии»: «Работа над скульптурным портретом, пожалуй, интереснее и полнее всего представлена в творчестве В. П. Славникова и А. П. Дурнева. Славникова увлекает своеобразие местной тематики. Его «Партизаны», «Музыканты», его портретные образы – это горцы, чью красоту стремится передать ваятель».

В портретных образах автора интересуют внутренняя жизнь, психологическое состояние человека, для передачи которых он ищет выразительные скульптурные формы. «Корейский мальчик» В. Славникова буквально светится радостью и счастьем, которые как бы выплескиваются на зрителя, заставляя его сразу вступить с ним в контакт. Ваятель умело передает не только внешние черты, но и душевное состояние, настроение модели. В портретной концепции автора сплавлены воедино национальные, социальные, индивидуальные черты мальчика. Исполненный легко, виртуозно, психологически достоверно, образ мальчика становится символом счастливого советского детства.

Особым успехом у зрителей пользовалась скульптурная группа «Музыканты» с умело отобранными социально-психологическими параметрами, пластически выразительными ритмами фигур, данных в сложных ракурсах. Кажущиеся подвижными лица, свободная импровизация в одежде, чуть комическая торжественность придают ей несколько театрализованный характер, в то же время эта сценка словно вырвана из густи жизни. Музыкальность ритма скульптуры как бы рифмуется с исполняемой артистами мелодией. Острый синкопический линейно-силуэтный ритм придает ей эмоциональную приподнятость, взволнован-

ность, воздействует на зрителей эстетикой пластических масс. Стремясь к максимальной выразительности, автор уделяет большое внимание культуре деталей. Сильное воздействие на зрителя оказывают ясность концепции, своеобразный способ образного кодирования. Как скульптор В. Славников мыслит пространственными категориями, использует выразительные возможности активного ритма, достигая, таким образом, ясности и законченности пластических объемов.

Работал В. Славников быстро и плодотворно, но время не пощадило многие его станковые произведения: часть из них утрачена в силу различных обстоятельств. Более счастливой оказалась судьба его монументальных произведений, которые украсили культурный ландшафт Кабардино-Балкарии, и до сих пор сохраняют свой первоначальный вид.

Своеобразный облик здания санатория имени С. М. Кирова в Долинске в 60-х годах прошлого столетия местными властями было решено дополнить портретным памятником выдающемуся революционеру и общественно-политическому деятелю Сергею Мироновичу Кирову, которого в советские годы называли не иначе, как великим гражданином. Заказана статуя была местному скульптору Всеволоду Славникову, поставившему перед собой задачу создать образ трибуна, агитатора, ответственного за страну человека, который всю жизнь занимался не только пропагандой социалистических идей, но и реализацией их в жизнь. Подобная трактовка вполне согласовывалась с представлением о Кирове у простых людей.

Скульптура, вознесенная на простой восьмигранный призматический пьедестал, четко читается на фоне аркады санатория, органично согласуясь с обрамляющими ее конструкциями, с их ритмическими паузами и вообще с характером здания. Работая над статуей, В. Славников находит нужные пластические ходы и приемы и успешно справляется с темой, найдя выразительные детали и нюансы в изображении своего героя. Трибуна, с которой держит речь С. Киров, изображена не целиком, а частично срезана. Этот срез позволяет показать фигуру одного из большевистских вождей в полный рост, демонстрируя, таким образом, устойчивость, надежность позиций героя, а значит, и всей страны в целом.

Автор запечатлел своего героя в момент вдохновенного выступления перед толпой, передав не только внешнее сходство с С. Кировым, но и силу убеждений большевика, его веру в идеалы коммунизма, которые он умел искусно внушить и другим. Какое-то внутреннее движение пронизывает фигуру Кирова. Он как бы на мгновение остановился, перекинул пальто через руку и начал говорить, обращаясь к участникам митинга. Энергичная посадка головы, призывный жест руки, приоткрытый рот, охваченная волнением фигура создают вокруг него напряженное поле, помогая ощутить романтику революции и первых десятилетий советской власти, то есть специфику времени, в которое они жили. Через ясный,

обобщенный силуэт статуи, придающий образу благородную простоту, автор стремился воплотить идею гражданственности, созвучную пониманию той эпохи. Строгая выверенность соотношений объемов подчеркивает значимость личности С. Кирова.

В. Славников хотел увековечить образ человека новой формации, который сознательно и самоотверженно строит социализм. Создавая статую, автор в первую очередь воспеваает советский строй, в котором, кстати, было немало позитивного. А для этого необходимо было создать образ большого эмоционального накала с романтическими интонациями. Всеми средствами и приемами ваятель старается усилить идеологическое звучание памятника, его оптимистический настрой, что было вполне в духе 60-х годов. Во главу угла скульптор ставил мобилизующее воздействие памятника. И это качество монумента оказывало на зрителей большое воздействие не только в советские годы, оно ощущается и сегодняшними людьми, даже теми, кто отказался от идеологии советских времен.

Всеволод Славников принадлежал к тем художникам, что твердо стоят на почве русского этномира, но порой выходил за его границы, чтобы окунуться в культуру другого народа и, постигнув его специфику, создать на ее основе значительные произведения. Он сумел воспринять эстетику складывающегося в 60–70-х годах прошлого столетия национального стиля кабардино-балкарского искусства, который нашел отражение в памятнике жертвам Великой Отечественной войны, сооруженном в селе Черниговка Прохладненского района. Эта работа свидетельствует о том, что ему удалось в какой-то мере постичь менталитет кабардинцев и балкарцев, то есть взглянуть на мир через призму видения мира коренными народами.

Традиционно в русской и советской монументальной скульптуре скорбь народа по погибшим в войне символизирует Родина-мать. Но, к примеру, авторы памятника «Скорбящий горец» (скульптор Х. Крымшамхалов и архитектор М. Каркаев) отошли от подобной трактовки этого понятия, создав мужской образ, поскольку по-балкарски Родина звучит как Атажурт – земля отцов, то есть Отечество. И потому вполне в соответствии с менталитетом балкарского народа этот образ авторы воплотили в фигуре горца. По этому пути решил пойти и В. Славников в памятнике павшим героям, возведенном в селе Черниговка, изваяв скорбную и одновременно величественную фигуру мужчины, а не принятый в русской скульптуре образ скорбящей женщины-матери. Большую роль при работе над памятником сыграл и его недавно приобретенный визуальный опыт – весьма впечатливший его мемориальный комплекс в Саласпилсе, посвященный жертвам Великой Отечественной войны, а также местные образцы монументального искусства: «Скорбящий горец» Хамзата Крымшамхалова и Памятник 50-летию ВЛКСМ, созданный авторским коллективом (Гид Бжеумыхов, Виктор Абаев, Мухарби Каркаев и Роинд Гокадзе), которые дали импульс к созданию монумента. Он

сумел не только прочувствовать, но и выразить экзистенциальную драму отчаявшегося человека XX века, пережившего самую страшную войну в истории человечества, создав образ, который выражает безмерную скорбь по безвинно погибшим.

Иной подход к созданию монументов на тему войны мы видим в мемориальных комплексах, сооруженных в селе Новоивановка Майского района, в селе Нартан Чегемского района и в городе Нарткале. Автор, как это было модно в 50–60-х годах, тяготел к повествовательности, нарративу. Перед зрителем предстают вечно молодые, сильные, несколько идеализированные образы солдат-защитников Отечества, данные во фронтальной позе и лишённые внешнего движения. Для решения поставленной задачи автор использует тип воина, соответствующий эстетическим нормам официального искусства СССР. Плавный, неторопливый ритм одежды усиливает ощущение сосредоточенного покоя, в который погружены его солдаты, сообщает памятникам благородную и строгую простоту. Упрощенность форм и силуэтов делают образы выразительными и легко прочитываемыми.

Жизнь и творчество Всеволода Петровича Славникова прочно связаны с историей советской страны. Его станковые и монументальные скульптуры, отличающиеся художественным своеобразием, оригинальностью, несут на себе отпечаток эпохи, в которую он жил и творил. Они получили признание у простых зрителей, на официальном уровне и у его коллег. За свои достижения в искусстве ваятель удостоился почетного звания «Заслуженный художник КБАССР».

Живя в Нальчике, Всеволод Петрович всегда оставался на виду, так сказать, находился в гуще культурной, творческой жизни Кабардино-Балкарии, однако после отъезда в Сосновый Бор его постепенно предали забвению, несмотря на то, что неоспорима его роль в становлении изобразительного искусства республики, организации местного отделения Союза художников КБАССР, да и его собственное художественное наследие стало весомым вкладом в сокровищницу культуры Кабардино-Балкарии. Часть его станковых произведений хранится в запасниках республиканского музея изобразительных искусств, и время от времени демонстрируется на фондовых выставках музея, предоставляя жителям и гостям республики возможность познакомиться с творчеством художника. В поле зрения зрителей постоянно оказываются и его монументальные произведения, органически вписавшиеся в контекст городов и сел Кабардино-Балкарии. Однако нельзя не отметить, что в республике практически ничего не известно о творчестве В. Славникова после его переезда в Сосновый Бор, потому весьма затруднительно оценить его общий вклад в российскую культуру, его роль и значение для советского искусства.

**«Книга, которая перевернула моё сознание,
душу и весь мой мир...»**

Отзыв на книгу Шапаровой А. К.
«Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе
(1918-1940 гг.)»

Трагична история человечества. Особо трагична история отдельных её народов. Мы, люди, живущие на этой земле, не всегда имели и имеем возможность знать свою собственную историю. Кто не мечтал из нас, изучая по школьной программе историю, хоть что-либо услышать о своих предках далёких и не очень далеких. В этом плане моё любопытство не знало предела. Мы с упованием слушали рассказы о нартах, пытаюсь представить жизнь наших далёких предков. А язык наш, скрывавший много тайн о жизни древних, их поверьях, истории, обычаях, не давал мне покоя, задавая вопросы: «А что это значит? А как это понимать? А почему так говорили?» и т.д. Даже сейчас, будучи в преклонном возрасте, я не увидела и не услышала официально ни одного исчерпывающего ответа на подобные вопросы. И это повод для изучения и накопления разнообразной информации о корнях моего столь же древнего адыгского народа, как и других народов, историю которых мы изучали в обязательном порядке в школе и, в дальнейшем, в высшем учебном заведении. Моя генетическая память не даёт мне покоя по этому поводу.

Что значит история древних предков, если на наших глазах растаптывают вчерашнюю нашу историю и физически уничтожают из поколения в поколение адыгов – носителей совершенной и уникальной культуры, превратив нас за два столетия из Великой Черкесии в малую нацию, язык которой отнесен ЮНЕСКО к умирающим.

А если приблизиться к сегодняшнему дню, то вдвойне интересно мне знать, тоже с самого детства, почему моё село называется аул Конова, почему моё село находится там, где оно находится сейчас, куда подевались бесследно все Коновы, сколько их было, почему уничтожали людей того времени по социальному признаку. Почему исчезли из села все лучшие люди и т. д. и т.п. Кому было нужно уничтожить цвет нации и не только.

В 2018 году автор вышеуказанной книги Айшат Кучуковна Шапарова подарила мне свою замечательную книгу, которая перевернула моё сознание, душу и весь мой мир...

Теперь передо мной лежит как настольная книга солидное, красиво оформленное издание, будто надмогильный камень всех безвинно и зверски уничтоженных лучших представителей черкесского народа в недалеком прошлом. Здесь же фотографии настоящих рыцарей и княгинь,

чьи имена являлись гордостью и славой народа, о которых слагали песни, которые являлись носителями уникальнейшего дворянского этикета.

Не могу не задуматься над тем, чьим проектом была кавказская война, когда целый народ был объявлен хищниками и подлежал физическому уничтожению. Не является ли продолжением этого проекта так называемая социалистическая революция, сначала обещавшая мир народам, власть советам, землю крестьянам и т. д.?

А как понимать политику уничтожения дворянства как класса, как объяснить раскулачивание и уничтожение кулачества тоже как неудобного класса? В чьих интересах раскулачивали и физически уничтожали этих прекрасных людей, богобоязненных, не имеющих понятия о проводившейся политике?

Как понимать отрицание геноцида целого народа и изгнание его из собственной страны?

Это мои размышления, навеянные чтением вышеуказанной книги. Хоть автор открыто не задаётся целью выяснить причины этих убийств, однако довольно правдиво и полно создаёт картину ушедшего времени в документах, фотографиях и очерках. Эти репрессии унесли целые поколения самых замечательных и достойнейших людей, часть из которых, оказавшись по счастливой случайности в других странах, прославила себя, свой народ и страну, в которой они оказались. Неужели эти люди не принесли бы пользу нашему миру? Кто решает вопрос: кому жить, а кому не жить?

Сейчас открыли архивы и в газетах печатают списки репрессированных. Но я считаю, что этого недостаточно. Надо установить авторов и исполнителей этих зверских приказов. Народ имеет право знать в подробностях, когда и кем был задуман и осуществлён этот ужасный проект.

Многokrратно в нашей истории происходил разрыв поколений. Мы элементарно не можем проследить историю своего рода или народа из-за отсутствия стабильной информации, из-за разрыва поколений.

Мой маленький Конов-аул к 1851 году уже девятый раз переселялся с места на место, с большими человеческими жертвами, но сумел сохраниться и...

Предметом изучения в школах, вузах должно стать всё, что происходило в нашей новейшей истории. Если вернуться к адыгам, то геноцид нашего народа не признал царь. Его не признала и советская власть, и нынешняя власть, которая себя величает демократической.

Если пишут историю народов и государств с древнейших времён до наших дней, то мы имеем вполне законное право знать правду о своих предках. Почему, например, мой дед и три его брата, которые не были образованы и не имели никакого отношения к политике, оказались в Соловках по политическим мотивам? Почему активные участники Первой мировой войны были объявлены врагами народа? Правду и информацию

о многих подобных деяниях власти мы узнали из книги Шапаровой А. К. Большое спасибо Вам, Айшат Кучуковна, за этот титанический труд!

Вы, Айшат Кучуковна, работая в этом направлении, сумели восстановить в народной памяти историю и заслуги многих выдающихся личностей нашего народа, казалось бы, навсегда исчезнувших, и увековечили память о них, добившись присвоения их имён общеобразовательным учреждениям в нашей республике.

Вы приложили колоссальные усилия, чтобы добыть важные исторические документы, фотоматериалы и воспоминания из самых разных источников, разных стран и континентов для подтверждения истребления нашего народа в годы становления советской власти.

Если только в одном моем селе уничтожено 42 семьи, вина которых состояла лишь в том, что они являлись носителями фамилии Конов, то трудно ли понять, чем руководствовались люди, которые сдавали их как врагов народа. Что противоправного они сделали? Ровным счётом ничего.

К замечательной книге А. Шапаровой предисловие написано не менее замечательным учёным-историком из КЧР Фатимой Озовой. Все её выводы глубоко пронизывают события, имевшие место в нашей истории. Она безошибочно указывает на масштабы, корни, формы и временное пространство всех репрессий в нашей стране после установления советской власти.

Несмотря ни на что, патриотизм репрессированных оказался намного выше, чем у тех, кто объявлял их врагами народа. Они это доказали на фронтах Великой Отечественной войны, совершая невероятные подвиги, не рассчитывая на какие-либо вознаграждения. Те из них, которым посчастливилось остаться в живых, после войны тихо и мирно возвращались в места спецпереселений, где они – защитники страны – вынуждены были жить в изгнании и незаметно умереть вдали от Родины.

Книга «Политические репрессии на Северном Кавказе 1918–1940 гг.» показывает, что творилось в стране, когда «кто был никем, тот стал всем».

Такое не должно повториться, белые пятна истории должны быть вскрыты. В каждом населенном пункте нужно ставить мемориальные плиты с именами репрессированных, а книги, раскрывающие историю репрессий и репрессированных, должны иметь продолжение, чтобы последующие поколения знали об участии своих предков, безвинно пострадавших от произвола властей.

Это наш долг. Это дань памяти.

07.08.2019



ДОМ

(Из книги «У очага деда Сарая»)

Нередко доводится слышать, будто адыги в прежние времена не умели строить удобные и эстетичные жилища. Да, поневоле соглашаешься с некоторыми доводами таких не особо просвещенных историков. Например, с тем, что наш народ не раз вынуждали менять место жительства, и потому не имело смысла возводить основательные строения. А некоторые европейские путешественники прошлого (Интерьяно, XVI век) давали этому свою оценку, которая также недалеко от истины: строить каменную крепость и высокие заборы у адыгов считалось позорным, ведь это могло быть воспринято окружающими как робость, попытка огородить себя от опасности.

Тем не менее, в традиционном искусстве обустройства жилища адыгам трудно отказать в умении строиться по всем правилам функциональности и удобства. В качестве примера приведу дома, которые были в нашем селе в прошлом столетии, во времена моего детства и отрочества. Все они были похожи один на другой, за исключением небольших деталей, будто выполненные руками одного мастера. Возможно, так и было.

Дома Костоховых, Баговых, Маремкуловых, Ныровых – все как один были крыты жостью, желоба для водостоков были также жестяными. А стены были, как у всех, турлучными, или плетневыми. Украшения в виде орнамента или изображения растений и птиц довершали картину. Кстати, подобные методы жилищного строительства актуальны в селах Абхазии и по сей день. Ставить дом принято было посередине двора, позади и по бокам от него высаживались деревья, далее усадьба огораживалась невысокой кладкой из плоского камня.

О способе устройства турлучных стен стоит рассказать отдельно, чтобы не возникало впечатления чего-то хлипкого и недолговечного. Для плетней заготавливали в лесу дубовые или буковые жерди, которые уже не были гибкими, но и не успели стать колом. И название у них было соответствующее – «мыч-мыбжэгу», что означает «не прут и не кол». Отдельно заготавливали более гибкие прутья для соединения. Сплетали двойные прочные плетни, устанавливали их в два ряда с промежутком в полметра в прорытые по размеру будущего дома углубления. А затем пустое пространство плотно заполнялось смесью глины и соломы. Стены снаружи и изнутри обмазывали слоем глины, замешенной с добавлением навоза и соломенной трухи, по мере высыхания наносили еще один,

гладкий слой из глины с мелким песком и навозом. После этих трех этапов следовал заключительный – побелка. Белили не меньше трех раз, в конце добавляли в известковый раствор немного купороса, что придавало стенам нежно-голубой цвет. И наконец – выделение жидкой глиняной смесью низа дома, вроде фундамента. Чтобы линия получилась идеально ровной, использовали для разметки длинный тряпичный лоскут, смоченный в той самой глине. Усердные хозяйки несколько раз за год подправляли обмазку и побелку, чтобы дом выглядел красивым и опрятным.

В строительстве не использовали ни одного гвоздя или металлической скобы, все только из природного материала, включая двери и окна, столь же красивые, как и дома. Безусловно, жить в таком доме было гораздо уютнее, теплее зимой и прохладнее летом, чем в каменных постройках. Вспоминая все это, я не могу вновь и вновь с досадой не подумать о тех, кто сочинял небылицы о неумелости моего народа в жизненном обустройстве. Откуда что бралось? Возможно, нам приписывали то, что бытовало у других, менее приспособленных народов...

Наш дом, обращенный лицом к югу, состоял из трех больших комнат, каждая из которых имела свое наименование: комната с очагом (*жъэгу пэи*), средняя (*ику ит пэи*), она же звалась девичьей, и спальня (*лэгъунэ пэи*). Это были три основных помещения, но были еще и другие, не менее значительные для жизни: чулан (*лэгъунцЫклу*), передняя комната, или прихожая (*пэЛуцІэ пэи*), длинная веранда, огибавшая дом. По названиям понятно, что каждое помещение в доме имело свое единственное предназначение.

Жъэгу пэи – комната с очагом, или очажная, – была местом, где собиралась вся семья. Главным здесь неизменно считался старший в семье, более того, эту комнату так и воспринимали – как незыблемое место старшего. Посередине находился большой очаг с дымоходом, который уходил прямым в крышу через отверстие в потолке из красиво прорезанных досок, покрашенных коричневой краской. Пол был глиняный, гладко утрамбованный. Одно окно выходило во двор, другое – на задний двор. Две смежные двери вели одна в девичью, другая – в малую спальню, и третья дверь была входной с веранды.

В перегородку между комнатой с очагом и девичьей была встроена большая дровяная печь, дверцей обращенная в общее помещение. Это делалось неспроста: в девичьей всегда должно быть чисто, туда не дозволялось заносить дрова и сорить золой.

В очажной вся утварь была сделана из дерева – кровать, кресло, приземистый сервант, трехногий стол, низкие табуретки. Одежда и матрасы изготавливались из овечьей шерсти, подушки набивались пером и пухом домашней птицы. Плетеные из рогоза *арджены* на стенах и полу,

войлочные коврики и накидки – все это было атрибутом всякого адыгского дома. И в этой же комнате всегда стояли медные тазы – большой для купания и маленький для омовения, рядом же находился кумган с водой. Все это должно было блестеть, и потому часто начищалось мягким песком с золой. На стене висел неизменный намазлык – коврик для намаза – из козьей шкуры. О том, что его постоянно использовали, наглядно говорили потертости в местах прикосновения ног, коленей и рук во время молитвы.

В простенке между комнатами было маленькое сквозное окошко, на котором стояла керосиновая лампа, освещавшая равномерно оба помещения. Другая лампа крепилась к металлической серьге на потолочной балке очажной комнаты.

В небольшом серванте хранилась вся посуда для семьи. Трудно передать словами, какая это была красивая посуда. Но она порастерялась в лихие времена, когда на семью начались гонения, и приходилось переезжать с места на место. Сохранилась в роду одна прелестная вещица – маленькая сахарница, которую бережно хранят в память о даде Сарале. Мне часто вспоминается и другая вещь, наподобие современной кофемолки. Называли ее, правда, на свой лад, именно по назначению – «бурихьэж», что означает «мельница для перца», или перцемолка, как угодно. Мололи в ней черный и красный перец, *джедгин* (чабер) и прочие специи из трав.

А самым главным в этой комнате был, конечно, сам очаг, большой, всегда пышущий кизячным жаром. Человек десять детей и взрослых усаживались возле него полумесяцем, и всем хватало места. Вечерами на тлеющих кизячных углях пекли вкуснейшую белую кукурузу, рассыпчатый сладкий картофель, и от таких лакомств невозможно было оторваться. А тот, кто не пробовал тыкву, запеченную на очажном жару, тот не знает вкуса настоящей еды. Так я считаю. И вот в такой роскоши мы жили с осени до конца зимы.

Устройство очага – тема отдельного разговора. Над широким ложем для огня высоко подвешен был круглый железный брус, на него двумя крюками крепилась очажная цепь. В зависимости от того, какую емкость для готовки использовала хозяйка – большой котел или малый котелок, – и от желаемой силы жара цепь можно было приближать или отдалять от огня. По мере надобности в качестве подставки под котел использовался треножный таган. Щипцы (*нэры/эбэ*), большие и малые, всегда были под рукой, чтобы переворачивать или подправлять горящие кизяки или дрова, доставать из огня печеную картошку, чуреки или кукурузу. И еще два вертела висели возле очага наготове, один для мяса, другой, с закругленным острием – для лакумов. На специальных крюках вялились бараньи бока и ляжки. Жаруму (мясные рулеты из бараньих кишок и нутряного сала с приправами, завернутых в очищенную требуху) сушили

на отдельных решетках. Для копчения сыра использовали плетенки из прутьев. В обоих случаях копчение происходило над чинаровым дымом, что придавало продукту необыкновенный вкус, и хранились такие заготовки очень долго.

На встроенной полке у очага стояли в ряд топленое масло с красным перцем (*шыбжитхъу*), соль, черный и красный перец, чабер (*джедгин*), шафран (*сэрэбэгъуэ*) и другие пряности в красивых чашках. И тут же были разложены и расставлены миски и плошки, шумовки, половники, лопатки для помешивания пасты и прочая кухонная утварь на потребу хозяйке.

Ложе очага ежедневно освобождалось от золы, очищалось и чисто выметалось, следы копоти на стенах очага часто освежались разведенной жидкой глиной.

Теперь о девичьей комнате. Это было просторное помещение в три окна, одно выходило на задний двор, в сад, два других – во двор. И две двери – одна, двустворчатая, с резными ручками, вела в общую, очажную комнату, через другую обитательницы выходили прямо на веранду. Пол в девичьей, в отличие от других помещений, был деревянным, из гладко струганных неокрашенных досок. Они всегда были чистые, светлые. И потолок в этой комнате был подшит досками, покрашенными нежно-желтой краской.

В комнате дочерей стоял очень красивый двухэтажный сервант (*сырэ зэтет*) с посудой. Нынешним дорогим гарнитурам далеко до той мебели и по красоте, и по добротности. У дальней стенки стояла деревянная кровать, а посередине комнаты – большой стол со стульями, на котором зимой и летом стояла красивая стеклянная ваза голубого стекла с фруктами.

Был в комнате большой гардероб – шкаф для одежды с зеркалом во всю дверь. По обе стороны от зеркала были прикручены подставки для свечей, притом они были на шарнирах, чтобы при надобности их можно было двигать и растягивать, как мехи гармони. С этим зеркалом, правда, вышла такая история. Был у нас огромный откормленный валух с большими витыми рогами. Кто-то оставил дверь в девичью открытой, баран зашел в комнату и, увидев свое отражение в зеркале, с разбегу ударил рогами, и зеркало рассыпалось на мелкие кусочки...

«На чужом богатстве не проживешь, богатство с кем пришло, с тем и уходит», – говаривала наша мать. Всю мебель, описанную выше, новая власть реквизировала, и несколько лет она стояла в доме сельского совета. А потом ее непостижимым образом привезли обратно и вернули владельцам.

А дальше пора рассказать об убранстве спальни (*лэгъунэ*). Эта комната тоже была удивительная, потому что в ней с утра до вечера было солнечно. Два окна выходили во двор, то есть на южную сторону,

и еще два окна – на западную. Потолок был подшит гладкой крашеной доской, но пол был глинобитный, укрытый толстым войлочным ковром. Две железные кровати были застелены верблюжьими одеялами, поверх которых гордо красовались пышные пуховые подушки. Как и во всех комнатах, здесь был стол со стульями. Дверь из спальни вела в сени (*сенэ*). Это тоже еще одно важнейшее помещение в доме, которому стоит уделить внимание.

В сенях были целых четыре двери. Одна – входная из передней, вторая вела, как уже сказано, в спальню. Через третью мы попадали в девичью комнату, и еще одна выходила в сад и на задний двор. Из сеней можно было подниматься на чердак, и лестница была все время приставлена к отверстию в потолке. Печка в *лэгьунэ* топилась из сеней, куда выходила ее дверца. Пол здесь также был глиняный.

Может показаться, что пол из глины – это что-то элементарное. На самом деле имело значение, как искусно уложен пол, как часто его освежают жидкой смесью глины и навоза. И подметать такой пол надо было по-особому: сперва сбрызнуть водой их кумгана красивыми узорными разводами, чтобы пыль не поднималась, и лишь потом браться за веник. Притом следовало подождать, пока вода на полу слегка подсохнет, а потом орудовать веником без спешки и спокойно, чтобы ни одна пылинка не поднялась в воздух. Несоблюдение этого правила считалось неприличным. Если девушка или женщина мела сухой пол, вздымая пыль, ее прозвали бы, по меньшей мере, неумехой, плохо воспитанной. Верхом неприличия считалось подметать пол в присутствии посторонних. Поэтому нужно было делать это рано утром.

«По тому, как женщина метет пол, можно узнать, чего она стоит», – говорили раньше. И это были не пустые слова. Одну нашу родственницу сторона мужа вернула родителям вскоре после свадьбы. Не знаю, правда это или нет, но нам мать так объясняла причину такого неприятного оборота: «Сказали, что она не умела подметать пол». Несомненно одно: та, что не была посвящена в искусство подметания пола, могла не соблюдать и других важных правил...

И наконец, кладовка, или *лэгьунцлыклу*. В нее можно было попасть из комнаты с очагом. Свет сюда проникал через небольшое оконце, встроенное в стену достаточно высоко. В углу стояла ручная мельница, на которой каждый день мололи нужное количество пшена, дробили кукурузное зерно. Вдоль стен были установлены полки, на них – плетеные корзины с сушеными фруктами. На гвоздях – сушеное мясо, головки копченого сыра. На балках наподобие полотенец висели пласты фруктовой пастилы – *мэрзей*. Отдельно хранились крупы и зерно. Их держали в плетеных корзинах, обмазанных изнутри глиной. Корзины для сухофруктов не обмазывали, чтобы воздух свободно проходил через прутья, и продукты не портились.

Под крышей были вделаны острые железные крюки для сушки мяса. Когда резали скот, мясо сначала выдерживали в подвешенном виде во дворе, пока не стечет кровь, а потом солили и развешивали на этих крюках. Оно хранилось сколько угодно долго, к тому же было недосыгаемым для собак и кошек. На эти же крюки вешали надоенное с вечера молоко, чтобы в него не попадали насекомые и не добирались те же кошки.

Тогда не было холодильников, но ничуть не уступали им по своей полезности нехитрые приспособления в этом помещении. Что только в нем не хранилось: абазинская сметана в глиняных кувшинах, топленое и сливочное масло, мед, перетопленный животный жир (растительное масло тогда не употребляли в пищу), квашеный в бочонке лесной терн, и много еще чего. Что удивительно, ничего из этого изобилия не портилось, сколько бы ни хранилось.

Больше ста лет стоял этот дом, разобрали мы его только в 1946 году. Десять окон и семь дверей было в том доме, и за столько лет ни цвет краски не полинял, ни одного скола или царапины не было на поверхности. А красили только один раз, первый и последний. Удивляюсь, как могла сохраниться краска и само дерево, открытое дождю, снегу, солнцу, дыму и саже от очага.

Вспоминаю об особенностях строительства домов и оттенках краски, что использовали в середине девятнадцатого века, и делаю свои выводы: голубой цвет девичьей комнаты, прихожей, окон и дверей должен был означать молодость, а земные, коричневатые оттенки в очажной комнате символизировали статус старших, мудрость и выдержанность.

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой



В номере:

К 75-летию Победы. <i>Исторический очерк</i>	2
<i>Алим Кешоков. Стихи</i>	38
<i>Кайсын Кулиев. Стихи</i>	40
<i>Ахмедхан Налоев. Надпись на рейхстаге. Рассказ</i>	42
<i>Узеир Жулабов. Почерк учителя. Золотая лихорадка. Равнодушие. Рассказы</i>	59
<i>Владимир Зарубин. Победа-75. Стихи</i>	75
<i>Юрий Тхагазитов. Перед лицом истории. Статья</i>	80
<i>Сараби Мафедзев. Адыги: обычаи, традиции. Главы из книги</i>	86
<i>Павел Сидорук. Ржевский монумент. Статья</i>	117
<i>Залимгери Мирзоев. Оглядываясь на прожитое. Очерк</i>	120
<i>Джамбулат Кошубаев. Адильгерий Соттаев. «Письма». Статья</i>	130
<i>Мадина Хакуашева. Костер на асфальте. Статья</i>	141
<i>Тамара Биттирова. Мир чувств Гирихана Гагиева. Статья</i>	162
<i>Жаухар Аннаева. Из поколения победителей. Статья</i>	174
<i>Мида Шαιοва. «Книга, которая перевернула мое сознание...» Статья</i>	182
<i>Тамара Маремкулова. Дом. Гл. из книги</i>	185

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии Артура Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 03.03.2020. Подписано к печати 08.04.2020.
Выход в свет 30.04.2020. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 1046 экз. Заказ № 363. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Тетраграф»,
360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

Продолжается подписка на журнал «Литературная Кабардино-Балкария» —



единственное литературно-художественное и общественно-политическое издание на русском языке, охватывающее и поддерживающее единое культурное пространство, создаваемое усилиями деятелей искусства и культуры нашей республики.

На страницах «Литературной Кабардино-Балкарии» читатель всегда найдет современную прозу и поэтические подборки как известных мастеров литературы, так и тех, кому еще только предстоит обрести популярность.

Журнал стремится освещать широкий круг вопросов общественно-политической жизни, проблемы и достижения во всех отраслях народного хозяйства КБР.

В журнале печатаются как оригинальные произведения, так и переводные тексты авторов нашей республики, а также литераторов и журналистов братских республик Северного Кавказа, ближнего и дальнего зарубежья, ранее не издававшиеся на русском языке.

Аудиторию «Литературной Кабардино-Балкарии» составляют все категории читателей, объединенных любовью к литературе и неравнодушных к событиям общественной жизни.

Журнал выходит шесть раз в год, каждые два месяца.

Стоимость одного номера по подписке в отделениях ФГУП

«Почта России» — 35,03 руб., за 6 месяцев — 105,09 руб.,

за год — 210,18 руб.

В розницу — цена свободная.

Адрес редакции: КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5, «Дом печати».

Телефоны редакции: 40-03-24; 42-75-22.

Сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Подписной индекс П5892

